

Издательство
(И. Курманов)

ТОМСКИЕ ТРУЩОБЫ

Не-Крестовский

(Валентин Владимирович Курицын)

Томские трущобы

Уголовный роман-хроника

Курицын Валентин Владимирович (1878–1908) — поэт и беллетрист. Служил в Управлении Томской ж. д. конторщиком. Печатался в томских газетах и журналах: «Сибирский вестник», «Сибирский наблюдатель», «Сибирские отголоски».

Успехом пользовался его приключенческий роман «Томские трущобы», который (за подписью Не-Крестовский) печатался сначала в газете «Сибирские отголоски», затем вышел отдельной книгой (Томск, 1906). Сибирская Советская Энциклопедия, т. 2, стр. 1131

Часть первая

ПО ПРИТОНАМ И ВЕРТЕПАМ

1. У «Никитки Рыжего»

...На одной из окраин г. Томска ютится старое, почерневшее от времени здание. Над входной дверью видна вывеска следующего содержания: «Белая харчевня и чайная».

Место здесь глухое, малозастроенное. Зимой улица бывает занесена сугробами снега, а осенью утопала в грязи. О фонарях и помину нет.

Казалось бы, что при таких условиях дела «Белой харчевни и чайной» должны быть в незавидном положении, а между тем, хозяин учреждения на отсутствие посетителей пожаловаться не мог. У него была своя «особенная публика». Все городские жиганы; все «фартовые» дельцы, начиная от мелких воришек и кончая крупными рыцарями больших дел и рецидивистами, находили здесь приют и радушие только в том случае, если они были при деньгах. Некоторые же из фартовиков, наиболее крупные, давали займы деньги и кредит.

В задней комнате харчевни, грязной и прокуренной, находился своего рода клуб: здесь собирались молодцы погулять и отдохнуть от работы, здесь назначались деловые свидания главарей всевозможных темных дел. Здесь же реализовалось сердце предприятий: хозяин харчевни был вместе с ними.

Немудрено, что «Никитку Рыжего», так звали жулики хозяина харчевни, знали и считали своим, потому что не было уже больше места на больших оживленных улицах города для тех, кто избегая столкновений с полицией, предпочитал скрываться на окраинах.

В один холодный весенний вечер, когда харчевня была освещена двумя лампами к буфетной стойке подошел новый посетитель. Это был молодой парень могучего телосложения, одетый в старое рваное пальто и высокие сапоги, забрызганные грязью.

Подойдя к стойке он лихо заломил фуражку на ухо и протянул хозяину руку:

— Никите Ивановичу наше особенное!

Хозяин пристально взгляделся в подошедшего.

— Сенька! «Козырь»! Какими ветрами занесло! Где это ты пропадал!

— Далече, отсюда не видать, Никита Иванович! Ходил, бродил по белу свету — до Иркутска-города, до Байкал-озера, — бойко отвечал парень, оглядывая между тем посетителей харчевни.

— Ну, чем тебя потчевать прикажешь? За гривенник налить, штоль?

— Сыпь за гривенник.

Хозяин наклонился, из-под прилавка достал большой фаянсовый чайник, в котором он держал водку для «мелкого потребления». Открытой торговли крепкими напитками здесь не производилось.

— Вот что, Никита Иванович! На той половине никого из «ветошных» нет? спросил Сенька, выпивая стаканчик. «Ветошными» на жаргоне воровского мира называются вообще все люди, не причастные к нему, себя же люди, подобные Сеньке, называют «блатными».

— Никого нет. Проходи. — Сенька Козырь и хозяин прошли в маленькую комнату, позади буфетной стойки. Свет лампы, которую зажег хозяин, осветил грязные запыленные стены, два-три столика, обтянутые черной порванной клеенкой и несколько простых табуреток. Оба окна комнаты были плотно завешаны ситцевыми шторами.

— Дай ты, братец, мне пока што, полбутылки да огурчиков соленьких парочку! Да никого из чужих сюда не пускай! Надо мне здесь с человеком повидаться.

Хозяин вышел из комнаты. Козырь в ожидании водки принялся свертывать папиросу.

— Кого ждешь-то? — спросил хозяин, подавая графин и закуску.

— Самого Егорина, — ответил Козырь вполголоса.

— Егорина! Э-э да ты, стало быть, сегодня при деньгах будешь! Дело, стало быть, наклеывается.

Козырь покачал головой.

— Сам еще не знаю. Был я вчера у Петровича, сказывал сам упредить меня, чтоб подождать его у тебя. Зачем — не знаю.

— Давно ты в наших-то палестинах объявился.

— Третьего дня приехал.

— А я уж думал, «зацинтовался» ты (попался полиции). Около года не было тебя. Ну, пока еще бог милует! Выпей со мной, Никита Иванович, поздравь с приездом!

— Ну, давай наливай! Как не выпить с хорошим человеком! Что у вас в Томске нового? Как наша «хевра» (товарищеская городская воровская организация) поживает? — расспрашивал Козырь. — Кто из знакомых засыпался?

— Фомка кривой сидит с Митькой-цыганом; они за истоком.

— На «шниф» ходили, что-ли (кража со взломом).

— Какое! «Мокрый гранд» (убийство).

— Жалко ребят, — сочувственно отозвался Козырь, — хорошие товарищи были!..

«Сам», или Егорин, которого поджидал Сенька, появился в Томске лет восемь тому назад. Пришел он в Сибирь по «владимирке», был прописан как крестьянин из ссыльных одной из подгорных волостей.

Прошрое Егорина для всех, знавших его, было тайной за исключением одного человека, тоже выходца из России, поселившегося в Томске в конце 80-х годов, — некоего Кочерова. Очевидно, было что-то общее в прошлом у этих людей. По прибытии своем в Томск Егорин нашел приют у старого дружка Кочерова, тогда уже зажиточного человека, имевшего свой домик и доходное дело — садовое и огородное заведение.

Понемногу и сам Егорин стал в люди выходить. Денежки у него появились, торговлишкой занялся. Знакомство с разными «фартовыми» людьми свел. Приходилось ему дело и с полицией иметь: то в беспатентной продаже вина попадетя, то краденные вещи у него найдут.

Вообще, репутацию себе составил нелепую, но как умный и бывалый человек, умел всегда выходить из воды сухим. Все же эти темные дела давали Егорину, очевидно, хорошие барыши, так как в то время, к которому относится рассказ, у него был уже собственный дом на Верхней Елани. При доме лавочка. И никто, конечно, из видевших Егорина в сером арестантском халате, не признал бы его в настоящем положении в роли домовладельца и коммерсанта. В темном воровском мире у Егорина были свои помощники, вроде Сеньки Козыря, на которых он полагался вполне.

2. На удавку

...В дверь комнаты постучали.

— Кто там? — откликнулся хозяин.

— Выдьте на минутку! — раздался голос подручного. — Вас спрашивают.

Хозяин вышел за прилавок.

— Кто спрашивает?

— Со двора кличут, — ответил подручный.

Никита Иванович вышел через темный коридорчик на заднее крыльцо и остановился у запертой двери.

— Кто здесь?

— Отвори, Никита Иванович, свои, — раздался за дверью скрытый несколько хриплый голос. Далее последовал раздраженный оклик на цепную собаку, завывавшую около крыльца.

— Цыц, ты проклятая, не узнала.

— А, господин Егорин. Пожалуйста! Сенька Козырь давно вас поджидает...

Они прошли в дом.

— Ну и ночка выдалась, — заговорил Егорин, идя вслед за хозяином, — зги не видно.

— На лошади, аль пешком.

— На лошади — во дворе привязал.

— Не боишься, что угонят, — усмехнулся хозяин.

Сенька при виде Егорина отставил недопитый стакан, поднялся из-за стола.

— Заждался я вас, Кондратий Петрович, — начал он.

Егорин расстегнул пальто и присел к столу.

— Выйди-ка, Никита Иванович, «пострем» там около дверей, а мы тут потолкуем малость...

— Вот какое дело, — продолжал Егорин, когда они остались с Козырем наедине, — перво-наперво, скажи ты мне, вид у тебя есть.

— Есть «липовый». В Иркутске еще справил.

— Ну, а насчет монет-то, поди, не густо.

— Да не мешало бы принажаться малость! — усмехнулся Козырь, начиная понимать, о чем хочет говорить с ним Егорин. Но тот молча прошелся несколько раз по комнате и, хлопнув Козыря по плечу, зашептал:

— Слушай, Семен, — есть «работа»! Будет у тебя и паспорт чистый и деньгами получишь сумму немалую, только помни: седни ночью дело обделаем, а завтра утром садись в машину и уезжай из Томска. Здесь не хороводься, «засыплешься»! Можешь ли так соответствовать.

Глаза Егорина пытливо впились в лицо парня.

— Что вы, Кондратий Петрович, али мне впервой! — даже обиделся Козырь. — Что я, присох, что ли, к Томску: знамо дело — были бы деньги да вид, а уж «шухор» не возьму (не попадусь с поличным).

— Ну так по рукам! — И Егорин вынул бумажник и протянул Козырю десять рублей.

— Велика ли «работа»-то? — спросил тот, пряча задаток.

— «Работа» простая! На удавку возьмешь одного «фраера» да и того подмоченного человека приезжего, доверчиво идущего на уловки преступников.

— Ходит, хозяин, — уже весело отозвался Козырь, — а по отделке сколько.

— Пять красных и чистый документ, с которым куда хочешь поезжай!

— Маловато, Кондратий Петрович, главная вещь — на дорогу деньги надо!

— Ну три четвертных, действуй только на совесть!

Егорин достал из кармана небольшой кусок сахарной бечевы, обильно натертый мылом, с петлей на конце.

— Вот тебе «струмент». Я тепер пойду, а ты малость обожди, а после тоже иди. Я буду ждть тебя на углу...

Часа два спустя, к одному двухэтажному дому на углу темного кривого переулочка подъехал коробок, забрызганный грязью, в котором сидел Егорин и еще кто-то.

— Сюда сворачивай, направо! Остановись около калитки!

— Приехали — спросил спутник Егорина.

— У цели своего странствия-с, — подобострастно ответил тот, вылезая из коробка.

Сюда пожалуйста-с! Шагайте пошире-с: тут грязь!

— Ты, парень, — продолжал Егорин, обращаясь к импровизированному кучеру, — коня-то заведи во двор, поставь под навес, да смотри не спи! Вишь, ночь-то какая — зги не видно, того гляди с коробком вместе!

— Пошто спать, будьте покойны. Все будет в исправном состоянии.

Егорин и его спутник, оставив Сеньку Козыря с лошадей, вошли во двор.

— Сюда пожалуйста! Вот в это крылечко, — и Егорин постучал легонько в дверь.

Прошло минуты две... Все было тихо... Накрапывал мелкий надоедливый дождик...

— Спят, что ли, они! — досадливо пробурчал Егорин.

...Темный ставень окна, ближайшего к двери, прорезала полоска света. Загремел дверной засов.

— Кто тут-ка? — раздался за дверью женский голос.

— Ну, пошевеливайся, тетенька, встречай гостей, — отозвался Егорин.

Дверь отворилась. На пороге стояла уже немолодая женщина, одетая без претензий на моду. Высоко держа над головой лампу. Это давало возможность рассмотреть ее сухощавое, вблизи сильно напудренное лицо.

Она посторонилась, пропуская гостей вперед.

— Пожалуйста, Кондратий Петрович! Пожалуйста, гости дорогие! Милости просим!

Голос у нее был тихий слащавый, с неприятным оттенком. Раздевшись в полутемной прихожей, где сильно пахло керосином от закопченной лампочки, гости прошли в следующую комнату. Это — небольшое зальце, оклеенное розовыми обоями. В простенке виднелось, дешевенькое, все засиженное мухами зеркало. В комнате стояли диван и два кресла, с выцветшей от времени обивкой. Очевидно, купленные где-нибудь по случаю. На круглом преддиванном столике горела лампа под розовым абажуром из бумаги.

...Пахло какими-то дешевыми грубыми духами.

— Хе, вот мы и дома, так сказать, — заговорил Кондратий Петрович, усаживаясь в кресло, — можно теперь побеседовать келейно, хе, хе!

Спутник его — молодой человек, почти юноша, с розовым круглым безбородым лицом — одет был в купеческого типа темно-синюю поддевку, по борту которой болталась массивная золотая цепь, с любопытством оглядывался кругом и нервно мял в руках мягкую фетровую шляпу.

— Тетенька! — крикнул Егорин, — поди-ка прими от моего кучера, там он во дворе, лошадь

привязывает, кулечек. Захватили мы с собой малость живительной влаги да закусок.

— В один момент, Кондратий Петрович! Беседуйте, гости дорогие! — и «тетя» вышла в сени.

— А где-ж она, девица-то. — Шепотом спросил юноша в поддевке.

Егорин вместо ответа встал, подошел к противоположной двери, закрытой ситцевой занавеской, и забарабанил пальцами.

— Есть кто живой? Отзовися!

— Ах, что вы! Сюда нельзя: я прическу делаю, — слышался молодой и нежный девичий голос.

— Чувствуете! — подмигнул Егорин своему спутнику.

У того по лицу расплзлась глупая самодовольная улыбка.

— А хороша. — Прошептал он.

— Бутон — одно слово!..

3. Тайна, скрытая волнами Томи

Кондратий Петрович самодовольно крякнул и закурил папиросу.

— Для кого другого, а для вас, Василий Иванович, постараемся: со дна моря достанем. — Василий Иванович блаженно улыбнулся.

— Поверьте, Кондратий Петрович, — прошептал он, — я этого дела не забуду, благодарность свою чувствую во-о как!

— Главное вы, Василий Иванович, насчет мяса-то батюшку уломайте. Чтобы значит по девяти рублей кругом.

Василий Иванович неторопливо махнул рукой.

— Слово мое твердо. Как сказано, так и будет...

В комнате на минуту воцарилась тишина...

— Вот, батюшка, Кондратий Петрович, кулечек ваш, — появилась хозяйка, неся в руке большой и, видимо, тяжелый сверток.

— Ага, вот хорошо! Давай его сюда, мать честная! — И Егорин, приняв от хозяйки сверток, стал выгружать содержимое.

На столе появилась бутылка коньяку, бутылка рябиновой, еще какое-то вино, фрукты и закуска.

«Тетенька» даже руками всплеснула.

— Угощений-то сколько! И для чего так тратиться...

— Ладно, мать честная! Давай подсаживайся, да, впрочем вот стаканчики и тарелки: не с рук

же есть.

— В один момент, Кондратий Петрович!

Василий Иванович вздохнул, отложил свою шляпу на диван и слегка недовольным тоном произнес:

— Чего же она не выходит, время уже не раннее.

Фразу его подхватила хозяйка, возвращавшаяся с кухни со стаканчиками и тарелками.

— А сейчас, голубчики, сейчас! Катенька! — подошла она к двери. — Скоро ли, голубушка? Гости заскучали.

За дверью послышался сдержанный голос.

— Марфа Семеновна, подтеки сюда на минуточку, шпилек я никак не могу найти.

— Ох, ты мое золото, иду, бегу, — и хозяйка скрылась за дверью.

Егорин между тем не терял времени и усиленно угощал Василия Ивановича. Они выпили по два стаканчика коньяку.

— Эх, Кондратий Петрович, — заговорил Василий Иванович, обсасывая кусок лимона, сижу вот я сейчас и думаю, ежели бы мне да при моем характере тетенькин капитал. Чтобы я тогда сделал. Р-раздолжил бы, могу сказать!

— Выпьемте, Василий Иванович! — сочувственно подхватил Егорин, вновь наполняя стаканчики.

— Вы вот теперь, — продолжал он, — человек сказать еще молодой, а уже от тетеньки большое доверие имееете. Шутка ли! Сегодня в банке сколько получили, Василий Иванович?

Василий Иванович самодовольно улыбнулся.

— 30 тысяч кругленьких. В Америку с ними бы залиться, а? — он рассмеялся полупьяным смехом.

— Здравствуйте! — тихо произнес кто-то.

Портьеры, закрывавшие двери в соседнюю комнату, приподняла маленькая ручка и в залу вошла молодая стройная девушка.

Темное, скромного фасона платье красиво облегалo молодую пышную грудь девушки. Она робко и смущенно улыбалась, глядя на собеседников, и стояла в нерешительности среди комнаты.

Егорин привстал.

— Вот познакомьтесь! Прошу любить и жаловать! Господин азбуки глаголет, купеческой первой гильдии сын.

Василий Иванович, в свою очередь, встал и раскланялся с девушкой.

— Позвольте познакомиться, — пробормотал он.

На сцене вновь появилась тетенька.

— Подсаживайся, Катенька, подсаживайся к столику. Вот мы с тобой по женскому сословию выпьем чего-нибудь легонького.

— Ах, что вы! — законфузилась девушка. — Разве это возможно — я не пью.

— Пожалуйста, мадамзель, сюда на диванчик, здесь помягче будет.

Катя все еще улыбалась и как-то застенчиво опустила на диван рядом с Василием Ивановичем. Ее бойкие серые глаза быстро и с любопытством скользнули по его фигуре. Вино было разлито.

— Вам, тетенька с барышней — мадерцы, а мы коньячку хватим. Ну-ка давайте со свиданием-то...

— Ух, какая крепкая, — закашлялась тетенька.

Катя отпила глоток и поставила рюмку.

— Нет, уж это вы, барышня, оставьте, этим вы нас много обижаете, извольте выкушать всю, — и Василий Иванович потянулся с рюмкой, расплескивая вино и принимая обиженный вид.

— Не привычна я, — отнекивалась Катя, — отродясь не пивала, голова болеть будет.

— И-и, молодка моя! С добрыми людьми посидеть — не будет голова болеть. Выпей себе на здоровье, не конфузься — свои люди.

— Веселее будешь, — поддакнул Егорин.

Девушка выпила, поперхнулась и закашлялась, прижав платок ко рту.

— Это кто-то торопится, — ласково улыбнулась она в сторону Василия Ивановича.

Тот, уже окончательно пьяный, осоловев от выпитого коньяка и близости горячего тела, пробормотал:

— Ку-кушайте! Веселых я очень обожа-аю.

— Оставим их тетенька, — подмигнул Егорин, — пусть молодые люди промеж собой поговорят.

— Ах, что это вы, как же это одним можно, — запротестовала Катя, но Егорин и тетенька уже скрылись в соседней комнате.

— Позвольте теперича узнать, — тих и возбужденно заговорил Василий Иванович, еще ближе подвигаясь к девушке, — как вас понимать должен. Правильно ли мне про вас говорили?

— То есть, что это, — переспросила Катя, поправляя прическу.

— На счет вас то есть. Значит, как мы сто рублей... Будет ли все в аккурате.

Девушка вместо ответа звонко расхохоталась и положила свои руки к нему на плечи.

— Какие у вас странные глаза! Я люблю блондинов!

Василий Иванович крепко сжал тонкий и послушный стан девушки.

— Хоть двести. Потому при наших капиталах...

Девушка как-будто невзначай, налила свою рюмку, плеснув порядочную дозу коньяка в стакан Василия Ивановича.

— Ежели бы теперь, после всего этого, — заговорила она, выпивая свою рюмку, — знать я могла, что со мной завтра будет.

И она быстрым, почти незаметным движением, пользуясь тем, что Василий Иванович потянулся за спичками, высыпала ему в стакан щепотку чего-то белого. Василий Иванович видимо чувствовал себя наверху блаженства. Он раскинулся на диване, щурил глаза и попыхивал папироской.

— А ваш стакан, что же стоит, вы отчего не выпили? — и Катя, взяв стакан, протянула его Василию Ивановичу. — Выпейте за мое здоровье!

— Мо-ожно. Сколько угодно...

Стакан был осушен.

— Тьфу, горчит что-то, — сплюнул Василий Иванович, вновь наваливаясь на спинку дивана.

Минут через пять он уже спал... И по мере того, как лицо Василия Ивановича бледнело, дыхание становилось все реже и реже, с лица девушки исчез оттенок нежности и любовного томления. Она глубоко вздохнула, как актриса, сыгравшая свою роль, и убедившись, что «фраер готов», резко поднялась из-за стола и крикнула:

— Идите, что ли.

Появился Егорин.

— Ключуло что ли.

— Готово дело. Пожалуйте уговоренные!

Егорин вынул ей 25 рублей.

— Молодец, Катька! Сенька, — продолжал он, — иди сюда. Напился наш гость до чертиков, тащить его надо!

Соединенными усилиями Егорин и Козырь подняли отяжелевшее тело Василия Ивановича и вынесли на крыльцо.

Кое-как усадив в коробок грузную и мотающуюся фигуру, Егорин пошептавшись о чем-то с тетенькой, уселся сам, поддерживая рукою своего спутника. Когда они, незамеченные под покровом ночной темноты, выехали за ворота, Сенька спросил:

— Куда везти-то.

Знамо дело к томи...

4. Бескровная жертва

Темные глухие переулки болота остались позади. Город спал. Был уже третий час ночи — время, когда не только томские обыватели, но и стражи общественной тишины и спокойствия мирно покоятся в объятиях морфея. Нашим героям удалось поэтому благополучно миновать,

не встретив никого, главные улицы города, Василий Иванович не обнаруживал никаких признаков жизни.

Оставив вправо от себя темневшее здание завода Андроновского, они выехали на пустыри, которые тянулись по правому берегу томи. Здесь было глухо, темно и мрачно. Ветер уныло шумел в придорожном чахлом березняке.

Дорога делала поворот и, оглянувшись назад можно было видеть ряд мутных огоньков вдоль набережной и слабый свет электрических фонарей в центре города.

— Свороти ка в сторону, Семен, — нарушил молчание Егорин, когда они поравнялись с длинным рядом деревянных штабелей, — место здесь самое подходящее...

Коробок запрыгал по кочкам и пням пустыря.

— Остановись тут!..

Они вытащили безмолвную фигуру Василия Ивановича и положили на землю.

Первым долгом Егорин обшарил карманы своей жертвы, вынул бумажник, связку ключей и, затем, отойдя в сторону, бросил вполголоса: «действуй!..»

Семен крикнул, достал удавку и низко наклонился над лежащим на земле.

Минуты три все было кругом тихо, слышно было только тяжелое дыхание Козыря, потом пронесся легкий хрипящий стон и все было кончено...

— Пошла душа в рай, только хвостиком завияляла, — вырвалось у Козыря, он присев на корточках около трупа, нащупал сердце, которое еще содрогалось предсмертными конвульсивными толчками.

— Кабы не подмоченный он был, здорово пришлось бы повозиться: шея-то толстая, как у быка.

— Ну давай, — подошел Егорин, — раздевай его... Все сымай как есть догола, чтобы потом по одежке не узнали.

— Для чего одежке-то пропадать — одежда добрая, — запротестовал было Козырь, но Егорин грубо оборвал его:

— Делай, что приказано! Что тебе, черту полосатому, из-за лопатины да «засыпаться» охота!..

— Ну, а «стукольцы» (часы) как же. Неужели им пропадать зря...

— Сказано тебе, сымай все! Связывай в одну кучу, клади в коробок, а его, — продолжал Егорин, кивнув головой на полуобнаженный, смутно белеющий в темноте труп, — отнести в реку надо!..

Козырь проворчал что-то про себя, но, тем не менее принялся исполнять сказанное...

Когда одежда была уложена в коробок, они взяли свою жертву за руки и за ноги, и потащили к реке. До берега было сажень десять, нашим героям пришлось порядочно повозиться, прежде, чем они достигли его. Страшная ноша тянула руки. Ноги их спотыкались о кочки. Берег кончался крутым обрывом, у подножия которого глухо и таинственно шептались волны.

— Кидай, что ли!

Сделав последнее усилие, они раскачали труп и бросили его вниз.

Послышался всплеск воды. Темные бесстрастные волны приняли несчастную жертву и с тихим рокотом сомкнулись над ней. Так была похоронена на дне реки в темную осеннюю ночь молодая, злодейски загубленная жизнь!..

— Ну, а теперь в город, — заговорил Егорин, когда они пошли обратно к лошади, привязанной к дровяному штабелю, — до утра у меня побудешь, а утром чуть свет на вокзал и удирай из Томска. Деньги у тебя и паспорт будут, с ними ты не пропадешь.

Обратное их путешествие также прошло благополучно: никто им не попался навстречу. Не доезжая немного до городских построек, Егорин вышел из коробка, нашел около дороги большой камень, завязал его в узел с платьем убитого и все это также бросил в Томь... Козырь только вздохнул, видя, как исчезло в волнах томи это последнее напоминание о их жертве...

— Езжай, Семен, — замели следы!..

5. В одном клубе

Полночь... Залы ж-а клуба полны народа. Вверху, где помещается танцевальное зало, гремит музыка. В буфете — народу — ступа непротолченная. Сегодня один из танцевальных вечеров. В осеннее время все такие вечера, устраиваемые клубами, посещаются особенно охотно. Зимний театральный сезон еще не начался и скучающим томичам некуда девать свое время, но пройдем мимо ярко освещенных залов, минуем буфетную комнату, наполненную людьми, «чающими движения воды», спустимся в игорные комнаты.

Здесь душно, жарко, трудно дышать от табачного дыма. За зеленым сукном игорных столиков мы увидим людей — бледных, с изможденными лицами, на которых наложил свой отпечаток результат долгих бессонных ночей. Мы увидим людей со слабыми и нервными движениями, собирающих свой выигрыш и в порыве злобы рвущих, карту, которая была бита.

— Семьдесят пять рублей в банке! Сколько вам угодно!

— Ва-банк!

— Рискуете, молодой человек — получайте!

— Дайте открытую.

— Извольте!

— Купите себе!

— Девять!

— Очком меньше, — вырвалось из уст остальных игроков.

— Вам полтора ста.

— Десять.

— Вам сто сорок.

— Четвертная.

— Сто пятнадцать.

Высокий сухощавый брюнет еврейского типа, одетый по последней моде, с золотой цепочкой, пущенной по жилету, нервно пожимая плечами и тихо, словно конфузясь, протянул руку к отыгранным картам.

— Ворожит, — саркастически заметил кто-то.

— Пятьдесят рублей!

— Вы.

— Остальные!

Банкомет, сдержанно глубоко вздохнув, вытянул слегка левую руку и сохраняя серьезный, невозмутимый вид, продолжал метать.

— Девять!

— Ваша, — молодой человек, почти юноша, с лицом, побледневшим от внутреннего волнения, быстро вынул из кармана своего пиджака бумажник и отсчитал нужную сумму.

— Триста в банке! — ровным голосом произнес банкомет. В это время сквозь стену наблюдателей и «мазчиков», осторожно пробрался клубный лакей и, слегка прикоснувшись к плечу молодого человека, — так неудачно поставившего шестьдесят пять рублей, произнес:

— Вас просят в буфет.

— Кто?

— Г. Егорин.

— Я уйду, господа, — отнесся к остальным игрокам тот и вышел из-за стола.

6. Таинственное письмо

В столовой за одним из угловых столиков сидел Егорин, весьма франтовски одетый — в черную дорогую сукна пару и лакированные ботинки. В галстук у него красовался громадный поддельный рубин. Перед ним стояла недопитая бутылка пива.

— В чем дело, Кондратий Петрович, — спросил вызванный Егоринным молодой человек, подходя к столу и садясь на стул.

— Вот в чем, Ваня, — ответил Егорин, нажимая кнопку звонка и протягивая своему собеседнику стакан пива, — сегодня я ночевать дома не буду — дело есть, так ты, в случае чего, скажи моей бабе, что вместе, мол, засиделись: в карты играли.

— Понял.

— Как не понять — дело знакомое!

— Что прикажете. — Появился лакей.

— А что, Иван Семенович, не выпьем ли мы с тобой по коньячку полбутылочки, а, — и не ожидая ответа, Егорин бросил — половинку нам в три звездочки!.. А голова у меня, признаться болит, — заговорил Иван Семенович, закуривая папиросу, — со вчерашнего еще не опохмелился как следует, а тут еще в карты взялся играть — совсем беда!..

Прежде, чем продолжать наше повествование, скажем несколько слов о молодом человеке, которого Егорин пригласил с собой выпить коньяку. Иван Семенович Кочеров был сын того самого старинного дружка Егорина, который оказал этому последнему приют и покровительство в те дни, когда Егорину, только что сосланному в Сибирь приходилось очень туго.

После того, как дела Егорина поправились и у него стали водиться денюжки, он женился на дочери Кочерова, двумя годами старше Ивана Семеновича, так что теперь, помимо уже старой дружбы, Егорин был связан с семейством Кочерова и родственными отношениями. С молодым Кочеровым — с Ваней, Егорин частенько покучивал, ссужал его деньгами и мало-помалу втягивал в те темные дела, которыми занимался.

Ивану Семеновичу в то время было лет девятнадцать. Это был рослый, довольно красивый, юноша со смелым, несколько насмешливым взглядом темно-карих глаз, с целой копной густых волнистых волос. Он был не дурак выпить, мастерски играл на гитаре, обладал довольно приятным, хотя и не сильным тенором и был, как говорится, парень на все руки.

— Ну, Ваня, давай выпьем, — Егорин налил рюмки.

Они выпили и закусили лимоном. Егорин вновь поторопился налить рюмки, в его беспокойном бегающем взгляде сказывалось какое-то скрытое неуловимое волнение. Иван Семенович обратил на это внимание.

— Что это ты, Кондратий Петрович, такой странный сегодня: руки у тебя трясутся — точно кур воровал, сам сидишь как на иголках! Уж не на любовное свидание ли торопишься!

Егорин махнул рукой.

— Это уж твое дело, Ваня, — за девками бегать!

Через полчаса полбутылка была допита. Егорин расплатился и, прощаясь с Иваном Семеновичем, еще раз напомнил ему:

— Ну уж ты, Ваня, смотри — сумей втереть очки сестре-то.

— Ладно, ладно. Не хлопочи, все будет сделано! А ты вот что, Кондратий Петрович, выручка меня: одолжи на отыгрыш.

Егорин полез за бумажником.

— Сколько тебе.

— Ну, давай полсотни.

Егорин беспрекословно отсчитал требующуюся сумму. Что значат для него какие-то жалкие 50 рублей, когда не далее как сегодня ночью, у него будет 30000 рублей. Они простились. Кочеров опять пошел в игорную комнату, а Егорин, выйдя из собрания, взял извозчика и поехал довершать начатое им еще вчера.

— Куда прикажете, барин? — спросил вполоборота извозчик.

— В «Европейскую», — ответил Егорин.

Ввиду позднего времени на почтамтской не было почти ни души. Только одинокие фигуры «ночных бабочек» мелькали кое-где вдоль панели. На мосту около триумфальных столбов еще стояло несколько терпеливых извозчиков в чаянии запоздалого седока. Лихо подкатив к ярко освещенному подъезду «Европы» извозчик натянул вожжи.

— Тпру!

— Пожалуйте, ваше степенство!

Егорин рассчитался с извозчиком и вошел в вестибюль гостиницы.

Швейцар, высокий сухощавый малый, с обильно напомаженными волосами в фуражке с галуном, бросился было к Егорину навстречу снимать пальто, но Егорин махнул рукой:

— Не надо... Я наверх — в номера!

Поднимаясь по лестнице, Егорин столкнулся лицом к лицу с молодым ловким лакеем в черной фрачной паре. Он куда-то спешил, размахивая белой салфеткой и насвистывая сквозь зубы какой-то веселенький мотивчик.

— Алексей, куда это ты поперся. — Остановил его Егорин.

Лакей вздрогнул от неожиданности.

— Ах! Это вы, барин, пожалуйста-с, все готово. — И лакей посторонился, давая Егорину дорогу.

— Все там приготовили в номере-то.

— Все-с, как вы изволили приказать!

— Ну, а девицы-то приехали. — Шепотом спросил Егорин.

— С час времени будет, как ожидают.

— Те самые, как я сказывал, — переспросил Егорин.

— Помилуйте-с, — даже обиделся лакей, — нешто мы своего дела не знаем! Кого приказали, того и привезли! Соньку Беленькую и Катьку от Орлихи. Девицы, можно сказать, во всем параде. Останетесь довольны.

— Ну, ладно, иди, куда пошел! В случае чего, позвоню, — и Егорин далее зашагал по лестнице.

В коридоре верхнего этажа гостиницы было полутемно и тихо. Егорин остановился перед номером шестым. За дверью слышался женский смех.

Егорин постучал и вошел в номер. Здесь было убрано с претензией на роскошь. Мягкая мебель, обитая малиновым штофом, красиво гармонировала с белоснежной скатертью, которой был накрыт стол. Тяжелые суконные гардины на обоих окнах были спущены. Кроме двух электрических ламп на столе стоял еще канделябр, свечи, в котором зажжены не были.

— А-а, наконец-то. Один явился! Хороши гости, нечего сказать: пригласили барышень, а сами жди-пожди! — заговорила, поднимаясь навстречу Егорину, одна из барышень. Это была полногрудая девушка с нерусскими чертами лица.

— Каюсь, виноват, барышни, виноват! — заговорил Егорин, снимая пальто.

Другая из девиц была наша знакомая — Катя, но трудно было признать в этой изящно одетой камелии ту скромненькую мешаночку, какой вы видели Катю в зальце у «тетеньки». Теперь на ней было одето модное, все осыпанное стеклянными блестками, платье. Пышные белокурые волосы были собраны в модную прическу, красиво оттеняющую бледное лицо. Она сидела, полуразвалясь, на диване, вытянув вперед свои маленькие ножки в красных туфельках.

— А где ж другой гость. — Лениво спросила она, потягиваясь своим молодым телом и небрежно пожимая Егорину руку.

— Должен скоро приехать, верно задержался где-нибудь, — ответил Кондратий Петрович, присаживаясь на диван.

— А вы бы, девицы — продолжал он, распорядились бы чем-нибудь. Винца бы какого себе потребовали!

— Как же мы можем без гостей распорядиться, теперь вот угостите!

Егорин нажал кнопку звонка...

Здесь мы считаем необходимым объяснить, с какой именно целью приехал сюда Егорин. Обратимся к событиям прошлой ночи. Василий Иванович, за которым в последнее время охотился Егорин, был предательски убит, но тех 30000 рублей, о существовании которых Егорин отлично знал, в бумажнике покойного не оказалось. Ясно, что они были оставлены Василием Ивановичем у себя в номере. Егорину нужно было достать их не навлекая на себя подозрений. Для этого он придумал целый сложный план. На другой день после убийства Василия Ивановича, он протелеграфировал в гостиницу, чтобы оставили за ним номер шестой, смежный с тем номером, в котором жил Василий Иванович. По телефону же были заказаны и «барышни». Предполагалось устроить кутеж, в котором должен был принять участие и Василий Иванович. Далее Егорин предполагал, не дождавшись, разумеется Василия Ивановича, отпустить домой девиц, и, оставшись одному, проникнуть в номер Василия Ивановича за деньгами. Ключ от дверей давно им был подделан. За последнюю неделю они часто гуляли с Василием Ивановичем, а поэтому устройство нового кутежа не могло вызвать подозрения ни у кого в гостинице, где Егорина знали и лично...

Явился лакей.

— Прикажете подавать.

— Да, подавай, братец, компаньона-то моего долго нет, задерживается где-то. Поди со вчерашнего вечера и глаз домой не показывал! деланно-равнодушно заговорил Егорин, наблюдая, какое впечатление произведут на лакея его слова.

Тот совершенно просто ответил:

— Нет-с, они изволили быть.

— Когда, — глухо вырвалось у Егорина.

— Часиков в семь вечера, — спокойно отвечал лакей, — да, — спохватился он, — запаматовал малость! Простите великодушно. Письмецо они тут вам оставили. Извольте-с получить, — лакей протянул конверт.

Кондратий Петрович тяжело дышал и, напрасно стараясь скрыть свое волнение, дрожащими руками вскрыл письмо. На листе почтовой бумаги большого формата синими буквами ремингтона было напечатано следующее...

7. Человек в маске

«М.г., г. Егорин!

Не трудитесь искать известные вам 30000 рублей — они взяты мною.

Три дня тому назад я предлагал вам действовать рука об руку в деле приобретения этих денег. Вы самонадеянно отказались теперь пеняйте на себя. Да будет вам известно, что тот, которого никто не знает, но который знает всех, всесилен и могущественен! Нет такого дела, которого бы он не смог выполнить, нет таких преград, которые могли бы его остановить на полдороге. И горе тому, кто идет не с ним, а против его!!!» Вот что было напечатано в этом таинственном письме. Пониже текста была подпись «человек в маске».

По мере того, как Егорин читал письмо, лицо его все более и более багровело, большого усилия воли стоило ему сдержать крик бешенства.

Прочитав письмо. Он сунул его в карман и зашагал по комнате, стараясь взять себя в руки и разобраться во происшедшем.

— Вот так подвел механику, — думал он, — ловко обстригал, нечего сказать! Ах черт, черт! Кто же это мог быть! Просто голова кругом идет. Ну-да ладно, посмотрим еще, кто кого осилит! Ишь ты, шут гороховый: «человек в маске»!

— Ну, Кондратий Петрович, что же это вы насупились. Гулять так гулять! Звоните лакею, торопите, чтобы подавал, — затараторила Катя, повертываясь перед зеркалом и оправляя свое платье.

Егорин, уже достаточно овладевший собой, вынул часы, и, взглянув на них ответил:

— Нет, девоньки, гулять-то нам видно сегодня не придется, — до следующего раза уж оставим. Письмо вот получил от товарища. Пишет, что не может приехать сегодня, — дела задержали. За беспокойство вы извините, что следует получите, — и Егорин протянул девицам по десяти рублей.

Катя, все время наблюдавшая за Егориным, небрежно сунула деньги в маленький изящный несессер, висевший у нее на поясе, накинула на плечи меховой горжет и пристально смотря в глаза Егорину, усмехнулась.

— Так! — протянула она. — Не вышло, значит. Жаль! А я было собиралась шампанского выпить.

Проводив девиц, Егорин позвал лакея и, расплачиваясь за номер, как будто мимоходом спросил:

— Так ты говоришь, поздно вечером Василий Иванович вышел?

— Часов так около десяти, — ответил лакей, собирая скатерть и канделябр.

— Хм, пьян был?

— Нет, незаметно как-будто, — покачал головой лакей, — а впрочем, может быть, признаться сказать, не заметил.

— Так, ладно. На вот тебе на чай.

И сунув лакею трехрублевку, Егорин вышел из номера.

Заспанный швейцар, в пальто, накинутом на плечи, поспешил отворить и, получив в свою очередь на чай, напутствовал Егорина пожеланиями всего лучшего. Извозчиков на улице не было и Егорину пришлось идти пешком. Пройдя квартала три по магистратской улице, Егорин свернул в темный переулок и вышел на другую улицу. Было темно. Шел дождь. Тротуаров здесь и помину не было. Темнота хоть глаза выколи. Егорин смело шагал по грязи, не обращая внимания на все неудобства своего путешествия. В голове у него стояла мысль: кто это был тот, действительно ловкий неуловимый человек, так искусно воспользовавшийся плодами его работы.

— Не из наших он, — думал Егорин, — крупной масти Козырь. Эко дело обмозговать!

Через час ходьбы Егорин остановился перед большим двухэтажным домом, черный фасад которого как-то нелепо выдвигался из ряда соседних строений. Егорин подошел к одному из окон нижнего этажа и сильно постучал в ставень. Стук пришлось повторять еще несколько раз: в доме, очевидно крепко спали. Наконец ставень был отодвинут изнутри и в полуотворенной створке окна показалась чья-то взлохмаченная голова.

— Кто тут? — прохрипел спрашивающий.

— Свои, Голубок, свои. Впускай скорее. Дома, что ли, Залетный?

— А, Кондратий Петрович, не узнал спросонку-то. Дома, дома. Сигай в окошко, — и обладатель взлохмаченной головы и сиплого голоса, носящий столь оригинальную кличку, широко распахнул окно.

Егорин ловким привычным движением ухватился за подоконник и бесшумно прыгнул в комнату.

— Темень у вас тут, как бы не наткнуться на что!

— А вот, погоди, окошко запру — огонь вздую, — отозвался Голубок, задвигая вновь ставень. Егорин чиркнул спичкой.

— На вот, засвети лампу.

Голубок протянул Егорину маленькую жестяную лампочку с закоптелым стеклом. По обстановке комнаты можно было понять, что здесь пивная. Стояло несколько грязных столиков. Виднелись корзины из-под пива. Над стойкой в переднем углу был прибит весь загаженный мухами, ярко размалеванный, заводской плакат. Около стойки на полу храпела какая-то темная фигура. В воздухе пахло кислым запахом пролитого пива, махоркой, прелой одеждой.

— Аль дело тебе есть до Залетного? — позевывая и почесывая спину, спросил Голубок, когда лампа была зажжена.

— Нет, с визитом, — сердито ответил Егорин, — давай веди скорее. Иди вперед с лампой: тут у вас черт ногу сломает!

Через дверь за буфетной стойкой они вышли в маленький коридорчик, весь заставленный пивными корзинами. В конце коридора была узенькая дверца, сколоченная из досок и оклеенная оборванными обоями.

— Тут он дрыхнет, чай. Эй, Залетный, вставай! — И хозяин забарабанил в дверь.

Кто там, — слышался недовольный женский голос.

— Что он с бабой, что ли? — спросил Егорин.

— С «марухой» (содержанкой) своей прохлаждается. Буди его, Любка!

— Пьяны они дюже, не добудишься, никак растолкать не могу.

— Да ты отвори нам, дура, — выругался Голубок, дергая дверь.

Молодая простоволосая женщина в одной ночной рубашке и нижней юбке отворила дверь и стояла, щурив глаза от лампы. Егорин быстро подошел к кровати на которой лежал маленький сухощавый человек. Он был безнадежно пьян. Ноги его, одетые в неопределенного цвета брюки и порыжелые штiblеты, бессильно свешивались с кровати.

— Эй, ты спишь, Залетный, вставай! — потряс спящего за плечи Егорин.

Тот только мычал и сопел носом. — Ах, так тебя растак! — злобно выругался Егорин, видя что его усилия разбудить Залетного, не приводят ни к чему. — Э-ко нажрался, дьявол! Тащи, Любка, воды холодной, окатим его!

— Погодь, Кондратий Петрович, — нашелся Голубок, — я его сейчас подыму, — и он, наклонясь к самому уху спящего, гаркнул: — «Двадцать шесть»! Облава!..

8. Похождения Сеньки-Козыря

На другой день после убийства Василия Ивановича, часов в шесть утра, Козырь распростился с гостеприимной кровлей Егорина, где провел ночь; взял с этого последнего условные семьдесят пять рублей, чистый паспорт и пустился в путь-дорогу.

Верный своему обещанию, данному накануне Егорину, Козырь твердо решил отправиться прямо на вокзал, не заходя ни в один из знакомых ему уголков. Впервые за десять лет своей жизни Козырь чувствовал себя полноправным гражданином.

В кармане у него лежал настоящий паспорт, выданный из Камышловского уезда на имя некоего Трифона Борисова. Этот документ и являлся, главным образом приманкой, побудившей Козыря так быстро согласиться на предложение Егорина.

Стараясь избегать людных улиц, глухими пустынными переулками Козырь шел по направлению к станции Межениновка. Одинокие прохожие, встречаемые Козырем на пути, принимали его по старому рабочему платью и быстрой деловой походке за какого-нибудь плотника или каменщика, спешившего на работу.

Ловко «фортанул», — думал Козырь, припоминая, как несколько дней тому назад он шел с вокзала без копейки денег в кармане, трусливо озираясь по сторонам, как травленный волк. — Теперь засяду на машину и вплоть до самого Челябинска дрыхнуть буду... Брать билет али не брать? Ежели по билету ехать, придраться могут — потому багажа нет! Лучше уж так «зайцем». Много сподручнее будет! Суну оперу полтину и сыпь от депо до депо. Надо вот только спотыкаловки захватить. Остановясь на этой мысли, Козырь стал соображать, где бы ему запастись водкой. Монополки еще закрыты. Придется к Савке зайти. Засиживаться только не надо! Козырь вспомнил напутственные слова Егорина: «Ну, брат, по сторонам не гляди, лягавым не попадайся, назад не вертайся». Козырь даже усмехнулся, вспоминая эту прощальную тираду.

— На кой ляд мне назад вертаться. Что я опричь Томска другого места не найду.

Но судьба судила иначе и готовила ему новые испытания.

Когда Козырь после получасовой ходьбы выбрался на окраину города и поравнялся с низеньким бревенчатым домиком, в котором помещалось Савкино заведение — грязный трактир 3-го разряда. Наружная дверь этого последнего была гостеприимно раскрыта, несмотря на столь ранний час. Козырь поднялся по ступенькам крылечка и вошел в трактир. Трактир, как и все, подобные ему, имел две половины: черную и чистую. Грязь в обеих половинах была, положим одинаковая, и вся разница состояла в том, что на первой половине, так называемой «грязной», сидели обыкновенные случайные посетители — крестьяне, возвращающиеся из города с базара, мелкая шпанка «халамидники» (мелкие воришки), «стрелки» (профессиональные нищие), тогда как на на вторую половину, чистую заходили только завсегдатаи трактира — свои люди.

Ставни трактира еще были закрыты и поэтому в первой комнате, куда вошел Козырь, стоял полумрак. Над стойкой горела керосиновая лампа, дававшая, впрочем, больше чаду, чем свету. За угловыми столиками сидело пять или шесть оборванцев, зашедших сюда очевидно погреться после холодной ночи, проведенной где-нибудь под кирпичным сараем. Это были страшные и вместе с тем жалкие фигуры. Грязные, засаленные лохмотья представляли из себя слишком несезонный наряд, что бы в нем можно было чувствовать себя застрахованным от ревматизмов и простуды. Воспаленные глаза, дрожащие руки, хриплая речь были отличительными чертами этих подонков общества. Они жадно глядели на Козыря, но убедившись, что от этого парня поживы не жди, остались неподвижными в своих углах. Козырь подошел прямо к стойке.

За стойкой подслеповатый паренек в пиджаке, очевидно, с чужого плеча, временно выполнял роль буфетчика и посудника. Козырь выбросил из кармана рубль.

— Дай бутылочку за печатью, а на остальные денежки огурцов соленых и хлеба.

Парень равнодушно, не глядя на Козыря взял рубль, попробовал его на зуб и раза два стукнул о стойку. Убедившись, что рубль не фальшивый, он взбросил глаза на Козыря и вяло спросил:

— Какой тебе — с красной или белой головкой?

— Знамо дело, с красной, вот чудак, еще спрашивает! Неужели нашего вкуса не знаешь.

Парень ничего не ответил на это, и лениво, ворочаясь и свистя носом, стал доставать требуемое.

— Эх ты, тетеря сонная! — раздался в это время чей-то молодой, сильный и звучный голос, — что ты так ворочаешься, точно три дня не ел! Не видишь разве, каких тебе бог гостей дает.

Козырь быстро обернулся.

Сзади его стоял, слегка улыбаясь и покручивая маленькие черные усики, какой-то субъект, одетый в рваную ватную кацавейку, обтрепанные наковые брюки и старые галоши, одетые на босую ногу. Старый картуз, с полуоторванным Козырьком был низко надвинут на лоб, с целью замаскировать громадный сине-багровый синяк, расположенный под левым глазом.

— Чего ты воззрился на меня, приятель? — вновь заговорил незнакомец, засунув руки в карман и слегка раскачиваясь туловищем.

— Что мне на тебя глядеть, чай не узоры писаны, — сердито буркнул Козырь, забирая свою бутылку и закуски. Ему не нравилось слишком внезапное появление незнакомого оборванца и предчувствие чего-то недоброго заставляло его поскорее убраться из трактира.

— Узоры не узоры, посмотри-ка «размалевка» какова! — подмигнул парень на свой синяк, и переходя в серьезный тон уже тише сказал Козырю: — Надо мне с тобой поговорить. Дело есть. Пойдем-ка на ту половину.

— Какое такое дело? — недоверчиво спросил Козырь. — Я тебя в первый раз вижу!

— А вот пойдем, тогда узнаешь! — Парень, не ожидая ответа Козыря, закричал буфетчику: — Эй ты, спящий красавец! Официант! «Шестерка»! Волоки нам графин с закуской, да селянку на сковороде вели приготовить.

В веселом разухабистом поведении незнакомца, в его свободных манерах, в уверенном тоне голоса, было что-то такое подкупающее, что-то внушающее доверие. Козырь после некоторого колебания пошел за незнакомцем на «чистую» половину. Там не было ни души.

— Ну и погодка же, братец ты мой! — обратился к Козырю незнакомец. Холодища, дождь всю ночь шел! А грязища — по колено! Одним словом, в моих штиблетах много не погуляешь, — и незнакомец насмешливо кивнул на свои галоши. — Хорошо теперь водочки выпить с холоду-то!

— Ну, говори скорее, какое тебе до меня дело. Некогда мне с тобой прохлаждаться!

— Что, на вокзал торопишься. Успеешь еще: поезд отходит в девять часов, а сейчас еще семи нет.

Козырь вздрогнул от неожиданности.

— А ты почему знаешь, что я на вокзал? — с потаенной тревогой спросил он, отодвигаясь от собеседника.

— Эх, друг сердечный, мало ли мы чего знаем, да помалкиваем только! Ну да ты это брось! Чай испугался: за «лежавого» меня принял!

— Чего мне бояться-то, — недружелюбно отозвался Козырь, внимательно разглядывая незнакомца. — Ты вот говори толком зачем меня звал-то.

В это время вошел в комнату буфетчик, неся на подносе графин с водкой и обычную закуску: два копченых ельца, несколько кусочков чайной колбасы и два ломтя черного хлеба. Ни салфетки, ни вилка здесь не полагалось. Сунув принесенное на стол, буфетчик остановился в вопросительной позе.

— Что думаешь, — подмигнул ему незнакомец, — денег у нас нет! Вот они! — И он выбросил из кармана целую пригоршню серебряной мелочи, отсчитал следуемое за поданное и крикнул буфетчику: — Получай и... проваливай!

Козырь машинально выпил, налитый ему стаканчик, недоумевая, с кем это его свела судьба.

— Вот что, брат! Слушай меня внимательно. Кто я, что я — тебе до этого нет никакого дела! Помни, что я худого тебе не желаю. Знаю откуда ты идешь, что сегодня ночью делал! Знаю, кого вы с Егориным сегодня ночью в Томь свезли!

Козырь вскочил, как ужаленный.

— А-а, так ты вот про что! — злобно прошептал он, сунув руку за голенище, где у него хранилось «перо», но в это мгновение незнакомец быстро схватил Козыря за правую руку и, стиснув ее, как в железных тисках, спокойно сказал:

— Брось! Не шали!..

9. Залетный в роли Шерлока Холмса

Залетный как ни был пьян, но, услышав эти слова, имеющие столь серьезное значение для лиц, «формуляр которых не особенно чист», очнулся и дико озираясь, присел на кровати. Выражение его лица было растерянное и испуганное, как у человека, над ухом, которого выстрелили из пушки.

— Облава, говоришь ты, — сиплым с перепою голосом спросил он и, сильно пошатываясь, прошелся по комнате, что-то ища глазами.

— А, Кондратий Петрович, друг любезный, тебя ли я вижу. — Сейчас только заметил Егорина Залетный. — Какими судьбами занесло тебя в эту юдоль нищеты, порока и преступления! — и Залетный по-театральному вытянул правую руку, усиленно балансируя левой.

— Будет тебе шута-то ломать, очнись, — досадливо отозвался Егорин.

— Очнуться, это мы можем, в один момент! Только необходимо опрокидончик совершить! Любаша, царица сердца моего, посмотри-ка там в шкафчике, не осталось ли от вчерашнего пиршества.

Молодая женщина молча повинувалась и поставила перед Залетным довольно объемистый графинчик, на дне которого еще оставалось несколько рюмок водки.

Залетный дрожащими руками налил себе по стаканчику. Брезгливо морщась, выпил, после чего низко опустил свою голову, и некоторое время молчал.

— Н-ну, теперь можно, как будто отошло немножко, хотя, говоря по душе, мыслительные способности мои несколько подмочены, но все же, друг, я к вашим услугам. Полагаю, что разговор наш будет иметь, так сказать, конфиденциальный характер, а потому прошу оставить нас одних!

Голубок и Люба вышли.

— Слушай, Залетный, — заговорил Егорин, близко подсаживаясь к нему, перво-наперво скажи мне, хочешь ли ты пять тысяч заработать.

Залетный удивленно посмотрел на Егорина.

— Шутить изволишь, Кондратий Петрович, сорвалось у него.

— Какие шутки — дело говорю. Пять тысяч твои будут, только сумей содействовать! Слушай, вот все по порядку: дней десять тому назад свели меня с одним «фраером» — купчиком из Иркутска. «Обвели» мы его и «похерили» понимаешь, но только вот деньги, другому достались. Перехитрили меня! Вчерашней ночью мы «дело» закончили, а сегодня я было в номер, а мне вот такое письмецо преподносят... — и Егорин протянул Залетному таинственный документ, писанный двойником Василия Ивановича.

Залетный взял письмо, внимательно перечел его и зачем-то даже посмотрел на обратную чистую сторону.

— Ловко сделано! — сказал он, совершенно трезвым и серьезным тоном.

Перспектива заработать пять тысяч и рассказ Егорина вышибли из него все остатки хмеля.

— Да понимаешь, какая вещь, — продолжал Егорин, — этот самый «человек в маске», ведь как ловко прошел в номер под видом как будто самого Василия Ивановича.

Залетный кивнул головой.

— Судя по тому, — медленно и раздумчиво заговорил он, — что никто в гостинице не заметил ничего странного во внешности «второго» Василия Ивановича, грим и костюм последнего были вполне выдержаны. Отсюда следует, что сей ловкач имел прямую возможность близко и внимательно наблюдать за настоящим Василием Ивановичем.

— Должен тебе сказать, — вставил Егорин, — что дня за три до того, как мы с тобой разыграли «фраера», я получил по городской почте письмо такими же вот печатными буквами, также подписанное. Просились взять в пай и обещали всякое содействие. Я, понятно, не обратил на это внимание, а на самом деле вон что вышло.

— Так, так-то ты ни на кого подозрения не имеешь. «Наводчики» в этом деле были.

— «Наводчик»-то положим был, только не зрячий, а слепой, — ответил Егорин, — так что он повредить мне не мог.

Залетный задумчиво покачал головой.

— Да, темное дело... Тут, брат, надо подумать! А из своих-то ребят никто «продать» не мог.

— Нет, тут толковать нечего. Прямо ума не могу приложить. Затем вот и к тебе пришел, действуй по горячим следам!

— Ты с кем орудовал-то.

— С Козырем, с Сенькой, да этот-то ни причем! Сегодня утром совсем из Томска убрался.

— Ладно, будем действовать! Давай на первые расходы рублей сто!

— А ты не запьешь. — Недоверчиво спросил Егорин. Залетный встал, гордо выпрямился и стукнул себя кулаком в грудь.

— Кондратий, что ты говоришь. Кого ты перед собой видишь! Чтобы я Артемий Залетный, да в таком деле продал! Да знаешь ли ты: в 89 году, в Москве, когда у баронессы фон Элнгер бриллиантов на семьдесят тысяч взято было, призывает меня покойник Сергей Ипатыч, в сыскном я у него правая рука был, призывает и говорит: действуй, говорит, Артемий! На расходы пожалуйста! Сейчас это он написал ордер. «Сколько» — двести рублей надо, говорю. «Изволь, друг любезный». Так-то. А ты говоришь — не запьешь! Эх... — Ну ладно, разве я сумлеваюсь, денег-то у меня с собой ста рублей нет. На вот возьми пока пятьдесят! Пойду теперь. — Продолжал Егорин, надевая фуражку. Ты в случае чего заходи ко мне. Ну прощай...

И Егорин, пожав Залетному руку вышел из комнаты.

Занималось раннее утро, дверь пивной была полуоткрыта и Голубок уже орудовал за стойкой, откупоривал бутылки для какого-то раннего гостя.

Егорин, кивнув ему головой, вышел в двери, точно крадучись, воровской походкой, и скрылся в густом утреннем тумане, окутавшем еще спящую улицу...

Залетный, проводив своего гостя, торопливо оделся, сунул в карман кисет с табаком, спички и засаленную записную книжку:

— Я ухожу, Голубок! — крикнул он хозяину, подойдя к задней двери пивной. — Если кто из наших забредет, так скажи, чтобы вечером понаведовались. Дело мол есть, понял?

Отправляясь на поиски таинственно исчезнувших тридцати тысяч, Залетный почувствовал себя как будто возвратившимся к тому далекому прошлому, когда он был еще агентом сыскного отделения. Также, бывало, выходил он по утрам из своей квартиры в таком же непрезентабельном виде, как и сейчас. Но тогда этот маскарад: и оборванное платье, наклеенная борода, даже искусно подведенные кровоподтеки на лице, не всегда гарантировали его от опасности быть узнанным и избитым где-нибудь в темном уголке Грачевки и Сенного рынка. А теперь он в роли сыщика, был вполне спокоен: вся «блатная» публика знает его за своего человека. Всем он в разное время оказал ту или иную услугу. Кому «очки протереть» (вытравил паспортный бланк), кому «метки стереть» (уничтожил инициалы на краденых вещах). На все руки был Залетный и каждую роль мог блистательно исполнить, и только потому не имел больших денег, что по временам запивал «горькую».

10. «Сашка Пройди-свет»

Козырь попробовал было освободить свою руку из крепких пальцев незнакомца, но не тут то было: маленькая и на вид слабая рука последнего была точно вылита из стали и не поддавалась усилиям Козыря.

— Брось, тебе говорю, — еще раз повторил незнакомец, — что ты белены объелся, что-ли!

Его спокойный и властный тон парализовал Козыря и тот, уже не пробуя вырваться, тихо вымолвил:

— Ну пусти.

— Давно бы так, приятель! А то за «перо» полез... Эх ты!

Козырь, тяжело дыша, еще не совсем оправившись от пережитого волнения, вновь присел к столу.

— Что же ты от меня хочешь, — спросил он.

— Чего хочу! А вот послушай: «продавать» я тебя не буду. Я же «фартовик», как и ты. Слыхал, наверное про Сашку Пройди-свет. Если слыхал, так вот смотри — Сашка пойдисвет перед тобой собственной персоной! — и парень остановился, наблюдая, какое впечатление произвели на Козыря его слова.

— Сашка Пройди-свет... — медленно протянул Козырь. — Как не слыхал слыхал, видеть только не приходилось! Года два как я в Томске не был. А про Сашку слышал еще в Иркутской «каталашке» (тюрьме). Так это ты, стало быть, и есть! — Козырь с любопытством и с некоторым оттенком почтения оглядел своего собеседника.

Популярность Сашки Пройди-свет была на столько велика, что почтительное любопытство Козыря было вполне понятно.

...Года три тому назад, среди томского темного мира появился неизвестно откуда, незнакомый никому, молодой парень, назвавший себя Сашкой Пройди-свет. Примкнув к воровской «хемере», он обнаружил полное знание дела: смелость, доходящую до дерзости, находчивость удивительную.

Эти качества быстро составили ему самую местную репутацию среди томских «шниферов» и «скачков». Время от времени Сашка скрывался с горизонта, исчезал куда-то. Затем вновь появлялся и всегда с планом какого-либо воровского предприятия, набирая товарищей, обдeldывал «дело» и пропивал выигранное вместе со своими сообщниками, где-нибудь по задним комнатам разных увеселительных вертепов. Никто из близко знавших Сашку не мог похвастаться его особым доверием. О своем прошлом Сашка не говорил ни кому не слова. Точно так же никто не знал куда исчезает он по временам, и что он тогда делает.

Ореол таинственности, окружавший его имя, в связи сего беззаветной удалью, громадной физической силой и тем особым, непонятным обаянием непоколебимой воли, которым он быстро подчинял себе всех, с кем ему приходилось встречаться, упрочил за Сашкой громкую известность.

— ...Так вот что, Козырь, — продолжал Пройди-свет, — ехать тебе из Томска незачем. И здесь будет тебе дело. Сведу я тебя с людьми настоящими, не Егорину чета. Он вот твоими руками какие деньги греб, а тебе сколько отвалил! Стыдно сказать... Нет, у нас, брат, будет не так: сделаем дело получай, что следует!

— Я что ж, не прочь, — колебался Козырь, — только вот я слово дал Егорину, чтоб из Томска значит уехать...

— Плюнь ты на Егорина! Что он тебе! — перебил его Пройди-свет, говорю, доверься мне. Дела мы с тобой будем обдeldывать тысячные!

— Так-то оно так. Да ведь ежели Егорин дознается, что я здесь, в Томске остался, так ведь он, пожалуй, возьмется за меня, — нерешительно пробормотал Козырь.

— Чего возьмется! Руки у него коротки! Да и не узнает он про тебя. На первое время я сведу тебя к одному земляку, в дворниках он служит. Хозяина его сейчас в Томске нет. Живет он один вроде караульщика. У него и побудешь пока, а потом другие места найдем! По рукам, что ли?

Козырь протянул руку.

— Идет! — решил он. — Будем заодно работать.

Парень-то ты хороший! Черт с ним, с Егориным...

— Руку, товарищ, — и Пройди-свет сильно сжал Сенькину руку. — Теперь мы с тобой выпьем как следует. Сприснем наш союз. Эй, кто там, скоро будет готова солянка. Да пива пару похолоднее поищи, — закричал Александр, подходя к двери.

— Сию минуту, подают, — отозвался буфетчик.

Часов около 12 дня новые приятели порядочно-таки подвыпив и основательно закусив, покинули Савкино заведение. Козырь был полупьян и шел, пошатываясь. Смесь пива и водки на голодный желудок давала себе знать. Александр же шел как ни в чем не бывало, хотя пил не меньше Козыря.

Он шел, широко размахивая руками, весело насвистывая сквозь зубы и вызывающе глядя на прохожих.

— Теперь мы пойдем на нашу штаб-квартиру, — заметил Александр, свертывая с Бульварного в узенький боковой тупичок.

Здесь было два-три дома, на всем же остальном протяжении тупика тянулись черные, мокрые от дождя, заборы, за которыми шумели уже обнаженные ветром березы.

Поравнявшись с низеньким покосившимся от времени забором, у которого не хватало двух узеньких досок, Александр быстро перемахнул через него.

— Следуй моему примеру, дружище, — крикнул он Козырю.

Они зашагали по мокрой траве, пробираясь между берез к маленькому домику с мезонином, стоящему в глубине двора.

Старая облезлая собака, привязанная к полуразвалившейся конуре, злобно залаяла на подходивших.

— Тубо, дружок! Своих не узнал, — окликнул собаку Пройди-свет.

На лай собаки, из сенец домика показалась какая-то старуха с самоварной трубой в руках.

— Скоренько вернулся, соколик, — заговорила она, пропуская приятелей в сени. — Я вот самовар поставлю, может, и вы попьете чайку...

— Нет, Кузьмовна, некогда, — отозвался Александр.

Пройдя через кухню с большой русской печкой, он вошел в темный чуланчик, из которого вела на мезонин ветхая скрипящая лестница.

Козырь молча следовал за ним.

Мезонин состоял из двух комнат. В первой, куда они вошли, не было совершенно никакой мебели. Голые стены с ободранными запыленными обоями наводили уныние. Углы комнаты были затканы серыми тенетами паутины. Толстый слой пыли лежал на полу и подоконниках. Было очевидно, что здесь не живут, а только изредка появляются по делу.

— Подожди меня тут минуту, — сказал Александр, уходя в другую комнату, — я сейчас выйду...

— Ладно, — ответил Козырь и, подойдя к окну, уселся на подоконник. Сквозь грязные зеленоватые стекла ему был виден огород с черными, размытыми дождем грядками... Далее тянулся пустырь. Опять пошел мелкий назойливый дождик... Было скучно и грязно...

Козырь зевнул и начал свертывать папиросу.

Скрип половиц заставил его приподнять голову.

— Старых вещей, душа мой, не продашь ли! Шурум-бурум нет ли! Калоши старые, пиджаки берем!

Перед ним стоял типичный татарин-старьевщик в тюбетейке с мешком за плечами.

Козырь даже привстал от удивления.

11. В отдельном кабинете

Простившись с Залетным, Егорин направился домой. Около думского моста он взял извозчика с крытым верхом и всю дорогу, пока ехал, на разные лады перебирал происшедшее.

Если уж Залетный ничего тут не придумает, тогда — шабаш! — думал он.

Подъехав к своему дому, громадному, трехэтажному зданию, недавно только отстроенному, но уже заложенному под две закладные, Егорин отпустил извозчика и прошел в лавку, где за прилавком хозяйничала его жена, полная белотелая женщина с заспанным лицом.

— Где это ты пропадал, — встретила она его.

— В карты играл, — коротко ответил Егорин и прошел в комнаты.

— Самовар подавать, что ли? — крикнула ему вдогонку жена.

— Нет, не надо. Если придет кто, так вели разбудить, спать лягу.

Две почти бессонные ночи подряд давали себя знать, и Егорин, бросившись не раздеваясь в кровать, скоро уснул.

Время было далеко за полдень, когда его разбудило прикосновение чьей-то руки. Кто-то низко склонился над ним и тормошил его.

— Кондратий Петрович, спишь? Вставай, пора!

Егорин приподнял голову.

Перед ним стоял Иван Семенович в пальто нараспашку, в шляпе сдвинутой на затылок. Лицо у него было бледное, как у человека, не спавшего всю ночь и изрядно выпившего.

— Будет спать-то, — продолжал Иван Семенович, подсаживаясь на кровать, — проспешь царствие небесное... А я, брат, вчера с твоей легкой руки отыгрался, да и выиграл еще рублей четыреста с лишним взял.

Егорин, ничего не отвечая, встал и, позевывая подошел к угловому столику, на котором стоял будильник.

— Здорово я сыпанул, уже второй час! — пробормотал он.

— Ну ты вот что, Кондратий Петрович, распорядись-ка, брат, насчет опохмеля. Голова у меня трещит. Дома сегодня только показался: прямо беда. Отец волком смотрит, молчит, а мать, та давай меня отчитывать. И пьяница ты, дескать, и картежник, непутевая голова. Слушал я слушал, махнул рукой и ушел.

— Женить тебя надо, так тогда остепенишься, — иронически заметил Егорин.

— Ох, не говори, брат, надоели они мне с этой женитьбой. «Женись, да женись!» А на кой ляд мне жениться...

— Коли Катька жива, — подхватил Егорин.

Легкое облачко грусти прошло по лицу Ивана Семеновича.

— Жива-то она жива, да что толку, — грустно вздохнул он.

— Ну ладно, буде горевать... Анфиса, а Анфиса! — Егорин постучал в стенку, — собери-ка нам закуски, вот брата твоего опохмелять надо.

Минут через 15 Егорин и Иван Семенович сидели за графинчиком водки и, обмениваясь замечаниями, то и дело опустошали рюмки. По мере того, как содержимое в графинчике улетучивалось резко определялось душевное состояние собутыльников: Иван Семенович все

чаще и чаще вздыхал, хватаясь за голову, по временам затягивая какую-то грустную протяжную песню; Егорин же по мере опьянения, наоборот, глубже уходил в себя и только вырывавшиеся порой гневные восклицания, неизвестно по чьему адресу направленные, обнаруживали, какая злоба кипит в его душе. Мысли его, как и следовало ожидать, были заняты таинственным исчезновением тридцати тысяч.

Когда графин был допит, Иван Семенович слегка пошатываясь поднялся Из-за стола и, с шумом отодвигая стул, крикнул: «гулять, так гулять! Едем брат!»

— Куда, — вскинул на него глаза Егорин.

Иван Семенович покосился на дверь, подмигнул Егорину и намереваясь возбудить подозрения в жене последнего, объяснил:

— К Ухареву поедем, он обещал нового рысака достать.

— Что ж, пожалуй, поедем! — согласился Егорин. — Анфиса Семеновна! крикнул он жене. — Ты нас обедать не жди, в гостях пообедаем.

— Налили zenки-то, — ворчала жена Егорина, когда они проходили через лавку, — опять с петухами воротись домой.

Отойдя саженой десять от дома, Иван Семенович расхохотался и хлопнул Егорина по плечу.

— Облапошили бабу! Нет, мы, Кондратий Петрович, с тобой знаешь куда зальемся? К Орлихе!

— Чего там не видали-то! Уж пить, так пить, как следует. Ты, ведь четыреста рублей, говоришь, выиграл, так и развернись по-настоящему... в «Европу», аль в «Россию» поедем!

— Что ж и это можно.

Они взяли извозчика и покатали прямо в «Россию».

Было часов семь вечера. В общей зале гостиницы, куда мимоходом заглянули наши друзья, народа было всего два или три человека. Из биллиардной доносился звук шаров. Не снимая пальто Иван Семенович и Егорин пошли вверх. Перед ними появился лакей в почтительной, ожидающей позе.

— Дай нам кабинет, — отрывисто бросил Иван Семенович, — угловой свободен?

— Так точно!

— Ну, вот, и отлично, здесь мы и обоснуемся.

Они прошли в кабинет.

Это была большая высокая комната, оклеенная темно-зелеными обоями, стоял стол, покрытый белоснежной скатертью. В углу виднелось пианино. Лакей повернул кнопку и мягкий бледный свет электричества залил кабинет.

— С чего же мы начнем, — спросил Иван Семенович, после того, как они разделись и присели на диван.

Лакей опустил оконные шторы, поправил скатерть и протянул собеседникам карточку.

— Нешто шампанской выпьем, как ты думаешь, Кондратий Петрович, предложил Кочеров.

Егорин утвердительно кивнул головой.

— Какой марки прикажете-с, — изогнулся лакей.

— А шут их разберет, ваши марки, тащи, что подороже.

— Заморозить прикажете-с.

— Ну понятное дело! А закусить-то ведь чего-нибудь надо, Кондратий Петрович.

— Гм, закусит! Чего бы такого съесть.

— Семга-с есть, отличная, икра свежая, стерляди живые есть, докладывал лакей.

— Ну, ладно, — махнул рукой Кочеров, — давай нам и того и другого и третьего. Гулять так гулять, правильно я говорю, Кондратий Петрович!

— Вестимо дело! Ты у меня парень с головой. Одно дело — пончик, иное каравай ржаной, — поддакнул Егорин.

— Сию минуточку-с, все будет подано!

Лакей вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь. Иван Семенович подошел к одному из окон, выходящему на Нечевскую улицу, приподнял тяжелую штору и посмотрел вниз. На улице уже совсем стемнело...

В отблеске электрического фонаря, зажженного у подъезда ресторана, порой мелькали силуэты прохожих.

В такую холодную темную ночь, когда идет дождик и ветер жалобно шумит в телеграфных проводах, светлый и уютный кабинет кажется еще уютнее и светлее.

— А, ведь, без женского сословия скучно будет! — обернулся от окна Кочеров.

— Что ж, послать можно, — безразличным тоном отозвался Егорин, нажимая кнопку звонка.

Явился лакей.

— Звонить изволили?

— Да, вот нужно будет извозчика с запиской послать.

Иван Семенович вынул из кармана записку и протянул ее лакею.

— Вот, посылай извозчика к Орлихе.

— Слушаю-с...

На столе появилось шампанское.

Вино запенилось в бокалах. Час спустя, в дверь кабинета раздался легкий стук.

— Можно! — послышался за дверью молодой, нежный и приятный голосок.

12. Заговорило ретивое

Иван Семенович со всех ног бросился к двери.

— Милости просим. Пожалуйста! — расшаркивался он перед входящими девицами. — Екатерина Михайловна, — продолжал он, позвольте вам помочь! Дайте сюда ваш шарф! Дождиком вас замочило немножко?

— Нет, экипаж был крытый. Только вот в подъезд входили, так немного sprysнуло. Ну да дождик же: льет, как из ведра, — оживленно рассказывала Катя, сбросив на руки Ивана Семеновича свой модный темно-малинового бархата сак. На пышных, светло-русых волосах девушки, выбившихся из-под черного шелкового шарфа, блестели дождевые капельки. Щеки ее горели румянцем оживления.

— Ну-с, господа, теперь поздороваемся как следует! Здравствуйте, Иван Семенович! Ой, ой, — да не жмите же так больно руку. Что у вас за странная манера!

Катя с легкой улыбкой подула на свои маленький пальчики, побелевшие от рукопожатия Кочерова. Тот виновато наклонил голову.

— Простите великодушно, Екатерина Михайловна: от радости великой, что вас увидел!

— Вот, господа, позвольте вам представить новую «тетенькину племянницу». Прошу любить да жаловать! Кланяйся, Шура, господам пониже!

Господа почет любят.

Другая девушка, приехавшая с Катей, рослая, прекрасно сложенная шатенка лет восемнадцати, вспыхнула и смущенно пробормотала: «Ах, какая вы... просмешница!»

— Ничего, ничего, Шурочка, не смущайся! Будь как дома! Ходи веселей!

— Займись барышней, Кондратий Петрович! Ты ведь свеженьких-то любишь!

А она только неделю из деревни... Посмотри, даже загар деревенский не прошел!

— Ну и ухарь же ты, девка: мертвого из могилы подымешь... — процедил сквозь зубы Егорин, потягивая шампанское.

— Садитесь, садитесь, гости мои дорогие! Чем вас потчевать прикажете?

— суетился Иван Семенович, усаживая барышень.

— Эге, да вы разгулялись не на шутку! Шампанское пьете. Помсрисек моя любимая марка. Отлично! — болтала Катя, чувствуя себя в этой обстановке дорого кутежа, как в родной стихии. — Только вот что, друзья мои, продолжала она, делая бутерброд из свежей икры, — должна вам заявить, что мы, я и моя подруга, голодны как сорок тысяч пильщиков, ибо наша уважаемая «тетушка» накормила нас таким обедом, что...

Иван Семенович сорвался с места.

— Господи боже мой! Только приказывайте, сию минуту все будет, крикнул он, нажимая кнопку.

— Вот что, голубчик, — начала Катя, обращаясь к явившемуся лакею, — вы нам дадите рябчиков под белым соусом... Только поскорее, пожалуйста!

— Слушаюсь, — метнулся лакей. — А стерлядь паровую сейчас прикажите подать!

— Да, да, — вспомнил Кочеров, — подавайте сейчас...

Катя медленно, маленькими глотками тянула вино.

— Ах! Давно я не пила настоящего шампанского... великолепный напиток! Он напоминает мне мою молодость!

— Что вы, Екатерина Михайловна, стыдитесь говорить: «вашу молодость» да разве теперь-то вы не молоды! — искренне вырвалось у Кочерова.

— Теперь бы еще устриц десяток и совсем бы на столицу походило! продолжала Катя, мечтательно щуря свои темно-серые глаза, — вы, Ваня, обратилась она к Кочерову, — понятия не имеете об устрицах.

— Откуда мне... в Сибири их нет! Думаю, привычку надо к ним.

— Да, брат, Катюша, — здесь об устрицах забыть надо... Это тебе не Москва! — вставил Егорин, наполняя бокалы. — Нечего старое вспоминать! Выпьем лучше!

Катя залпом выпила бокал.

— Люблю за ухватку! Молодец девка: пьет не морщится! — одобрительно крикнул Егорин.

— А ты, что же, разлапушка, — продолжал он, обращаясь к Шуре, — сидишь невесела. Пей вино-то... — И он обхватил ее левой рукой, та сконфуженно опустила глаза и сделала слабую попытку освободиться. — Ничего, ничего! Сиди себе смиренненько... Ишь ты, нагуляла сколько жира... Сдобная!

Шура молчала, краснела и ежилась от слишком грубых прикосновений своего кавалера. На глазах у нее блестели слезинки. Катя отодвинула кресло и, шумя своим черным шелковым платьем, прошла к пианино.

— Эх, тряхнуть разве стариной, спеть, — воскликнула она. — Только вот, кто аккомпанировать будет.

— За этим дело не станет: тапёра позвать можно. Здесь при гостинице есть... — отозвался Иван Семенович.

— Вот и прекрасно! Позовите, пожалуйста!

Явился тапёр — низенький невзрачный человек, со сморщенным лицом еврейского типа. Войдя, он подобострастно поклонился присутствующим, и усевшись за пианино спросил:

— Что сыграть прикажете.

— Знаете аккомпанемент к романсу «Жажду свиданья».

Тапёр утвердительно кивнул головой и взял несколько вступительных аккордов. Высокое, несколько надломленное, но приятное, ласкающее слух сопрано Кати, вступил под аккомпанемент и полился страстный зовущий романс. Кочеров слушал, низко наклонив голову.

— Приди, мой милый, я в ожидании! — пела Катя.

Лицо ее побледнело от внутреннего волнения. Грудь поднималась прерывисто и высоко. Глаза ее были устремлены куда-то вдаль: точно она видела там вдали того, кого так горячо, с такой глубокой тоской призывала в своей песне.

— Хорошо, ей богу, хорошо! — вырвалось у Егорина, когда Катя, закончив романс, быстро подошла к столу. Она жадно отпила полбокала шампанского. Шура смотрела на нее

большими восторженными глазами, все еще находясь под обаянием пения.

Тапёр тихо перебирал клавиши.

— Ступайте, больше я петь не буду, — сказала Катя, устало откидываясь на спинку кресла.

Тапёр молча повиновался.

— Пойдем и мы с тобой, Шура! — поднялся Егорин, — пройдемся по коридору.

Катя и Иван Семенович остались вдвоем.

— Эх, Катя! — странным, точно не своим голосом заговорил Кочеров, если бы ты только захотела! Душу бы за тебя положил!

Девушка устало покачала головой.

— Опять за старое! Голубь ты мой, брось! Что себя расстраивать попусту...

— Люблю ведь я тебя, Катя, крепко люблю! Слово только одно — весь твой!

— Многие меня, голубь мой, любили, — грустно отозвалась Катя, многие по мне с ума сходили, еще там, в Москве, а где они теперь! И что со мной случилось! Была я когда-то звездой кафешантанной — на собственных рысаках каталась... А теперь! Все, милый мой, пройдет, все забудется!.. Давай выпьем лучше с горя!!!

13. Сенька Козырь у тихой пристани

Читатель, верно, помнит удивление, овладевшее Козырем при виде внезапно появившегося татарина.

— Откуда ты взялся? — удивленно спросил он.

«Татарин» расхохотался.

— Что, не узнал? Приятель!

Козырь был окончательно сражен.

Что за притча! — размышлял он, — по голосу, как будто Сашка, а с виду форменный татарин! Перенарядился он, что ли!

— Ну, гайда, теперь! — скомандовал Сашка. — Понравился тебе мой маскарад? Это, брат, мне необходимо, потому что в тот дом, куда мы сейчас пойдём, надо являться с осторожностью.

— Ну, брат, и штукарь ты, — покачал головой Козырь, — если бы ты не заговорил своим настоящим голосом, ей богу же, я бы не узнал!

— Здесь у меня, милый друг, — кивнул головой Александр, указывая на соседнюю комнату, целый склад всевозможных вещей и костюмов. Нечто вроде уборной артиста. Сегодня я татарин, а завтра, если понадобится, монахом буду. Так-то, брат!

Козырь почтительно слушал Александра и невольно перебирал в своей памяти все рассказы,

которые ему приходилось слышать о ловкости и находчивости Сашки Пройди-света.

Когда они спускались вниз по лестнице, Александр обернулся к Семену и отрывисто произнес:

— Помни, Козырь, только одно: где ты был, что ты слышал — не видал, не знаю! Понял?

— Что ты, брат, разве я «первоучка» какой. Нешто я товарищеского обихода не знаю?

Внизу, в кухне их встретила старуха.

— Что это, батюшка, вы уже уходите? — обратилась она к Александру.

— Уходим, уходим, Кузьмовна! — ответил тот. — Я к вечеру еще вернусь.

Они вышли во двор. Собака, было вновь загромычала своей цепью, твякнула раза два, но, узнав проходивших, смолкла и завияла хвостом. Выйдя в переулок, Пройди-свет остановился и дал Козырю следующую инструкцию:

— Вот что, Семен, теперь ты иди по одной стороне улицы, а я пойду по другой. Не упускай меня из вида. В какой дом я зайду, туда и ты маленько погодя заходи.

Козырь молча кивнул головой.

Через полчаса ходьбы они вышли на одну из центральных улиц города. Здесь Козырю труднее стало следить за своим спутником. И улица была шире, и движение по ней больше... Александр же шел себе, не спеша, размахивая мешком, и время от времени однообразно покрикивая:

— Шурум нет ли! Старых вещей продавать!

Поровнявшись с одним большим двухэтажным домом в конце улицы, он остановился и поискал глазами Козыря. Заметив того на противоположной стороне, он слегка кивнул головой и нажал кнопку, под которой было написано: «звонок к дворнику». Минуты через три калитка была открыта и Александр вошел во двор.

Козырь, стоя на противоположной стороне улицы, видел все это и подождав несколько минут после того, как Александр вошел во двор, он в свою очередь последовал за ним.

Калитка была полуоткрыта. Во дворе около ворот Козыря встретили Александр и какой-то седенький сгорбленный старикашка.

— Вот, Иван Панфилич, — заговорил Александр, указывая на Козыря, земляк мой, прошу любить и жаловать. Жить он у тебя будет, пока барин не приедет.

— Ладно, пуская живет, — равнодушно ответил Иван Панфилич.

Козырь между тем, с любопытством оглядывал двор, где ему предстояло провести некоторое время в ожидании дальнейшего указания своего нового товарища.

Двор был большой, открытый, весь заросший травой, видно было, что здесь не появлялись экипажи, да и люди редко заходили. Задний фасад дома с облупившейся штукатуркой, старые надворные постройки, поросшие мхом — все это веяло запустением и мертвой тишиной.

— Идем же, шоль, в комнаты, — предложил Иван Панфилич. — Что на дворе-то стоять!

— Идем, идем, душа моя! — подхватил Александр, — шурум-бурум нет.

Старик-дворник, кряхтя и почесывая поясницу, мелкими старческими шажками поплелся в дом. Наши приятели последовали за ним. Поднявшись на большое каменное крыльцо с обшарпанными и избитыми ступенями, они через большие темные сени пошли в кухню. Судя по размерам последней, по большому железному колпаку, висящему над широкой плитой, по многочисленным полкам для посуды — здесь когда-то кипела оживленная работа. Стучали, вероятно, поварские ножи, трещали мороженицы, в дымной и чадной атмосфере мелькали белые колпаки поваров. Но теперь и здесь, как и на внешности дома, лежал отпечаток заброшенности и пустоты.

— Ну, садитесь, гостями будьте, — прокряхтел Иван Панфилович, спускаясь на лавку.

Козырь с удивлением осмотрелся кругом, недоумевая в чей это дом занесла его судьба.

— А где Митька у тебя? — спросил Александр.

— В каретнике, дрова рубит.

— Что, не слыхать, когда ваш барин приедет, — поинтересовался Александр.

— А откуда мне знать, нешто он нам докладывает, когда уезжает! Дело барское, — уехал на охоту, а когда вернется — неизвестно.

— А чей это барин-то? — в свою очередь спросил Козырь.

— А вот, брат, поживем, так узнаешь! — хлопнул его по плечу Александр. — Оставайся здесь, живи, ешь, пей, спи в свое удовольствие. Одно только помни: на улицу носа не показывай.

— Ну, оставайтесь покуда, а я пойду...

— Ежели понадобится мне, Козырь, тогда я тебя извещу — и Александр, простившись с Козырем и дворником, захватил свой мешок и вышел. Иван Панфилович поплелся провожать его. На дворе им попался Митька — здоровенный широкоплечий парень с бессмысленным идиотским лицом, одетый в старый изорванный азам и поношенные валенки. Он нес охапку свеженарубленных дров и, при виде выходящих, широко осклабил свое тупое, лоснящееся от жира лицо.

— Гы, гы, — загоготал Митька: он был глухонемой.

— Ступай, ступай, тащи дрова-то, — махнул ему рукой Иван Панфилович...

Подойдя к калитке, Александр обернулся и зашептал дворнику:

— В комнаты Козыря ты не пускай. Разговоров лишних с ним не веди! Ну, в остальном — ты сам знаешь. Затвори калитку!

— Не извольте беспокоиться, все будет в порядке. — Прошамкал дворник. Дом, в который ввел Козыря Сашка Пройди-свет, принадлежал, как это значилось на заржавелой доске над воротами, «действительному статскому советнику Николаю Артемьевичу Загорскому», занимавшему в свое время весьма видное положение среди губернской администрации. Старик Загорский умер лет десять тому назад. Умер вдовцом; единственный его сын, привезенный в столицу еще двенадцатилетним мальчиком, по окончании пажеского корпуса, жил за границей, имея место атташе при одном русском посольстве. Получив от душеприказчика покойного известие о смерти отца, Сергей Николаевич, так звали молодого Загорского, не особенно торопился с приездом на родину. Только год спустя после кончины отца, он вернулся в Томск. Устроив дела по введению в права наследства, сделав несколько полуофициальных визитов видным представителям местного общества, очаровав их всех своими изысканными манерами и чистейшим французским прононсом, Сергей Николаевич

заперся в своем большом старом доме и повел странный образ жизни. Его поведение считали странным, во-первых потому, что он не стал завязывать более тесные знакомства в том обществе, к которому принадлежал по своему происхождению и образованию, а во-вторых и главным образом, потому что избегал томский бомонд. Сергей Николаевич зачастую появлялся то в клубе, то в лучших ресторанах города, окруженный разношерстной толпой прихлебателей. После покойного Николая Артемьевича, кроме дома, оставалось порядочное состояние — тысяч около восьмидесяти процентными бумагами.

Молодой Загорский вел большую игру в клубе, проигрывал и выигрывал весьма крупную сумму.

Одним из самых близких приятелей его по зеленому полю был некто Кравер — инородец, профессиональный игрок, пользующийся далеко не лестной репутацией. Такое знакомство не могло, конечно, не уронить молодого Загорского во мнении томского общества. В описываемое нами время Сергею Николаевичу было тридцать с лишком лет. Но тот, кто встретился бы с ним, не зная его возраста, счел бы его за двадцатилетнего юношу: так неподдельно свеж был его румянец на щеках, так звучен и молод его голос, так стройна и крепка фигура. Казалось, что ни бессонные ночи, проведенные за картами, ни кутежи с невероятным количеством поглощенных напитков, — ничто не наложило свою печать на свежем и чистом лице Сергея Николаевича. Объяснение этому можно было найти, пожалуй в страсти, а именно — в его любви к охоте. Он привез с собой из России целый арсенал дорогого оружия, выписывал охотничьи журналы, завел тесное знакомство с двумя-тремя немвродами из томских старожилов и зачастую исчезал из города на целые недели, уезжая куда-нибудь в окрестную тайгу. Три великолепные медвежьи шкуры, развешанные по стенам его кабинета, были трофеями таких экспедиций. Те, кому приходилось охотиться вместе с Сергеем Николаевичем, удивлялись его хладнокровию, не оставлявшего его ни на минуту.

— Вам, батенька мой, удивляться надо, где это смелости да выдержки такой набрались! Жили вы все время в столице, да за границей. О тайге только понаслышке знали. А приехали к нам медведей щелкать, как заправский сибиряк: глазом не моргнете! — говаривал, бывало, Сергею Николаевичу один из его постоянных спутников по охоте, опытный медвежатник. Сергей Николаевич на эти похвалы только улыбался и просто говорил:

— Что медведи, я мечтаю о более крупной дичи, о львах например.

За последние два-три года Сергей Николаевич еще больше ушел в свою замкнутую жизнь, стал все реже появляться в клубе, что дало повод злым языкам говорить о полном истощении отцовского капитала; даже его частые отлучки на охоту приняли иной характер; он уезжал теперь почти всегда один. В его отсутствие дом охранял знакомый уже нам Иван Панфилич, старый верный слуга Загорских, вывезенный покойным Николаем Артемьевичем еще из России. Весь штат прислуги ограничивался этим стариком и глухонемым Митькой. Больше в доме никого не было.

14. Пришей его

В тот же момент обе половинки двери распахнулись и на пороге показался Сашка Пройди-свет, одетый на этот раз не оборванцем, а в темное теплое пальто, сапоги с набором и темно-синий суконный картуз. Сзади его виднелись фигура широкоплечего мужчины, громадного роста, с угрюмым, почти свирепым выражением лица. По своему костюму, широкой однорядке и плисовым шароварам, он походил на ломового извозчика. Окинув взглядом присутствующих, Пройди-свет узнал двух-трех знакомых и поздоровался с ними.

— Господам хорошим мое почтение!

— Сашка! Откуда ты! Сколько лет, сколько зим! — приветствовали его товарищи. — Садись, брат, с нами: выпьем на радостном свидании!

По радушному искреннему тону этих слов с которыми встретили здесь Александра, было видно, что последний пользовался громкой популярностью в широких слоях темного мира.

— Спасибо, господа, за приглашение, но разделить сейчас вашу компанию я не могу: мне нужно потолковать с человеком, — и Александр указал на своего спутника, — будет еще время погулять вместе, не на один ведь день я в Томске.

— Ну, хорошо, хорошо! Толкуйте себе, мы вам не помешаем, — отозвался один из Федькиной компании...

Все они принялись вновь пить, не обращая уже никакого внимания на пришедших.

Александр и его мрачный товарищ заняли столик в отдаленном углу комнаты, спросили себе пару пива и заговорили себе вполголоса.

Залетный в свою очередь всматривался с любопытством в Сашку Пройди-свет. Ему приходилось не раз слышать всевозможные рассказы про подвиги этого трущобного героя, видеть же его до настоящего времени не приходилось.

Н-да, парень должно быть, ловкий: очка не пронесет! — подумал Залетный, оживляя в своей памяти некоторые эпизоды из прошлой жизни Сашки Пройди-свет.

— «Чиновник», а ты что же, выпьем! — протянули Залетному стакан пива.

Он машинально взял его.

— Выпьем! Отчего же не выпить! Вот что я хотел спросить вас, ребята, вернулся Залетный к своим словам, прерванным словами Александра. — Не был ли кто из вас на днях у Егорина? Дома он или уехал? Дельце у меня до него есть!

Сухощавый парень, тот, что был трезвее остальных, подумал немного и ответил.

— Должно быть дома... Вчера вот еще Федька, что-то такое болтал про Егорина, стало быть виделся с ним недавно.

— Что болтал, говоришь! — деланно равнодушным тоном переспросил Залетный, смутно чувствуя, что неожиданный загул Федьки и его болтовня об Егорине имеют некоторую связь.

Не один Залетный нетерпеливо ожидал ответа поясняющего, что именно болтал Федька, спящий теперь сном праведника — в темном углу, где сидел Александр, тоже насторожили внимание.

— Слышишь, — толкнул Сашка мрачного верзилу.

Тот молча кивнул головой.

— Нешто разберешь, что пьяный говорит, — спокойно ответил парень, чиркая спичкой, — много он вчера тут звонил... Про Егорина поминал, будто его кто-то и в чем-то нагнул. «Нашла» — говорит, — «коса на камень.» А по какому делу, неизвестно, значит.

— Вот уж подлинно говорится, что на ловца и зверь бежит, — внутренне обрадовался Залетный, но не подавая вида, равнодушно поддакнул:

— Ну, разумеется, пьяный иной раз такую чушь городит, что и сам после не помнит!

— Позвольте, господа, прикурить. Спички у меня вышли... — подошел к столу Александр и, наклонясь прикурить, искоса бросил взгляд на спящего Федьку. Никто не обратил внимания на этот маневр. Закурив, Александр, снова отошел и сел за свой столик.

Залетный некоторое время молча соображал:

— Ну, теперь не надо упускать Федьку из виду! Лишь бы за нитку поймать, а клубок поймать можно и потом...

— А, что, ребята, — заговорил Залетный, — не разбудить ли нам его: чай выпался... Он нас угощает, значит, хозяин, а мы его гости. А разве весело гостям сидеть, когда хозяин спит!

— Верно! Разбудить надо!..

Но разбудить Федьку было не так-то просто. Насилу-то его раскачали...

Он приподнял голову, тупо уставился на бутылки и молчал, видимо, стараясь взять себя в руки.

— Феденька, друг любезный, — похлопал его по плечу Залетный, — очнись, будь молодцом! Мы ведь пришли сюда смотреть на хозяина, а вино не прокисло ли оно!

— Выставляй, Федька, еще дюжину пива! Пьяным голосом заорал растрепанный субъект в поношенной визитке из-под которой виднелась манишка далеко не первой чистоты. До этого времени он молчал, пил и тоже клевал носом.

— Да, пивка-то тоже надо взять! Раскошеливайся, Федя! — поддержали остальные собутыльники.

— Пива! Сколько хошь! Требуйте в мою голову! — стукнул кулаком по столу Федька, бессмысленно вращая глазами.

— Вот, сразу видно гулевана! Люблю за ухватку, ай да Федька!

— Хозяин, пива нам дюжину, пильзенского...

Сашка вернулся к столу, прошептал:

— Продал, сволочь...

Они чокнулись стаканами. Когда в комнате поднялся шум вызванный появлением буфетчика, несшего пиво, Сашка молча кивнул своему товарищу и они вышли, не попрощавшись ни с кем.

Бросив на стойку два гривенника Александр и его спутник вышли на крыльцо.

— Утром ты приходи на условленное место: надо мне будет, а сегодня последи за Федькой, надо его будет...

— Што?

— А, собаке — собачья смерть! Пришей его! — кратко отрезал Александр.

— Ладно...

— Ну, ступай теперь — гляди в оба глаза за Федькой. Да, смотри, действуй осторожно!

Они расстались.

Вернемся теперь к веселой компании, пирующей в задней комнате трактира, у Никитки Рыжего. Поданная дюжина пива была раскупорена, стаканы наполнены.

— За здоровье пленных и военных, — пояснил Залетный невольно входя в роль прихлебателя-шута.

— Пейте, ребята, пейте! — угощал Федька, — пейте, денег у нас много!

— Еще бы, у такого молодца, да чтобы денег не было!

— Все пропьем, снова достанем! — хвастал Федька, не подозревая, что неумолимая смерть, в образе мрачного, широкоплечего детины, сидящего в первой комнате трактира, зорко стережет его...

15. Сенька-Козырь в работе

Прошло около недели с того времени, когда Сенька Козырь поселился в доме Загорского... Жилось ему здесь недурно. Еды было вдоволь и, кроме того, старик-дворник не скупился на «монопольку». Одно только не нравилось Козырю — это необходимость постоянно сидеть дома в обществе глухонемого Митьки или сердитого неразговорчивого Панфилыча. «Пусть, — думал Козырь, проживу себе немного, посмотрю, что будет дальше. Не зря же он меня сюда призвал. Видно, дело какое смекает.»

Спал Козырь на кухне, на широких полатях с Митькой. Панфилыч ночевал в барских комнатах. О Загорском не было ничего слышно.

— Должно, далеко уехали охотиться! — говорил Панфилыч, отвечая на вопросы Козыря. — Да тебе-то что! Придет дело — спросят!

К концу недели появился Сашка Пройди-свет. Он появился на этот раз в роли легкового извозчика.

— Отворяй, старина, ворота!

— Гости приехали! — весело крикнул он вышедшему на звонок Панфилычу.

Старые заржавевшие петли ворот заскрипели и на двор выехала рессорная крытая пролетка запряженная парой.

Александр, в извозничьем армяке, с лихо заломленным картузом, подмигнул встретившим его на дворе Козырю и глухонемому.

— Подъехали с подгорелым солодом! Гы, гы, — захохотал Митька.

— Отворяй каретник, дед!

Панфилыч не спеша запер ворота и поплелся в дом за ключами.

— Ну, как ты живешь, приятель! Не соскучился! — обратился Александр к Козырю.

Тот смотрел во все глаза на новое превращение Александра и старался сообразить, что это значит.

— Чего ему скучать-то! — подхватил Панфилич, — пьет, как утка; спит, как хорек: жиру накапливает.

— Ну, а теперь самое настоящее дело пришло! Теперь ты, Сеня, покажи себя, поддержишь, — оживленно говорил Сашка, соскакивая с козел и начиная распрягать лошадей. Ему помогал Митька. Старик Панфилич равнодушно смотрел на эту процедуру, мигал подслеповатыми глазами и чесал поясницу.

— А я, по правде сказать, верно без дела заскучал. Уж сомневаться начал!

— Главная причина — без дела! — отозвался Козырь, в свою очередь помогая распрягать постромки.

Когда лошади были выпряжены и поставлены в конюшню, а экипаж вкачен в каретник, все прошли в дом. Войдя в кухню, Сашка сбросил с себя армяк и, присев на лавку, заговорил:

— Ну, Сенька, кажется с лошадьми ты умеешь обращаться.

Козырь удивленно посмотрел на него.

— Править-то, я говорю, умеешь?

— Нехитра штука! — пробормотал Сенька.

— Ну, так вот сегодня вечером проверим твое искусство. Станешь ты на Аптекарском переулке, где спуск от Николаевской церкви, — знаешь? Я тебе брошу пассажира, сам сяду — тогда уж ты гони всюю. Понял!

— А сколько очистится-то? — спросил Козырь, не вполне понимая ту роль, которую он должен исполнить сегодня вечером.

— За чистую отделку — две радужных!

Эта сумма ошеломила Козыря. Ну, этот не чета Егорычу! Крупно берет! С ним работать можно!

— Гнать-то куда? — спросил он.

— Сюда же, конечно! — ответил Александр.

Часов около семи вечера в тот же день на углу Благовещенского и Аптекарского переулков чернела крытая пролетка. Сенька Козырь сидел на козлах, крепко намотав вожжи и зорко оглядываясь по сторонам.

— Извозчик, подавай! — пьяным голосом закричал кто-то из темноты.

Две, усиленно балансирующие руками, фигуры показались в конце переулка.

— Занят! — бросил в ответ Козырь. Сердце его билось учащенным темпом.

Эко дело задумано, — мысленно перебирал он подробности предприятия, сообщенного ему Сашкой. — Народ кругом на каждом шагу. Как тут подступиться! Ну, да авось кривая вывезет! Две катеньки заработать тоже не шутка, как бы только не зацепить что, второпях! Рытвины здесь, грязь.

На колокольне Николаевской церкви раздался мелкий перезвон, возвещающий конец вечерни. Потянулись темные силуэты возвращающихся из церкви.

— Я ему на круг предлагаю два с полтиной. Потому рыбка-то тронулась!

— донесся до слуха Козыря возглас из кучки проходивших мимо.

— Это что за бас, ты бы послушал в духовой церкви...

Сенька Козырь жадно ловил отрывочные возгласы проходящих, ожидая условленного сигнала. На тротуаре показались двое: старушка, закутанная в большой ковровый платок и молодая стройная девушка. Сзади шли в шагах двух два парня в пиджаках нараспашку.

— Едет краля! — громко выкрикнул один из них, когда идущие поравнялись с пролеткой Козыря. Последний узнал по голосу Сашку, забрал вожжи в левую руку и приготовился.

— Вали, под «шестерку»! — раздался один окрик.

Один из парней, это был Митька, быстро спихнул старуху с тротуара, а Пройди-свет, схватив онемевшую девушку, бросил ее в пролетку и, вскочив вслед за ней, крикнул:

— Сыпь!

Сенька неистово хлестнул по лошадям; горячие, застоявшиеся лошади подхватили и пролетка в один момент, ныряя по рытвинам, наполненным жидкой грязью, пронеслась по Аптекарскому переулку по направлению к Ушайке.

— Наяривай, Сенька! Дуй вовсю! Не бойсь, оси патентованные, не сломаешь! — кричал Сашка, одной рукой держась за сидение, а другой крепко прижимал обезумевшую девушку.

— Караул! Разб-о-о-й! — донеслось им вслед.

Зашумела вода, заскрипела галька под колесами пролетки и добрые кони вынесли наших героев на противоположный берег Ушайки.

— Прямо, потом направо, — командовал Сашка. Он предупредительно закутал рот девушке теплым шарфом, сорванным с ее же головы и без усилия справляясь с молодым, рвущимся телом, грозно прошептал:

— Только пикни — нож тебе в бок!

Сенька Козырь отчаянно хлестал по лошадям. Мелькали одинокие, тусклые мерцающие фонари; улицы были темны и пусты. Проскакав бешеным галопом вдоль Бочановской улицы, Сенька повернул на Тверскую. Всякая опасность погони была избегнута.

— Сдержи лошадей! — заметил Сашка, крепко прижимая обессилевшую девушку.

— Кажись ушли! — самодовольно крикнул Козырь. — Ну, брат, и ухарь же ты! Уж нешто я, прожженный человек, а и в России таких делов не обделывал! продолжал он, облегченно вздыхая.

На Мухином бугре им попался объездной.

Сенька пошевелил вожжами.

— Эх, да карие глазки! Да-а-а не заб-бу-бу-буду... — поддельваясь под тон пьяного, заорал Пройди-свет.

Минут через десять они стояли перед домом Загорского. Ворота были предупредительно открыты.

— Приехали, краля моя!..

16. След потерян

Дня через два после посещения Егориным Залетного, в местной газете, в отделе полицейской хроники, мелким шрифтом была напечатана следующая заметка: «содержателем одной из томских первоклассных гостиниц заявлено полиции об исчезновении одного из постояльцев — молодого человека, приезжего из Иркутска. По показаниям коридорной прислуги, он вышел из занимаемого им номера в восемь часов вечера 10 сентября и до сего времени не возвращался. Дознание производится.»

Егорин прочел эту заметку, сидя у себя дома, за утренним чаем.

— Поздно хватились, голубчики! — подумал он, откладывая газету. Поздно... А наверно, и меня к следователю вызывать будут: прислуга-то видела, что я бывал у него ну, да пускай — ответ у меня короткий: гуляли раза два вместе, познакомились на бегах, а больше ничего не знаю. Хорошо, что «человек в маске» (черт бы его побрал) под видом Василия Ивановича был в гостинице в тот самый момент, когда меня видели там последний раз.

Отвод, значит, хороший!

— Налить тебе еще чаю! — обратилась к Егориному жена.

— Налей пожалуй... Делать-то все равно нечего. Что это твой братец глаз не кажет. Был он вчера вечером, когда меня видели там последний раз.

— Нет не был. Должно быть, приструнили его старики; да и давно пора; совсем то рук отбился.

— Ну, чего там! Дело молодое — надо же и погулять малость! — заметил Кондратий Петрович, прихлебывая горячий чай.

— Дело молодое! — сердито передразнила его жена. — Сам же парня за собой таскаешь! От тебя он водку пить научился! Нашел себе товарища связался черт с младенцем!

— Ну, ну, пошла баба дурить: что я его на аркане вожу что-ли! Аль у него своего ума нет!

— Намедни пришел батюшка, это как вы с Васькой последний раз путались. «Где, говорит, твой-то». Про тебя значит. Почем мол я знаю. «Ну, говорит, Анфиса, дурой ты росла, дурой и осталась!» — Как это, говорит, можно, чтобы женатый человек по ночам пропадал!

А ты бы ему ответила, что, дескать, дело есть. Не стану же я без дела шататься!

— Ох, уж эти дела! Смотри, Кондратий Петрович, пропадешь ты с ними! Всадишь ты свою головушку и меня горе мыкать заставишь!

— Будет тебе! — прикрикнул на жену Егорин, выходя из-за стола. — Чего раньше в смерти помирать!

В это время в комнату вошла кухарка, не старая еще женщина с толстым рябоватым лицом.

— Там вас на кухне, Кондратий Петрович, какой-то человек спрашивает.

— Какой это человек? — переспросил Егорин.

— Кто его знает! Похоже, как из стрюцких — в брюках и пиджаке! отвечала кухарка, утирая нос грязным передником.

— Пойти посмотреть, кто там такой? — пробормотал Егорин.

На кухне его ожидал, сидя на лавке, Залетный, одетый хотя и в поношенное, но довольно приличное платье, купленное на деньги Егорина. Залетный был совершенно трезв.

— А, ну, что нового? — встретил его Егорин. — Проходи, брат, в комнату, потолкуем.

Они прошли в столовую, где в это время Анфиса собирала посуду.

— Выдь-ка, жена, на минутку, — распорядился Егорин, — садись, брат, рассказывай, как и что!

Залетный присел.

— Плохи дела! — начал он. — Сперва как будто на след напал, а теперь шабаш!

— Как так!

— А вот слушай: все по порядку... — и Залетный рассказал о своей встрече с Федькой-маленьким, в трактире Никиты Рыжего, передал свои подозрения относительно участия этого Федьки в деле похищения тридцати тысяч рублей. — Намотал это я себе на ус! — продолжал Залетный. — До самого вечера канителились в трактире... Пьяны все: и Федька и его компания — ничего сообразить невозможно! Насилу их вытащил оттуда... пошли мы к Голубку. Там опять стали пить. Я заметил, что денег у него было много. При мне он менял десятку у Никитки, да потом у Голубка доставал десятку. Было у него рублей 30, а то и больше.

— Ишь ты, черт его побери...

— Да... Ну, я, понятное дело, так исподтишка стал удочку закидывать: откуда, дескать у тебя такое богатство!

— Ну, а он что!

— Укрепился, каналья, — молчит! Отвороты разные дает, да и пьян к тому же. Так в тот вечер ничего и не добился.

— Где живет-то он?

— Слушай дальше, пили мы, пили, часов так около 11 было... Вышел наш Федька на улицу, во двор то есть, за нуждой. Ждем мы его, ждем, — нету Федьки! Что такое! — думаем. Взяли фонарь, вышли посмотреть — не свалился ли где пьяный, да не заснул ли. Глядим, братец ты мой, лежит наш Федька около поленницы саженьях так в двух от крыльца, лежит и уж закоченеть успел...

— Опился что ли!

— На «прихватку» взяли (задушили). Карманы выворочены, одним словом, чисто обделано! Главное, то удивительно, как никто ничего из пивной не слышал. Да и во дворе, ведь там еще квартиранты живут. Почитай, никто еще не спал!

— Следили, значит за Федькой, сметили, что денег много — вставил Егорин.

— Конечно следили... И обработали чисто, прямо, как котенка прижулькали. Ну, тут, было Федькины компаньоны галдеж подняли. Взялись, было, за Голубка, ты дескать, подвел его.

Урезонили их кое-как. Федьку после того, ночью, отвезли подальше, бросили, чтобы не навлечь подозрение на пивную. Так мои надежды на него и не оправдались, — закончил Залетный.

Егорин крепко выругался.

— Ну, а больше того ничего не узнал.

— Пытался я, брат, со всех концов; все дыры облазил — потерял след!

— Неужели так и пропадать деньгам! — вырвалось у Егорина. Он озабоченно прошелся по комнате. — Попробуем еще... Только вряд ли что выйдет!

— Кондратий Петрович, — окликнула Егорина жена, полуотворив дверь, наось, вот письмо тебе с почты принесли, — и она протянула Егорину небольшой конверт с городской маркой.

Разорвав конверт, он развернул аккуратно сложенные листы белой бумаги, из которого выпал на пол желтый театральный билет.

— Ложа бельэтажа № 6 на сегодняшний вечер... — недоуменно пожал плечами Егорин. — Что бы это значило? — он вопросительно посмотрел на Залетного.

— Может, из знакомых кто приглашает, — поднял конверт Залетный, — да, постой, тут, кажется, еще что-то есть! — И он вынул незаметную визитную карточку. — Говорю я — из знакомых кто-нибудь!

Егорин взял карточку, прочел и глухо прошептал.

— Опять он...

17. Западня

Залетный удивленно посмотрел на Егорина.

— Кто он.

Егорин протянул ему визитную карточку и глухо произнес: «читай...» На куске бристольского картона с золотым обрезом шрифтом рондо значилось:

«Василий Иванович рогов», а ниже, в углу карточки: «г. Иркутск».

Залетный недоуменно крикнул и вопросительно взглянул на Егорина:

— Это тот самый...

— Да.

В комнате наступило молчание.

— Прямо голова идет кругом... Ничего сообразить не могу, — начал Егорин, вновь осматривая таинственную карточку, — явное дело — это все он «человек в маске» орудует, что ему от меня надо. Не понимаю!

— Пойдешь в театр-то, — спросил Залетный.

Егорин отрицательно покачал головой:

— Н-нет... Да зачем идти! Попадешь еще в ловушку, пожалуй: черт его знает, что у него на уме!

Залетный прошелся по комнате, потер поясницу и нерешительно начал:

— А что, если нам самим попытаться поймать его!

— Как это так!

— Да очень просто... Стой! Дай подумать. Надо все взвесить хорошенько!

— Верно, Артемий — тряхни мозгами, авось, что и выйдет! — поддакнул Егорин.

Сам он был положительно ошеломлен. Мысль о том, что таинственный, неуловимый его соперник, действительно, силен и непобедим, мучила Егорина.

— Вот, что я надумал, слушай: в театр ты сам не ходи, а пойду я. Так или иначе узнаю, кто будет ждать тебя в ложе № 6, выслежу его до квартиры... понял?

План, разработанный бывшим сыщиком, был действительно и прост, и, вместе с тем, мог дать хорошие результаты.

— Деньги у тебя еще остались на расходы-то? — осведомился Егорин.

— Деньги есть. Оденусь вечером попримечнее и в театр должен тебе сказать, Кондратий Петрович, что я на ассигнованные тобой 50 рублей приобрел, между прочим, на толкучке черную пару, самого фешенебельного покроя. удовольствие это мне стоило 11 рублей, а вещь, как видишь, пригодилась.

— Вали, вали, Артемий! Уж я на тебя надеюсь.

— Дай мне на всякий случай билет-то, — добавил Залетный.

— На, возьми.

Егорин протянул ему билет.

— Ну, пока до свидания! Завтра утром я зайду, расскажу о результатах...

— Ладно, буду ждать!

Егорин проводил Залетного до кухни и еще раз напомнил ему об обещанных 5000 рублях, в случае удачного исхода. Залетный простился и вышел.

Егорин возвратился в комнату, присел к столу и глубоко задумался. В такой позе его застала жена, придя узнать о времени обеда.

— Чай, пора на стол собирать, — спросила она.

Егорин только с досадой отмахнулся и ничего не ответил. Анфиса Семеновна даже обиделась на такое внимание.

— Чего сидишь, как статуя какой. Ладно, что жена дура попалась: я по хозяйству, я в лавке день-деньской... тьфу! — И она хлопнула дверь.

Егорин молчал.

Часов около восьми вечера подъезд городского театра был ярко освещен. Из темноты ночи то и дело подъезжали экипажи всевозможных родов, начиная закрытыми колясками томской буржуазии и кончая обшарпанными дрожками ночных ванек. Два околоточных надзирателя, имея в своем распоряжении несколько городских, энергично наводили порядок среди съезжающихся экипажей.

По тротуару чернели кучки пешеходов. Около театральной кассы была настоящая давка. Одним словом, открытие зимнего сезона, в смысле сбора, было вполне удачным.

Залетному пришлось долгонько-таки ожидать своей очереди у кассы, хотя пришел он рано. Было еще лишь полвосьмого. Наконец. Дошла очередь и до него. Он спросил билет в сталь. Дешевых билетов уже не было, и Залетному пришлось заплатить два рубля за стул в девятом ряду.

Раздевшись у боковой вешалки, Залетный вынул из кармана маленькое зеркальце, пригладил волосы и тщательно нафабранные усы и оправил галстук. В своей черной паре в манишке, приглаженный, с чисто выбритыми щеками, Залетный был вполне приличен и производил впечатление отставного чиновника, живущего на пенсию. Предъявив контролеру свой билет, он прошел по коридору и поднялся на бельэтаж. Ему попадались навстречу, обгоняли его разряженные шумящие шелковыми платьями дамы, корректные мужчины в наглухо застегнутых сюртуках — публика лож. Залетный скромно сторонился, держась по возможности в тени. Он поравнялся с ложей № 6. Эта ложа была наглухо закрыта.

— Очевидно, еще никого нет, — подумал Залетный, — хотя странно, сейчас начнется спектакль, музыка уже кончила играть... Пройдусь немного по коридору, подожду еще.

Но напрасно ждал Залетный, весь первый акт пройдя около дверей заветной ложи. Никто не показался.

— Что, за черт, неужели, я проворонил. — Недоумевал Залетный. — Не заметил, как в ложу вошли, или, быть может она пуста и таинственный корреспондент, любезно приславший билет, не заблагорассудил явиться лично.

Громкие аплодисменты, долетевшие из зала, показали, что первый акт кончился. По коридору вновь двинулась публика. Залетный удвоил внимание, не спуская глаз с интересующей его ложи. Вдруг, к великому удивлению Залетного, дверь ложи отворилась, и оттуда вышел высокий представительный господин средних лет, с густой черной бородкой, в темных очках. Выйдя, он повернул направо, вниз к буфету. Шел он спокойно, не торопясь, видимо, не подозревал, что за ним следят. Залетный быстро догнал его и, спускаясь рядом по лестнице, успел хорошо рассмотреть внешность незнакомца. Судя по костюму последнего — черному сюртуку из модного шевиота, темно-серым брюкам английского покроя и по лакированным ботинкам — он принадлежал к числу людей из общества. Далее Залетному бросилась в глаза бриллиантовая булавка, искрящаяся на черном галстук незнакомца из ложи № 6.

Да, видно, парень не из простых — икряный! — подумал Залетный, оценив по достоинству его внешний вид. Такое убеждение еще более укрепилось в Залетном, когда он по окончании спектакля, увидел дорогое пальто демисезон, в которое облекся незнакомец. Залетный поджидал его около выхода. Для старого сыщика ничего не стоило выследить свою жертву, тем более, что тот совершенно не обращал внимания на окружающих. Выйдя, он громко крикнул извозчика, уселся в крытую пролетку и приказал извозчику: «трогай прямо!»

Залетный успел, однако, заметить номер экипажа и, в свою очередь, взяв извозчика, поспешил вслед за уехавшим. Миновав две-три улицы, преследуемый остановил своего возницу, расплатился, и далее пошел пешком.

Его примеру последовал и Залетный. Он шел шагах в двадцати сзади, зорко всматриваясь в

темноту и нащупывая револьвер, взятый на всякий случай.

Улица была пустынна... Все спало мертвым сном...

Вдруг Залетный почувствовал на своей шее железные тиски чьих-то рук: чей-то властный голос раздался над самым ухом:

— Молчи! Не то — пришью!..

18. Томский Шерлок Холмс в опасности

— Попал, — промелькнуло в голове нашего злосчастного сыщика. — Конец твоим земным странствиям!

Он даже не пробовал сопротивляться.

— Завяжи ему глотку, да покрепче! — скомандовал вполголоса один из нападавших. Другой быстро исполнил его приказание. Рот Залетного был крепко стянут какой-то тряпицей. — Надевай теперь мешок! — продолжал суровый повелительный голос.

На голову Залетного накинули нечто вроде колпака, чем лишили его возможности что-либо видеть.

— Слушай, — еще раз предупредили Залетного, — если тебе дорога жизнь, помни одно: молчание, и не сопротивляйся. Иди, куда тебя поведут!

Вздых облегчения вырвался из груди Залетного. Он понял, что люди, подкараулившие его, не хотят его смерти.

Только бы живу остаться, — думал Залетный, покорно передвигая ноги, слегка подталкиваемый в спину чьим-то крепким кулаком.

Перед этим его тщательно обыскали, отобрали револьвер, но не взяли кошелек. Последнее обстоятельство окончательно успокоило Залетного.

Не простые, стало быть громилы... должно быть, это из шайки — начал понимать Залетный.

— Ну, шагай шире. Не бойся, не споткнешься! — поощрял Залетного его невидимый конвоир.

Они подошли к экипажу, стоящему за углом, в переулке.

На козлах его чернела молчаливая фигура кучера. В глубине пролетки сидел тот самый незнакомец, которого выслеживал Залетный.

— Сцапали? — спокойно спросил он у подходивших.

— Готово дело! — ответил один из них.

— Свяжите ему руки!

— В один момент! Ну-ка, кавалер, пожалуйста ваши лапки.

Залетный беспрекословно подчинился этому приказанию. Ему завернули руки за спину и крепко связали их бечевкой.

— Подсадите его в пролетку, — нетерпеливо крикнул господин, сидящий в экипаже.

— Поскорее вы, возитесь!.. Время идет!

Залетный был поднят, как перышко, рослым широкоплечим парнем и грубо втолкнул под верх пролетки. Экипаж занырял по грязи.

Чужая крепкая рука плотно обхватила Залетного за талию. В рытвинах и на поворотах, при каждом сотрясении экипажа, Залетный беспомощно мотался из стороны в сторону. Голова его стучалась о зад пролетки, в висках стучало... Дышать было под колпаком трудно. Сколько времени продолжалось это утомительное для Залетного путешествие, он определить не мог. Также не имел он представления и о том, куда, в каком направлении его везут. Смутно только соображал, что едут они, часто меняя улицы. Наконец, пролетка остановилась. Сильные руки вынули Залетного из экипажа и поставили на землю. Злополучный помощник Егорина даже шатался от усталости.

Вот попался в кашу! Дернула меня нелегкая связываться! — упрекал себя Залетный, весь разбитый и полузадохнувшийся.

— Шагай за мной! — последовало новое приказание.

Залетного повели в дом. Он смутно слышал бряцание засовов, стук отпираемых дверей, неясные, сдержанные голоса...

— Шагай осторожнее — здесь лестница! — предупредили Залетного.

Он медленно передвигал ноги, ощупывал ступеньки, поддерживаемый за руки. Насчитал 16 ступенек.

Еще раз хлопнула дверь.

— Сними с него колпак! — расслышал Залетный.

Яркий свет, при быстром переходе из темноты ослепил на минуту его глаза. Наконец, когда первое резкое впечатление сгладилось, он увидел себя стоящим среди большой, богато убранной комнаты. В углу пылал камин, бросая красноватый отблеск на громадную медвежью шкуру, разостланную на полу. На письменном столе горела лампа под голубым абажуром.

Другая лампа с белым матовым стеклом на резной ореховой подставке освещала какую-то картину в массивной позолоченной раме. На стенах комнаты, оклеенной обоями, дорогами и атласными, было развешано самое разнообразное оружие, начиная с тунгусской рогатины и кончая винтовками Винчестера и Зауэра. Искусно препарированное чучело орла широко раскидывало крылья под мягким турецким диваном, стоящим у противоположной стены комнаты...

Не успел еще Залетный разглядеть все как следует, как сзади его от двери послышались быстрые легкие шаги.

Залетный обернулся...

— «Человек в маске» — прошептал он.

Перед ним стоял стройный молодой человек, больше среднего роста, одетый в черную австрийскую куртку и лакированные ботфорты. Волосы его были низко подстрижены; высокий белый лоб прорезала упрямая складка. Вся передняя часть лица незнакомца была скрыта черной бархатной маской. Он молча прошелся, подошел к камину, пододвинул кресло и, спокойно усевшись, продолжал хранить молчание. От его пристального холодного взгляда, от

зловещего молчания, Залетному сделалось жутко.

Лицом к лицу с темным таинственным врагом, против которого и он и Егорин были совершенно бессильны, находясь в полной его власти, бывший сыщик, чуть ли не в первый раз за всю свою жизнь, понял, как опасно шутить с огнем...

— Ну, заговорил, наконец незнакомец, — как вы себя чувствуете.

Голос его звучал насмешливо. Залетный хотел ответить, но язык не повиновался ему. Все его тело сотрясало быстрая лихорадочная дрожь...

— Надеюсь, вы здоровы. — Иронически улыбнулся загадочный хозяин. — Как вам понравился сегодня спектакль.

— Пощадите! — еле смог выговорить Залетный.

— Как здоровье моего уважаемого друга — Кондратия Петровича?

— Богом клянусь — не по своей я воле шел... человек я маленький...

— Отчего это он не воспользовался моим приглашением и не приехал в театр?

— Нужда заставила... простите, — бормотал Залетный, робко переступая с ноги на ногу.

— Слушай, любезный, — резко переменял свой тон «человек в маске» теперь, надеюсь, и ты и Егорин будете вполне уверены, что бороться со мной вам не под силу. Не так ли? Да, я не говорил ли Егорину, что все равно ничего из ваших розысков не выйдет...

— Говорил... Что он думает.

— Денег ему жалко.

— Хм, денег! А головы своей ему не жалко.

— Про себя скажу, что я если прикажете, с этой минуты ваш слуга до последнего дыхания...

— Слуг у меня, любезный, и без тебя много.

— Заслужу, постараюсь!

— Передай ты от меня Егорину мое решение: хочет он деньги иметь, пускай вступает в мою организацию, не хочет, значит, останется в дураках. Но за мной пусть лучше не следит и бороться со мной не пытается. Я отлично знаю, что у него большие связи среди «фартовой» публики, но у меня тоже есть люди. В огонь и в воду пойдут, только прикажи. Обидно ему покажется под началом-то ходить. Зато выгодно!.. Мы с ним в союзе такие дела можем делать, что всю Сибирь в руки возьмем! Понял?

— Я в точности передам Егорину ваши слова. Думаю, что он больше кочевряжиться не станет, — почтительно ответил Залетный.

«Человек в маске» встал, прошелся по комнате и, после некоторого раздумья, закончил:

— Сейчас тебя увезут обратно. Дом, где мы теперь находимся, не должен знать никто — и поэтому тебе опять завяжут глаза. Вам не нужно искать меня пусть только Егорин, в случае согласия, завтра в час ночи ожидает меня у себя в квартире. Я приду. Условным сигналом будет — лампа на окне, выходящем к томи. Понял!

— В точности все передам...

«Человек в маске» позвонил. Явился рослый парень.

— Завяжите ему глаза и увезите его, как вам приказано, — указал он на Залетного.

19. Или я, или никто!

Теперь мы должны вернуться к Пройди-свету и его пленнице. Мы оставили их, если помнит читатель, в тот момент, когда пролетка, управляемая Сенькой Козырем, была уже у ворот дома Загорского.

— Приехали, краля моя, — повторил Александр спокойным тоном человека, уверенного в своей победе. — Запри ворота, Панфилыч!

Пролетка остановилась у заднего крыльца...

— Распряги лошадей, Семен, — продолжал Сашка, — экипаж вкати в каретник, а ты красавица моя, — он легко поднял на руки девушку, — пойдём со мной!

— Здесь тебя давно ждут. И комната тебе и все приготовлено!

Девушка молчала, тяжело дышала, но уже не сопротивлялась, точно сознавая всю бесполезность борьбы.

— Посвети мне, Панфилыч, — крикнул Александр, поднимаясь со своей дорогой ношей на крыльцо.

Старик-дворник, успевший закрыть ворота, подошел, держа в руках небольшой фонарик.

— Идите, идите, — пробормотал он, всходя в сени и освещая путь.

Пройди-свет быстро, точно не чувствуя тяжести живой ноши, шагал за Панфилычем, идущим впереди. Они поднялись по лестнице, вошли в верхний этаж и пройдя ряд пустых комнат, остановились перед запертой дверью.

— Отворяй, — кратко приказал Александр, опуская на пол порывисто дышащую девушку. Щелкнул замок, и дверь была открыта... — Зажги огонь, старина!

Панфилыч, ворчал что-то про себя под нос, скрылся в темной комнате, оставив свой фонарь около порога. Прошла минута... две...

Вдруг темноту комнаты, на пороге которой стоял Александр, сменил нежный голубой полусвет, точно кто-то невидимый, вверху под потолком, зажег электрический фонарь, скрытый цветным абажуром.

— Входите, красавица! — обернулся Александр к девушке. — Эта комната отведена вам.

Пленница смело шагнула через порог и глухо, насколько ей позволял шарф, окутывающий всю нижнюю часть лица, спросила:

— Зачем вы привезли меня?

— Зачем привезли... а это уж ты спроси у того, для кого мы тебя привезли, а не у нас! — спокойно ответил Александр, осматривая помещение: все ли в порядке.

Комната была большая, обставленная богатой мебелью, застланная пушистым ковром. В углу стояла роскошно убранная кровать. Пленница вздрогнула при последних словах Пройди-света, сделав слабую попытку двинуться вперед, но остановилась и молча смотрела на него, точно переживая свое волнение.

— Так вот, голубушка, послушайте, что я вам скажу: сейчас мы вас оставим здесь — в этой комнате. Не глупите и не пробуйте убежать. Окна снаружи закрыты ставнями; дверь тоже будет заперта. И не кричите зря, горлышко только свое надорвете. Все равно услышать никто не сможет. Если вам понадобится что, то нажмите эту кнопку и явится вот сей старик. — Александр кивнул на Панфилыча. — Приказывайте ему, что угодно! Здесь вы — полная госпожа! А потом явится ваш барин, вот у него вы и спросите, зачем вас сюда привезли! Дайте я помогу развязать ваш шарфик — больше он вам не нужен.

Развязав девушку, которая в это время повернулась к нему спиной, точно пряча свое лицо, Александр пошел к двери.

— Ну, не скучайте — барин, наверное, скоро явится! — сказал он уходя...

Вслед ему раздался серебристый звонкий смех.

— Ха, ха, ха! Давно ли ты, Саша, друг мой сердечный, сделался комиссионером по части живого товара!

Пройди-свет быстро повернулся, услышав знакомый голос:

— Что такое! Кто это говорит!

Девушка стояла к нему лицом, вся освещенная светом, падающим сверху, и продолжала звонко смеяться.

— Катя! Ты ли это! — вскрикнул пораженный Пройди-свет, узнав в своей пленнице свою же любовницу — ту самую Катю, которая уже неоднократно являлась в разных ролях в предыдущих эпизодах нашего романа.

— А ты думал кто! Думал, и впрямь выкрал для своего «барина» невинную девочку! Эх, Александр, какими делами ты стал заниматься!

Пройди-свет, справившись со своим изумлением, полувосхищенно, полусердито спросил:

— Но как же ты все это подстроила!

Катя подошла к нему и, ласково обвив его шею руками, прошептала:

— Голубь ты мой, если бы я знала тебя, не любила, то и не следила бы за тобой... И горюшка бы мне было мало, с кем ты живешь, куда ходишь!

— Догадалась, стало быть, зачем я спрашивал про ту девчонку, — тихо произнес Александр, слегка отстранясь от Кати.

Она заметила это движение и, видимо, обиженная, отошла в сторону.

Не много ума надо было, чтобы догадаться! Недаром ты, когда она последний раз к нам заходила, помнишь ты тогда сидел в зале, все время на нее глаза пялил!

— Ладно... Говори дальше!

— Что ж дальше! Потом она сама мне сказала, что видела тебя в Никольской церкви, у всенощной. Тогда я догадалась, что ты следишь за ней.

— Приревновала, значит! — усмехнулся Александр.

Лицо девушки потемнело. Она судорожно сжала свои руки.

— Не смейся, Александр, разве ты не знаешь, как я тебя люблю! вырвалось из уст Кати, после некоторого молчания.

— Но все-таки я не пойму, как это вышло, что мы захватили тебя вместо той! Ведь старуха-то была с ней.

— Мать ее была, а с ней вместо дочери пошла я... Потому что я догадывалась, что именно сегодня ты сделаешь попытку похищения.

— Стало быть, ты обо всем предупредила их... — поднялся Александр.

— Ну да... не могла же я молчать, раз дело... Но что это с тобой?

Саша, Саша, что ты!.. — Девушка бросилась вперед и испуганно упала на колени, протягивая руки, точно защищаясь от смертельного удара... Лицо Александра побледнело от глубокого волнения. Глаза его горели мрачным огнем... руки дрожали... Но он победил себя.

— Ну, вставай... Видно, не пришел еще твой час! — тяжело вздохнул он.

— Никогда ты, Катерина, не была так близко к смерти, как сейчас.

— Разве ты ее так сильно любишь, что убить меня хотел! Так убивай... если можешь! — Девушка гордо выпрямилась, откинув голову.

Она была прекрасна в этом порыве, как живое воплощение обманутой любви и мрачной решимости.

— Зачем ты ломала эту комедию: дала привезти себя сюда?

— Затем, что я хотела узнать, что у тебя на уме... И если б ты обнаружил так или иначе, что привез меня для себя, то... — голос девушки дрогнул и перешел в глухой страстный полусшепот, — я бы поступила... вот так! — В ее руках блеснуло дул револьвера. — Помни, что, или я, или никто!

20. Полночный гость

Залетному вновь завязали глаза и вывели его из комнаты.

— Слава богу, дешево отделался! — подумал экс-сыщик, широко вздохнув холодным ночным воздухом, когда его вывели на двор. Здесь ожидал крытый экипаж, на козлах которого сидел молчаливый возница, флегматически покуривающий трубку.

— Ну, садись, что ли! — грубо проворчал конвоир Залетного. — Возись тут с вами... тьфу!

Залетный молча повиновался приказанию. Они выехали со двора и опять заныряли по рытвинам, часто сворачивая с улицы в улицу.

Прошло не менее как полчаса, когда экипаж, наконец, остановился.

— Вылазь и уноси ноги по добру-здорову.

С глаз Залетного сняли повязку и довольно бесцеремонно вытолкнули его из пролетки. Пока Залетный успел оглядеться кругом, привезшие его уже скрылись за поворотом улицы. Залетный не сразу узнал, где он находится, так было сильно пережитое им волнение. Он пошел наудачу прямо и, встретив объездного, медленно ехавшего по середине улицы, спросил:

— Эй, дядя! Это какая улица будет.

Объездной остановил лошадь, пристально посмотрел на Залетного и, не спеша ответил:

— Какая улица! Это Московский тракт будет... аль ты не здешний?

Залетный даже свистнул от изумления.

— Вот куда завезли! Теперь до квартиры-то придется пошлепать. Ежели к Егорину идти, — неудобно ночью весь дом булгачить. Нет, уж лучше пойду восвоюси. По крайней мере, выплюсь хорошенько! — и Залетный, поблагодарив объездного, пустился в путь.

Треволнения, пережитые Залетным за прошлую ночь, и сильная усталость дали себя знать. Несмотря на порядочную дозу алкоголя и шестичасовой сон, Залетный проснулся, чувствуя себя разбитым.

— Надо, все-таки, было идти к Егорину, дать отчет о вчерашних событиях.

Хмурый и полусонный, не отвечая на слова, на заботливые расспросы своей любовницы, Залетный оделся, выпил на дорогу стаканчик водки и вышел из квартиры.

Уже темнело, когда он подходил к дому Егорина. Ранние осенние сумерки и холодный ветер, уныло гуляющий в телеграфных проводах наводил на душу Залетного какой-то странный безотчетный страх: ему все казалось, что его кто-то преследует по пятам, и он поминутно оглядывался.

— Дома Кондратий Петрович? — спросил он, заходя в лавку, где его встретила жена Егорина.

— Дома... проходите вот в эту дверь. Калоши-то здесь оставьте!

— А, Артемий, друг сердечный! Ну, как наши дела? — воскликнул Кондратий Егорович при виде входящего.

Залетный молча пожал протянутую руку Егорину, подозрительно огляделся кругом и таинственно прошептал.

— Запри дверь-то... Как бы кто не подслушал...

— Кому тут подслушивать-то. Опрочь меня, да жены во всей квартире никого нет. Стряпка на кухне. Работника я послал в город за овсом... Говори смело!

— Ну, Кондратий, — начал вполголоса Залетный, — скажу я тебе: сколько мне в жизни приходилось разных передряг испытать, а такого страха, что вчерашней ночью хватил, еще не видывал!

— Что, влопался разве? — тревожно перебил его Егорин.

— На волосок от смерти был. Самому черту в лапы попал. И сейчас не пойму, как это жив остался...

— Да, говори толком, что такое вышло.

— Вышло такое дело, Кондратий Петрович, что надо бы хуже, да некуда! сокрушенно покачал головой Залетный.

Он подробно рассказал Егорину о своем ночном приключении и передал решение «человека в маске».

— Могу тебе одно посоветовать, — так закончил Залетный, — не при против рожна, потому что все равно с таким сильным и неуловимым врагом нам бороться нельзя!

Егорин выслушал его рассказ, долго ходил по комнате, обдумывая положение вещей и, наконец, остановившись, он тряхнул головой и решительно сказал:

— Правда твоя, Артемий, лучше быть с ним, чем против его!

— И не ошибешься? — поддакнул Залетный, внутренне радуясь, что его опасная миссия следить за сильнейшим врагом — подходит к концу.

— В час ночи, говоришь, хотел он прийти! — задумчиво переспросил Егорин.

— Да... Лампу-то не забудь поставить на окно и зажечь.

— Стало быть, он хорошо знает расположение комнат, если указал, что сигнал этот нужно поставить в угловой комнате, окошки, которой выходят на Томь... Вот что диво кажется... али ты ему рассказал.

Залетный отрицательно покачал головой.

— Ничего он меня не расспрашивал, верь мне, Кондратий, это такой человек, что всюду у него свои агенты есть. Этим-то он и силен!

— Ловкая птица, должно быть! — согласился Егорин.

— Ну, прощай покуда, Кондратий Петрович! — поднялся Залетный.

— Ладно, ступай пока... больше пока ты мне не нужен.

Егорин проводил своего помощника до лавки и, возвратившись в комнату, крикнул кухарку.

— Что, не вернулся еще Федька? — спросил он про работника.

— Приехал... на кухне чай пьет.

— Позови его сюда.

Явился Федька, рослый, рябоватый детина, по виду — прямо беглый каторжник. Жил он у Егорина уже давно, и только благодаря своему тупоумию, не пользовался особым доверием хозяина, не был посвящен в его предприятия.

— Вот что, Федор, — обратился к работнику Егорин, — ты сегодня не запирай на ночь калитку у задних ворот. На цепь-то запри, а засов не задвигай! Понял!

Федька глупо ухмыльнулся.

— По мне что ж... — пробормотал он, — как ты скажешь...

— Ну, ладно, иди, — махнул рукой Егорин.

Пуживав раньше обыкновенного, Егорин отослал жену спать.

— Иди, ложись, Анфиса, а я займусь на досуге, благо никто не мешает, надо расчеты проверить.

Оставшись один, Егорин тщательно запер двери в спальню, посмотрел на часы — было на исходе одиннадцатого, зажег лампу, которая должна была служить сигналом.

Он поставил ее на окно в угловой комнате и сам уселся здесь же, около преддиванного столика.

В квартире было тихо: ни шороха, ни звука. За окном шумел полночный ветер, надоедливо громыхая каким-то оторвавшимся ставнем. В переулке глухо лаяла собака...

Егорин боролся со сном, чутко прислушиваясь ко всем звукам, доносящимся извне...

Время тянулось мучительно медленно. Кондратий Петрович встал, прошелся по комнате с целью разогнать дремоту, все более и более овладевавшую им. Посмотрел чуть ли не в десятый раз на часы. Стрелка показывала половину первого.

— Ну, теперь уж недолго осталось ждать. Всего полчаса. Надо не проморгать — услышать, как он стучать будет. Те идола на кузне храпят, хоть из пушек пали — не услышат.

К удивлению своему, Егорин, вообще не робкого десятка, по мере приближения стрелки к урочному времени стал ощущать нечто, похожее на страх. Близость свидания с таинственным гостем пугала его предчувствием возможной опасности. Он еще раз осмотрел капсюль револьвера и вновь положил его в боковой карман пиджака.

— Ровно час и никого нет! — облегченно вздохнул Егорин, смотря на часы. — Никто не пришел, стало быть, я могу теперь спать ложиться!

Он подошел к окошку и взял лампу, намереваясь идти в спальню.

В это время какой-то слабый шорох, легкое движение воздуха, точно в комнату кто-то вошел, заставил его обернуться. Он обернулся и... едва не уронил лампу... В двух шагах от него неподвижно, как статуя, стоял таинственный посетитель, лицо которого скрывалось под черной бархатной маской...

21. Шайка мертвой головы

Неожиданное появление «человека в маске» испугало Егорина, как нечто сверхъестественное... Только железные нервы человека, неоднократно проливавшего кровь, сроднившегося со всеми ужасами преступлений, могли выдержать это испытание. Страшным усилием воли, победив свой испуг. Егорин поставил лампу на стол и, обернувшись к незнакомцу, голосом еще дрожавшем от внутреннего волнения сказал:

— Садитесь... Я все время ждал вас... Удивляюсь, как это я не слышал вашего звонка...

«Человек в маске» глухо рассмеялся и кратко ответил:

— Я не звонил.

— Как же вы прошли, — недоверчиво переспросил Егорин.

— Разве ваш слуга отворил бы мне, не спросив предварительно вашего разрешения, — в свою очередь задал вопрос незнакомец.

Егорин внутренне согласился с этим доводом. И тем более странным и таинственным показался ему полночный гость. Последний же, не снимая пальто и шляпы. Преспокойно уселся на стул лицом к Егору и внимательно следил за каждым его шагом, точно опасаясь внезапного нападения.

— Сквозь стены прошли вы, что ль? — деланно грубо спросил Егорин.

— Для меня не существует ничего невозможного... Нет такой двери, которая бы не открылась предо мной, — строгим уверенным тоном произнес «человек в маске».

— Чудно!.. Слово вы, что ль какое знаете, — недоверчиво усмехнулся Кондратий Петрович.

— Я — человек дела, а не слова!

Таинственный посетитель помолчал некоторое время, затем продолжал.

— Не будем терять времени! Я пришел к вам не за праздными разговорами.

— Я слушаю говорите!

— Залетный, этот ваш бедняга-сыщик, очевидно, передал вам мое предложение.

— Да, он мне все обсказал...

— Иначе вы, конечно, не стали бы меня ждать...

Егорин молча кивнул головой.

— Теперь поговорим откровенно, — человек в маске подвинул свой стул и, понизив голос, продолжал: — Господин Егорин, для меня, повторяю, не существует тайн! Я мог бы вам много рассказать из событий вашей прошлой жизни, о которых вы теперь, по всей вероятности, не помните, но не буду терять времени. Скажу только, что мне отлично известно, каким образом Савка Красноперый, громила и душитель, приговоренный к пожизненной каторге, очутился здесь, в Томске.

При этих словах «человек в маске» посмотрел внимательным взглядом в побледневшее лицо Егорина.

Тот откинулся назад, как пораженный ударом, прошептал:

— Что ты... за человек!

Незнакомец усмехнулся.

— Одним словом, тебе, Кондратий Петрович, стесняться нечего! Можешь на меня положиться... Горе тем, кто против меня, а те, кто со мной, те могут быть спокойными!..

— Дьявол ты, аль человек, — бешено крикнул Егорин, вскакивая на ноги, помни, меня не запугать!

— Тише, тише, — спокойно отозвался «человек в маске», незаметным движением опуская руку в карман и ощупывая револьвер.

— Зачем так кричать: разбудишь весь дом.

— Что меня пытаешь, что ты хочешь с меня выиграть? — уже тише проговорил Егорин, обескураженный спокойным тоном таинственного незнакомца.

— Чего я хочу! Во всяком случае, не запугивать тебя... Что мне за дело до твоего прошлого! Я предлагаю тебе вступить в организацию, во главе которой стою я!

Егорин окончательно успокоился, видя, что его опасения были напрасны.

— Что ж! Я не прочь! Говори подробно, как и что...

— Ты, как и остальные члены нашего союза, должен беспрекословно подчиняться моим распоряжениям. Это первое и главное. Согласен.

— Дальше что?

— Прибыль от всех операций, произведенных по моему указанию и плану должна делиться на четыре части: три мне и остальным членам шайки, которых ты и знать не должен, а четвертая часть тебе!

Егорин неодобрительно крикнул.

— Почто не поровну!

— Потому что слишком велики затраты на постановку организации вообще... Разве мало... Думаешь, стоит держать целую армию агентов везде и всюду! А без этого нельзя — этим создается наша независимость и сила!

— Так-то оно так...

— Много от тебя лично не потребуется: мне важны твои связи среди томских «фартовиков», а так же нужен человек, который мог бы в случае надобности заменить меня самого.

Последнее весьма польстило самолюбию Егорина. Он решительно протянул руку новому компаньону.

— Внакладе не будешь! Мы с тобой кое-что сделаем, будь уверен!

— Ну, коли так, то давай действовать начистоту: сбрось свою маску теперь ведь не святки!

Собеседник Егорина отрицательно махнул рукой.

— Это лишнее... Никто не должен видеть моего лица. Для тебя, как и для других членов организации, я остаюсь «человеком в маске»!

Егорин не возражал.

— Слушай, — властным тоном заговорил незнакомец, поднимаясь со своего стула, — лично меня ты, наверное, долго не увидишь. Я уезжаю из Томска.

Тот, кто явится к тебе, передаст тебе вот эту карточку — член нашей организации. С ним ты можешь говорить открыто. Таким же путем и сообщу тебе и дальнейшие указания. Но помни одно: не вздумай кривить душой. Часу не проживешь!

Егорин взял протянутую карточку. Это был правильно обрезанный кусок картона, на котором чернел оттиск печати. Печать изображала череп с двумя скрещенными костями.

— Это что за штука? — удивился Егорин.

— Печать нашей шайки. Отныне ты член «шайки мертвой головы». Посмотри эту карточку на огонь...

Егорин последовал его совету, но сколько ни вертел карточку перед лампой, ничего особенного увидеть не мог.

— Ничего не вижу... — поднял он голову и... ахнул от изумления.

Таинственный гость исчез также бесшумно и загадочно, как и появился.

Егорин осмотрел наружные двери квартиры — они были заперты. На кухне спали мертвым сном... Холодный пот выступил на лбу Егорина.

Что это... Дьявольское наваждение!..

22. Торговец живым товаром

Читатели, наверное, помнят неожиданный исход авантюры с похищением девушки. Тонко обдуманый план похищения был блистательно выполнен Сашкой Пройди-свет и его сообщниками. Сашка, скрепя сердце, должен был признать, что его одурачили. Когда первый порыв гнева уступил в нем место невольному восхищению перед находчивостью и энергией своей любовницы, он еще раз подтвердил ей, что девушка, которую предполагалось похитить, лично его, Пройди-света, нисколько не интересует и, что он действовал ради денег, в чаянии получить хорошее вознаграждение от того лица, которому предназначалась эта девушка... Катя, выслушав это объяснение и удовлетворившись им, не расспрашивала ничего более... Ревность, вспыхнувшая в ее душе под влиянием подозрений улеглась на время и Катя, вполне успокоившись, дала своему любовнику торжественное обещание не мучить его вздорными предположениями... Роман Кати с Александром тянулся уже более года. Холодная эгоистичная натура бывшей этуали, сосланной в Сибирь по прикосновенности к делу об отравлении одного московского фабриканта, была побеждена тем особенным обаянием, которое производил Александр на окружающих.

Катя, встретив его однажды в пьяной обстановке «тетенькиной гостиной» среди веселой компании «блатных» ребят, запивающих большой «фарт», привязалась к нему всей душой... Частые и тайные исчезновения Александра с томского горизонта, почти легендарная слава о его «подвигах» — все это убеждало Катю, что ее возлюбленный играет выдающуюся роль среди героев темного мира. Александр, несмотря на ее просьбы, ничего не рассказывал о своем прошлом, не посвящал ее в свои планы и, вообще, держался замкнуто, что крайне огорчало Катю. Она не могла не понимать, что в сущности Александр ее нисколько не любит и приходит к ней только тогда, когда видит в этом необходимость.

— Горе мне и ему, — часто думала она, — если я уверюсь в том, что он любит другую... Там на стороне, пусть балуется, все мужчины таковы! Но серьезного увлечения кем-либо, кроме меня, я не потерплю...

Прошло несколько дней после того, как Катя последний раз виделась с Пройди-светом. В ту памятную ночь он проводил Катю из дома Загорского, до ее квартиры, переночевал у нее, обещал придти на другой день и с тех пор не бывал. Это обстоятельство очень обеспокоило Катю. К беспокойству примешивалась некоторая доля ревности: ей почему-то казалось, что Александр не отказался от своего намерения выкрасть девушку, роль которой так удачно сыграла Катя. Слова Пройди-света, что девушка эта ему не нужна, стали казаться Кате неправдоподобными. Она вернулась к своим прежним подозрениям и ревниво следила за своей предполагаемой соперницей.

Необходимо пояснить, что эта последняя молоденькая лет 16 еще, дочь бедной мещанской

семьи, жила со своей матерью в подвальном этаже того же дома, где помещалась «тетенькина» квартира. Мать этой девушки была прачка. Стирала белье и для Орлихи, поэтому дочь часто бывала у Орлихи и познакомилась и даже сдружилась с Катей. Сравнивая свое, уже требующее косметики лицо, с румяными щечками прачкиной дочери, Катя понимала, что свободный выбор Александра должен был остановиться на более молодой, более свежей сопернице. Прошла еще неделя напрасных ожиданий, бессонных ночей, Александр не появлялся; между тем дочь прачки видела его раза два на улице и передала об этой встрече Кате.

Следит, значит, ему нужна эта девчонка, — подсказала Кате ее ревность. В ее голове созрел план, как избавиться раз и навсегда от ничего не подозревавшей соперницы. И Катя принялась действовать...

В одно скверное октябрьское утро, когда, благодаря плохой погоде, на улицах не было заметно обычного оживления, по скользким тротуарам обрубая, быстро, насколько это было возможно, шла стройная, скромно одетая женщина. Голова ее была замотана большим теплым платком, низко надвинутым на глаза.

Женщина шла, избегая взглядов прохожих, видимо опасаясь встречи со знакомыми...

Это была Катя. Поравнявшись с одним домом, на котором красовалась вывеска: «меблированные комнаты для приезжающих», Катя поднялась на крыльцо, бросила быстрый взгляд на пустующую улицу и вошла в подъезд. В коридоре было темно горела лампочка, стекло которой, очевидно, не чистилось целыми месяцами. Пахло керосиновым чадом, клопами и какой-то прелью... Навстречу Кате вынырнул откуда-то из темноты грязный заспанный малый с копной взлохмаченных волос. Он тупо уставился на Катю, дохнул на нее перегаром похмелья.

— Вам кого? — просипел он.

— Мне нужно в 11 номер... проведите меня, пожалуйста.

Коридорный тряхнул головой и двинулся вперед.

— Сюда вот идите, ежели вам в 11 номер требуется... Здесь он номер-то угловой — он показал на узенькую дверь, на которой была прибита дощечка с цифрой 11.

Катя легко постучала.

— Войдите! — ответили из номера. На пороге показался высокий сухощавый брюнет восточного типа. Он испытующе посмотрел на Катю, посторонился и вновь повторил:

— Войдите! Чем могу служить!

Он подвинул стул и галантно поклонился. Катя окинула взглядом непрезентабельную обстановку рублевого номера, неубранную постель, пустые бутылки на столе и брезгливо поморщилась.

— Нас никто не услышит, — в свою очередь спросила она...

23. Женская месть

Брюнет утвердительно кивнул головой:

— Можете говорить спокойно. Никто не услышит!

Катя опустилась на предложенный стул, распустила концы своего шарфа и обратилась с таким вопросом:

— Я говорю с господином Шельмовичем?

Брюнет изысканно расшаркался.

— К вашим услугам, сударыня!

— Мне говорили о вас, как о человеке, набирающем труппу для поездки на восток, — осторожно начала Катя.

— Совершенно верно! Вы что же желали бы поступить? — нагнулся всем туловищем Шельмович.

Глаза его впелись в раскрасневшееся от холода, казавшееся совсем молодым, лицо Кати. Она невольно улыбнулась, поняв мысли своего собеседника.

— Нет, я не имею намерения поступить в вашу «труппу»! — особенно подчеркнула она последнее слово.

— В таком случае, чем же я могу быть полезен, — недоумевающим тоном спросил Шельмович.

— Будем говорить откровенно! Вы видите перед собой особу, которая уже не нуждается в ваших «режиссерских» указаниях. Понимаете?

Шельмович одобрительно потряс головой и улыбнулся, блеснув зубами.

Улыбка шакала! — подумала Катя.

— Ах, какой у вас язычок, барышня!

— Так вот, — продолжала Катя, — зная ваши настоящие намерения, я пришла предложить устроить хороший гешефт.

— То есть! — вопросительно поднял брови Шельмович.

— Я рекомендую вам девочку, молоденькую, хорошенькую. При моем посредстве вы можете ее увезти с собой в Иркутск, или куда там, без всяких почти затрат.

Шельмович недоверчиво покосился на свою посетительницу. Слишком выгодное предложение показалось ему подозрительным.

— У ней, у этой девицы, есть родители? — спросил он.

— Старуха мать... люди бедные. Мне они обе доверяют вполне! — спокойно отозвалась Катя, доставая из ридикюля папироску.

Шельмович предупредительно поднес ей зажженную спичку.

— Благодарю! — кивнула головой Катя, и выпустила густой клуб дыма.

— Очень молодая ваша протезе?

— Шестнадцать лет. Воплощение невинности! — деловым тоном заметила Катя.

— Но как вы это собираетесь устроить?

— Очень просто: я назову вас своим знакомым еще по Москве. Скажу, что вы имеете держать антрепризу где-нибудь в Восточной Сибири. Набираете для этой цели труппу. Старуху можно соблазнить хорошим жалованьем, дать ей денег, а девчонка... что она понимает! Она будет даже рада уехать из Томска — посмотреть белый свет.

— С документами недоразумений не будет? — осведомился Шельмович.

— Никаких! Все это устроим.

— А сколько вы желаете иметь за комиссию?

— Ну, об этом не будем сейчас говорить! Вы увидите девчонку, и тогда мы условимся, — несколько смущенно выговорила Катя, — я думаю, что вы меня не обидите.

— А когда я ее увижу?

— Назовите часы и я приду с ней хоть завтра.

Шельмович прошелся по комнате, потирая руки. Ему улыбалась перспектива заработать хороший куш.

— В таком случае, я прошу вас пожаловать завтра утром в это же время. Весьма благодарен за содействие.

Теперь, когда роли их были взаимно выяснены, они оба — аферист, искусившийся в разных темных делах и женщина, готовая так вероломно погубить невинную девочку, чувствовали себя как-то неловко. Чтобы замять эту неловкость, Шельмович деланно развязно обратился к Кате:

— Я бы предложил вам выпить рюмочку чего-нибудь, если вы только не спешите. Погода на дворе холодная, да и вообще по правилам следует каждую сделку спрыснуть.

Катя поднялась со стула, сбросила шарф и, оправляя прическу, ответила:

— Что ж, я не прочь выпить коньяку! Погода действительно мерзейшая: холодно, ветер.

— Вот и прекрасно! — засуетился Шельмович, — позвольте я помогу вам раздеться! Вот так... Садитесь сюда к столу, виноват, не знаю вашего имени, отчества.

— Катерина Михайловна.

— Я могу предложить настоящий заграничный коньяк, мартель. Привез с собой несколько бутылок из Владивостока, там он дешев.

На столе появилась бутылка, оплетенная соломой, рюмки, сыр, и большая, уже раскупоренная бутылка коньяку, коробка шоколада.

— Пожалуйста, Екатерина Михайловна! — угощал Шельмович, наполняя рюмки. Они выпили...

— Закусите, — подвинул Шельмович коробку шоколада. — Это я своих клиентов угощаю.

От выпитого коньяка приятная теплота распространилась по телу Кати.

Она прищурила глаза, выбирая конфету, все еще ощущая вкус крепкого, ароматного коньяка. Шельмович, наполняя рюмки, окинул критическим взглядом прекрасно сложенную фигуру Кати, ее выразительное лицо, на котором выступили нежные розовые пятна от выпитого.

Недурна бабенка! — подумал он. И с огоньком, должно быть!

— Пожалуйте, Екатерина Михайловна, по второй, чтобы не хромать!

— Будьте здоровы! — церемонно чокнулась Катя, принимая рюмку.

— Скажите, пожалуйста, вы вот давеча упоминали про Москву, жили вы там.

— Я и родилась в Москве, — ответила Катя, закуривая папироску.

— Да... что же вы там делали?

— Я пела в хоре... последнее время у Омона, — пояснила Катя.

— Скажите пожалуйста! Приличное жалование получали?

— Немаленькое. Я была солисткой...

— Даже солисткой! У Омона! — чуть не подпрыгнул Шельмович, — голубушка, Екатерина Михайловна, плюньте вы на Томск. Поедьте со мной в Читу. Я там вам место устрою! Будете первой в хоре. 75 Жалованье и 20 % дохода с песни: да что я говорю! Если бы шансонетки по старой памяти распевать будут, так ведь тамошние гулеваны по четвертной на ноты кидать будут.

Катя задумчиво покачала головой.

— Нельзя мне уехать из Томска... Никак нельзя!

Но она думала о своем любовнике.

— Отчего нельзя!.. Все можно, голубушка... — прошептал Шельмович, жадным загоревшимся взглядом окидывая пышный бюст Кати...

24. На глухой заимке

После неудачного похищения Кати Сенька Козырь, получив установленную сумму, загулял с предварительного разрешения Александра. Гулянка продолжалась около недели и окончилась лишь тогда, когда в кармане Козыря не осталось ни гроша. С головой, еще полной угара, грязный, обрюзгший шел он домой.

Иван Панфилович только сердито плюнул, увидев нашего героя.

— Хорош, нечего сказать! — презрительно покосился на Сеньку Александр. Он в это время сидел на кухне в пальто и в шапке, подпоясанный гарусным шарфом, очевидно собравшийся куда-то идти. — Легко на помине, — продолжал он, когда Сенька виновато опустил свою голову, присел к столу. — Мы с Иваном Панфиловичем. Только сейчас про тебя говорили!

— Друг сердечный! Дай ты мне половинку... Надо поправиться малость! прохрипел Сенька.

— Дай ему, старина, стаканчик! Пускай отведет душу, — кивнул головой на Сеньку Александр.

Иван Панфилович нехотя потянулся в шкафчик и достал графин.

— На, лопай, ненасытная утроба! — проворчал он.

Козырь трясущимися руками налил себе стакан и жадно опрокинул его. Немного погодя, повторил этот прием.

— Ф-у! Как-будто отошел! — сплюнул Сенька и уже бодро посмотрел на пройди света.

Тот улыбнулся. Сам он хотя и пил, но никогда не знал похмелья. Голова у него была железная.

— Поправился и ладно! — отозвался он. — Ты пришел как раз кстати, мне тебя нужно.

Козырь выпил еще, крикнул и пошарил у себя в карманах.

— Пусто! Все «кругляки» (рубли) спустил! Зато и погулял уж всласть! А теперь за дело надо приниматься! Собирайся сейчас. Пойдем с тобой на заимку.

Сенька удивленно посмотрел на Пройди-света:

— На какую заимку? — переспросил он.

— А вот придешь, там увидишь!

— Наши сборы невелики: лег — свернулся, встал — встряхнулся, — поднялся Козырь, берясь за шапку. — Табачку вот захватить надо на дорогу.

— Ладно, на дорогу возьмешь в лавочке.

Александр поправил опояску, взял рукавицы.

— Ну, оставайся, старина! Домовничайте, тут с Митькой. Идем, Козырь!

На дворе около крыльца стояла простая телега, запряженная одной лошадью. В телеге лежало несколько каких-то деревянных ящиков.

Александр взял вожжи.

— Садись, Семен, поедем!

Панфилич запер за ними ворота... Телега затряслась по мерзлым выбоинам улицы.

— Снежку бы теперь хорошо, — заметил Козырь, тщетно стараясь сохранить равновесие при ежеминутных толчках телеги.

— Да... дорога скверная! — согласился Пройди-свет.

Часа через полтора езды по городским улицам они выбрались в поле.

Дорога была пустынная. Темные свинцовые тучи низко опускались на землю.

— Будет снег, — решил Козырь, оглядываясь.

Александр промолчал и стеганул лошадь. Он был, видимо чем-то озабочен.

— Ты умеешь стрелять? — спросил он после некоторого молчания.

— Как стрелять? — не понял его Козырь.

— Как! Из ружья, конечно, дурья голова!

Козырь обиделся:

— Чего лаешься! Вестимо дело умею.

Они замолчали. Телега въехала в бор. Дорога вилась здесь между вековыми соснами, темная зелень которых переплеталась и передавала мрачный колорит картины.

В воздухе замелькали снежинки. Становилось холодно.

— Далече до заимки, — поинтересовался Сенька.

Его, одетого в легкое коротенькое пальто, начинал прохватывать цыганский пот.

— Верст пять осталось, — кратко ответил Сашка.

— Жалко, не захватили мы с тобой водки: погода больно холодная! крикнул Козырь. — Авось не замерзну!

— Но, но, ты, чертова порода! — крикнул Александр на лошадей.

— Важный лес, — заметил Козырь, пряча озябшие руки в рукава пальто, прямо сказать. Тайга!

— Ну, тоже! Какая это тайга! — тряхнул головой Пройди-свет. — Вниз по Енисею, так вот там действительно тайга, есть такие места, где нога человеческая еще не бывала... а это что... Глушь, прямо в небо дыра... кедровник в три обхвата. Пихтач!!!

Козырь свернул папироску, чиркнул спичкой.

— А я тебя не спросил, где ты, по каким местам свой заработок устукал! — обратился к Сеньке Пройди-свет.

Сенька блаженно улыбнулся, вспоминая пережитое удовольствие.

— Везде помаленьку был! И у Никиты Рыжего и в других местах... Поколобродил вдоволь!

— С товарищами встречался?

— Знамо дело! Не один же пил! Тебя звал, так что-то ты загордился.

— Времени не было... Лишнего не сболтнул ничего спяну?

— Ну вот... что я, малый ребенок!

Наконец путники наши добрались до цели своего путешествия.

На большой поляне, которую тесным кольцом обхватывал дремучий бор, глазам наших героев предстала заимка.

Старые, почерневшие от времени постройки, окружал плотный частокол, верхушки которого были обиты гвоздями. На дворе звонко залаяла собака, услышавшая приезд их... Александр выскочил из телеги и постучал кнутовищем в ворота. Лай собак достиг наивысшего напряжения.

— Ну, здесь ночным делом поживиться трудно, — заметил Козырь, обратив внимание на гвозди вверху частоккола и на массивные ворота из вершковых плах.

— Кто стучится? — слышалось из-за ворот.

— Свои! Отворяй живее!

Ворота со скрипом отворились. Рослый широкоплечий мужик, без шапки, в тулупе, накинутом на плечи, цыкнул на собак и угрюмо проворчал:

— Заезжайте, что ли!

— Выпряги лошадь, парень, а мы пойдем в избу: надо согреться да перекусить чего-нибудь! Шагай за мной, Семен!

Они вошли в сени, разделявшие одноэтажный бревенчатый флигель на две части. Из одной половины доносилось громкое пьяное пение...

«Э-э-э... Жил я, ма-альчик...»

— Загуляли ребята без хозяина! — усмехнулся Александр, берясь за скобку двери...

25. Шайка собирается в поход

— Здорово, молодцы! — громко крикнул Александр, переступив порог.

В большой комнате с низкими, закопченным потолком и бревенчатыми темными стенами, на мгновение стало тихо. Сидящие за столом, их было четверо, повернули головы к двери.

На дворе уже темнело, два узенькие оконца слабо освещали комнату. В этом неясном отблеске сумерек, фигуры собутыльников — рослых как на подбор казались еще более внушительными и мрачными.

Один из них — рыжебородый мужик с лицом, изрытым оспой, в сером коротком бешмете, перетянутом ремнем, поднялся из-за стола и сделал несколько шагов по направлению к двери.

— Что, не узнали, ребята, своего есаула, — продолжал Сашка Пройди-свет, — сколько же без меня водки вылакали?

— Ах, ты, леший тебя задави! — хлопнул рыжий детина руками, — и впрямь не узнали!

— Богату быть, — заметил один из ребят.

— Ну-ка, товарищи, принимайте нас в вашу компанию! Угощайте — чем бог послал!

Пройди-свет разделся, и, оставшись в одном кожаном пиджаке охотничьего покроя, подошел к столу.

Козырь последовал его примеру.

— Компании почтение! — тряхнул он головой, косясь на стол, на котором его опытный взгляд усмотрел нечто весьма приятное для голодного и озябшего человека: наполовину опорожненную четвертную бутылку водки и целое стегно жареной баранины.

— Милости просим! — отозвались в один голос ребята и подвинулись, чтобы дать место вновь пришедшим.

— Вот, братцы, рекомендую вам нового товарища: ругают его Сенькой Козырем. Парень —

ухо! Нож в брюхо или руку в карман — все содействовать может! — весело заговорил Пройди-свет, наливая себе стаканчик.

— Знакомых у тебя тут нет? — спросил Козыря Сашка, отрезая большой кусок баранины.

Козырь оглядел соседей.

— Как будто не предвидится... — пробормотал он.

— Не в одной тюрьме сидели! — хрипло рассмеялся один из парней, ростом кося сажень, кривой на левый глаз. Он протянул руку через стол и обратился к Сеньке. — Поздоровкаемся, братан!

Они обменялись рукопожатиями. Сенька, как человек, знающий «политичное» обхождение, поспешил тоже самое проделать и с остальными новыми знакомыми.

— Ну-ка, Филя, плесни ему чарку для первого знакомства!

Кривой налил Сеньке объемистый стакан.

— Пей, братан!

— Будьте здоровы! — и Козырь одним духом выпил предложенное.

Утолив первый голод, Пройди-свет закурил папироску. И деловым тоном осведомился.

— Ну, как у вас, все готово?

Рыжий утвердительно кивнул головой.

— Свинца хватило.

— Сотни три патронов зарядили...

— Достаточно будет!

— Вот что, ребята, — продолжал Пройди-свет, — кончайте водку, да слушайте меня: надо нам сговориться окончательно.

— Ладно! Кончили уж! — отозвались ребята. — В четверти-то дно видно!

— Сверим-ка давай часы, Федор! — начал Пройди-свет. — У тебя сколько?

Рыжебородый детина вынул из внутреннего кармана бешмета серебряные часы и щелкну крышкой.

— Без четверти шесть!

— Подведи на пять минут... Зажгите кто-нибудь лампу! — властным тоном приказал Сашка.

В преступном мире понятие о дисциплине, хотя бы и среди организованных шаек, почти отсутствует, и в обыкновенное время главарь шайки держит себя с остальными членами организации запанибрата. В тех случаях, когда предстоит работа, обсуждается план предприятия, власть атамана делается неограниченной.

Лампа была зажжена и все столпились около стола, на котором Пройди-свет разложил лист бумаги. Здесь был изображен план местности, который должен был служить театром операции шайки.

Разъясняя план, Александр говорил, обращаясь, главным образом к Федору, который был его первым помощником.

— Вот видишь! Здесь дорога делает поворот.

— Это около сухой осины, — заметил кто-то.

— Да... Отсюда поезжайте влево — вот так! Тут перелеском до лога будет сажень двести. Затем опуститесь в овраг и по нему поедете до самой заимки. Оставьте тут лошадей с одним человеком, вот, хоть, с Сенькой, для первого начала, сами выждете время — ровно до полночи.

— Понял!

— Часов в десять стало быть можно выехать, — вопросительно посмотрел на Пройди-света Федор.

— В два часа доехать успеете. Ну, так я говорю, ровно в полночь, вылезайте из оврага, идите вот к этому углу заимки, здесь как раз огород выходит. — Александр указал на плане упомянутое место. — Перелезайте через заплот и тихим манером ползите по огороду, вот к этому окну, левее от крыльца... Один ста ставень будет открыт. Здесь я встречу вас. Двух с винтовками поставить, обведя вокруг дома, вот против этих окон. Ну, да там я сам устрою...

— А ежели собаки лай подымут? — нерешительно спросил Федор.

— С собаками и караульными я сам справлюсь! Это уж не ваша печаль.

Помните одно: зря руки не марать; без моей команды не стрелять!

— Труску не праздновать, — многозначительно обвел глазами присутствующих Федор.

— Ну что там! Нешто впервой!

— Главное, не перепутайте плана и помните: ровно в полночь.

— Ну, я еду, сбегай-ка, Иван, в конюшню, посмотри, обедала ли лошадь.

Пройди-свет подпоясался.

— Пойдем, Федор! Зажги фонарь: посвети мне. Да вот еще что, Козырю тоже дайте винтовку!

Они вышли в сени.

Пока Федор возился, зажигая фонарь, Александр зашел в другую половину флигеля и вернулся с двустволкой в руках. Через плечо у него висел ягдташ.

— Ну, идем! Лошадь готова, — спросил Сашка у Ивана.

— Оседлана. У крыльца стоит!

Свет фонаря выхватил из темноты лошадиную голову и переднюю луку седла.

— Ну, час добрый! — произнес Александр, ставя ногу в стремя. Темень-то какая: зги не видать! Самая разбойная ночь!..

26. Руки вверх!

Глухо шумит ночной ветер в вершинах соснового бора. Звезд не видно: небо обложено тучами.

Время еще десять часов вечера, а уже крепкие ворота заимки, принадлежащие томскому купцу и заводчику Захару Емельяновичу Ковригину, заперты на замок. На дворе спущены с цепей собаки.

Тишину осенней ночи порой нарушают звуки колотушки — это караульный пахом обходит дозором обширный двор и многочисленные постройки заимки.

Окна большого двухэтажного помещения ярко освещены. Из города, дня три тому назад, прибыл сам хозяин с целой кучей гостей.

Днем эта публика занималась охотой: стреляла рябчиков в соседнем бору, а по ночам резалась в карты. Так и в этот вечер.

Большая комната, оклеенная темными обоями, полна клубами табачного дыма. Мебель беспорядочно сдвинута с места. На полу окурки, пробки. Вдоль стены — два сдвинутых вместе стола сплошь заставленные всевозможными винами и закусками. Посередине комнаты большой круглый стол, обитый зеленым сукном.

Сам Ковригин и человек пять гостей играют в макао. Висячая лампа льет Из-под матового колпака яркий свет на зеленое сукно стола, на карты, разбросанный по нему, на кучи ассигнаций.

Углы комнаты тонут в полумраке. Игра ведется сосредоточенно. Говорят вполголоса...

— Сто рублей в банке, — объявляет спокойным тоном высокий сухощавый брюнет, с длинным носом и черной эспаньолкой. Одет он безукоризненно в черную тужурку, из верхних боковых карманов которой протянута золотая цепочка, с массивным брелком-медальоном. Это один из городских гостей Рудольф Карлович Кравер. За три дня своего пребывания на заимке он не убил ни одного рябчика, зато довольно успешно подвигался на зеленом поле и выиграл уже весьма значительную сумму.

— Что мало ставишь, — спросил его хозяин, нестарый еще человек с красивым русского типа лицом.

— Будет с тебя. На все идешь.

— Давай карту!

— Изволь...

— Купи себе!

— У меня только пять очков! — сосчитал Кравер, передавая колоду.

Ковригин потянул к себе кучу смятых кредитных билетов.

— Жаль, мало ты ставил! — пробормотал он.

— Небось Кравер знает, когда ему поставить.

— Верхним чутьем берет! — отозвался один из игроков, богатый прасол-гуртовщик, страстный любитель карт.

— Верно говоришь, Саша, — хлопнул его по плечу Ковригин. — Нако тебе тот же куш.

— Катеньку, значит! Сыпь.

Карта была бита.

Протянув три карты и сняв рублей около 700, Ковригин весело крикнул: Будет с меня! Мало-мало ладно: а по сему случаю идем господа, выпьем.

— Следует во благовремение!

Застучали отодвигаемые стулья... Игроки направились к столу пропустить по рюмочке.

— Вот, господа, рекомендую вам попробовать этой настоечки, — хозяин указал на графинчик, наполненный темно-зеленой жидкостью, — на сорока травах настоена.

— Ну, что касается меня, то я предпочту выпить коньяку — заметил Кравер, отрезая кусочек лимона.

— Давай-ка сюда — попробую, — потянулся к зеленому графину один из гостей, юркий подвижной старикашка, с лицом румяным, как маринованная вишня, с волосами, белыми, как снег.

Он выпил рюмку и закашлялся.

— Не настойка, а яд!

— На голом спирту ведь настояна! — пояснил хозяин.

— Ну-с, давайте продолжать! Время — деньги...

— Еще по одной, господа, — угощал Ковригин.

Вновь выпили и закусили.

— Что-то долго не возвращается Сергей Николаевич из города, — сказал Ковригин, когда они вновь уселись за игорный стол.

Кравер усмехнулся.

— Должно быть, незачем.

— Как, то есть, незачем? — переспросил Ковригин, тасуя карты.

— Денег нет! — кратко ответил Кравер и щелкнул портсигаром, доставая папиросу.

— Действительно, бедняга проигрался здорово! Одному тебе, Рудольф Карлыч, за эти три дня он тысяч пять проиграл!

— Около того, — процедил сквозь зубы Кравер.

Речь шла о Сергее Николаевиче Загорском, в доме которого нашел себе временный приют Сенька Козырь. Загорский большой приятель и компаньон Ковригина, как по охоте, так и по картам, был приглашен последним, в числе прочих гостей на заимку.

Спустив в два вечера все имевшиеся при нем деньги, Загорский уехал в Томск за резервом...

— Утром, надо быть, приедет! — высказал свое предположение Ковригин.

Игра продолжалась.

Часовая стрелка на больших настенных часах показывала уже половину первого, когда хозяин, спохватившись, оторвался от карт и посмотрев на часы, заметил:

— Ого, здорово мы заигрались: пора ужинать!

В это время, где-то в дальних комнатах раздался треск — точно ломали двери. Игроки недоумевающе подняли головы.

— Что это там такое! — поднялся Ковригин.

Не успел он сделать и двух шагов, как на пороге показалась чья-то темная фигура.

— Руки вверх! — прогремел грозный окрик.

Присутствующие онемели от испуга и удивления. В комнату вбежало четыре вооруженных незнакомца. Трое из них молча вскинули на прицел свои винтовки, направив дула на растерявшихся игроков. Четвертый, с черной маской на лице и с револьвером в правой руке, еще раз крикнул.

— Руки вверх! Ни с места!

Шесть пар трясущихся от волнения рук послушно поднялись кверху.

— Предупреждаю вас, господа, — внушительным тоном заговорил человек в маске, — что достаточно одной попытки к сопротивлению — и все вы будете мертвы.

Ни Ковригин, ни его гости не пробовали протестовать. Вид ружейных дул, мрачные неподвижные фигуры бандитов, — все это нагоняло ужас...

— Мы возьмем только ваши деньги! — продолжал человек в маске.

27. Под угрозой смерти

— Пронеси, господа, и помилуй! — шептал Ковригин побелевшими от страха губами...

Человек в маске подошел к столу и, неторопливо начал забирать разбросанные по нему деньги.

— Триста, четыреста рублей! — хладнокровно считал он, — семьсот, тысяча, сто! Игра у вас, господа, шла, очевидно, серьезная!

В это время, один из игроков, желая изменить позу, опустился на стул.

Это неосторожное движение едва не стоило ему жизни: один из разбойников готовился уже спустить курок, но предводитель своевременно остановил его.

— Стой!.. Стрелять не нужно... Сопротивление никто не оказывает.

Гробовая тишина стояла в комнате. Можно было уловить, как сильно бились сердца захваченных врасплох игроков. Забрав со стола деньги, замаскированный атаман подошел к их владельцам.

— Теперь, господа, — начал он, я должен обыскать ваши карманы. Стойте и не шевелитесь, иначе пуля в лоб! Обыскивайте.

Карманы как самого хозяина, так и его гостей, были вывернуты наизнанку. Содержимое кошельков и бумажников перешло в объемистую сумку, висевшую через плечо атамана.

Обыск был закончен.

В конце его разыгрался такой инцидент:

— Расстегните ворот вашей рубашки, — предложил Краверу человек в маске, после того, как бумажник Рудольфа Карловича был опустошен самым безжалостным образом.

— За-зачем! Зачем это! — испуганно протестовал Кравер.

— Я вам приказываю!

Холодная сталь револьвера зловеще блеснула перед глазами Кравера...

Волей-неволей он должен был повиноваться. Дрожащие руки не сразу смогли расстегнуть запонки.

— Ну-ну, поживее! — безжалостно торопил его атаман.

Наконец, манишка была сброшена, ворот нижней сорочки расстегнут.

— Что это у вас на шее? — показал атаман рукой на продолговатый пакет из лосиной кожи, висевший на шее Рудольфа Карловича.

— Это... Это ладанка...

— Что вы в ней храните?

Кравер, молча, моргал глазами.

— Отвечайте на мой вопрос!

— Это симпатическое средство от лихорадки, — с отчаянием погибающего выпалил Кравер.

Человек в маске иронически усмехнулся.

— Гм, средство от лихорадки... интересно. Покажите-ка ваше средство!

Бедняга молча повиновался и, отстегнув заветную ладанку, подал ее атаману.

— Посмотрим, что за средство, — насмешливо продолжал тот, отстегивая пуговку на внутренней стороне ладанки. — Ого, средство действительно недурно! — воскликнул атаман, вынимая из ладанки толстую пачку сторублевых бумажек. — Да и недешево оно стоит — целых шесть тысяч, — заключил атаман, пересчитав деньги.

Ах, черт! — подумал Ковригин, — где он деньги носил! Это те, надо полагать, деньги, которые он у Загорского выиграл!..

— Эй, ребята, давайте сюда веревки! — крикнул атаман, обращаясь к своим помощникам.

Один из разбойников молча исполнил приказание. Он принес из прихожей целый пук английской бечевы.

— Простите, господа, — обратился атаман к своим пленникам, — я должен подвергнуть вас

неприятной операции: связать вам руки и ноги. Это необходимо в интересах нашей безопасности! Вам придется потерпеть немного.

Утром, вероятно, вы сумеете так или иначе выбраться.

Ковригин и его гости облегченно вздохнули, поняв, что жизни их не грозит опасность.

— Рыжий, — отдал приказание атаман, указывая рукой на веревку, действуй.

Разбойник положил на стул свой винчестер и быстро приступил к исполнению приказанного.

— Живо, живо, — торопил его атаман, в котором наши читатели без сомнения узнали Сашку Пройди-света.

Минут через 15 на полу комнаты неподвижно лежали шесть человек, крепко окутанных по рукам и ногам.

— Ну-с! Наше дело сделано. До приятного свидания, господа! Не советую вам звать на помощь: зря только кричать будете.

— Идем, ребята!

Шайка быстро и бесшумно удалилась из комнаты. Связанные игроки жадно ловили удаляющиеся шаги разбойников.

Все тише и дальше...

Вот наконец, совсем замолкли, очевидно, грабители покинули дом.

Из прихожей по полу тянуло холодом: дверь на улицу осталась незакрытой.

Сильно запахло керосином — догорали лампы.

— Господи боже мой! Мать пресвятая богородица! Заступница! пробормотал один из гостей — седенький старикашка, приходя мало-помалу в себя. — Приведет-ли бог утро видеть!

— Ну, заскулил! — сердито оборвал его Ковригин. — Жив, ведь остался, так и лежи!

— Лежи! — грозно огрызнулся Кравер, делая усилие перевернуться на другой бок. — Хозяин! Дом свой как охраняешь! Пришли, как кур передавили!

Где у тебя караульный был, где прислуга!

— Ума не приложу, — кряхтел Ковригин, — стало быть, они и караульного и дворню всю связали. Диво. Как собаки не лаяли!..

— Кто-то развязывать нас будет...

— Ох, батюшки, ломит меня всего: так скрутили, злодеи!..

Медленно тянулось время; казалось, что ночи не будет конца...

28. Новые планы

Два дня спустя после событий, описанных в предыдущей главе, Сергей Николаевич

Загорский расхаживал по своему кабинету о чем-то сосредоточенно думал...

Ярко пылал камин.

За ночь в городе выпал первый снег и от этого в комнате было светлее обычного. На мебели были беспорядочно разбросаны предметы мужского туалета. На письменном столе, рядом с патронташем, стоял наполовину отпитый и остывший уже стакан кофе.

Загорский ожесточенно курил и насвистывал сквозь зубы какой-то мотив, что служило у него выражением внутреннего недовольства. Вчера он проиграл в клубе более трех тысяч рублей. Карта упорно не шла к нему... Всякий большой проигрыш действовал на Загорского раздражающим образом: он злился и на себя, и на счастливых партнеров.

Не веселые размышления Загорского были прерваны стуком в дверь.

— Кто там? — окликнул Загорский, останавливаясь среди комнаты.

Вошел Иван Панфилович.

— Письмо вам, сударь! — протянул он конверт.

— Хорошо; ступай!

— Там посланный ответа дожидает...

Загорский нервно разорвал конверт.

Письмо было от Кравера, который приглашал его сегодня к двенадцати часам дня, заехать в «Европу»: поговорить об одном деле и кстати позавтракать.

— Скажи посыльному, что я буду.

Иван Панфилович вышел из комнаты, Загорский посмотрел на бронзовый будильник, стоящий на письменном столе. Стрелки показывали половину двенадцатого.

Надо одеваться — решил Загорский и не теряя времени приступил к туалету. Помощи прислуги он не переносил...

Одевался он быстро и ловко. Минут через 15, облаченный в черную пару, плотно облегающую его стройную фигуру, освежив лицо одеколоном, Сергей Николаевич вышел из кабинета.

— Я ухожу! — бросил Панфиловичу, ожидавшему его приказаний.

На улице было довольно свежо, но Загорский в своем дорогом пальто на скунсовом меху не чувствовал холода.

Выездных лошадей он не держал, находя для себя неудобным возиться с конюшней.

В те дни, когда он жил в Томске, у него был нанят извозчик-лихач, который подавал экипаж к десяти часам утра.

Так и теперь: у ворот дома Загорского стояли легкие щегольские сани под медвежьим пологом. При виде Загорского, выходящего из калитки, извозчик зашевелился на сидении и приветствовал барина, снимая шапку.

— С санным путем вас!

— Да... это хорошо. Надоела уже бездорожица.

— Куда прикажете? — пошевелил извозчик вожжами.

— В «Европу».

— Слушаюсь.

Темно-серый иноходец плавно взял с места и понесся по улице, далеко отбрасывая копытами комки свежего липкого снега...

На почтамтской царило оживление: взад и вперед сновали экипажи.

Томичи, обреченные по воле судеб, целую осень тонуть в грязи, спешили воспользоваться первопутком...

Загорский обменялся поклонами с несколькими из своих знакомых, встретившись на улице...

— Подождать прикажете, — спросил извозчик, останавливаясь у подъезда гостиницы.

Загорский молча кивнул головой, в вестибюле гостиницы его встретил швейцар.

— Сергей Николаевич! — отвесил он низкий поклон, бросаясь снимать пальто, — давно не изволили бывать у нас!

— Здравствуй, Матвей! Верно, что давно я не был у вас! Охотился; уезжал из Томска... Что, Кравер здесь?

— Здесь-с! Минут десять, как приехали...

Загорский быстрыми шагами поднялся по лестнице и вошел в общую залу. Был час завтраков и поэтому публики в зале было порядочно. Несся смутный гул голосов, стук приборов, хлопанье пробок. Громадный оркестр в углу залы хрипло и нестройно исполнял марш тореадора.

Загорский остановился у входа и окинул взглядом столики. Кравер, сидящий в одиночестве за одним из столиков, первым увидел Загорского и окликнул его.

Они обменялись рукопожатиями.

— В чем дело, добрейший Рудольф Карлович? — начал Загорский, усаживаясь против своего собеседника. — Вы, кажется, не совсем здоровы, — продолжал он, вынимая портсигар. — У вас такой нехороший вид!

Действительно, Кравер был желт, как лимон. События той памятной ночи и потеря денег сильно подействовали на беднягу. У него разлилась желчь, да и, вообще, чувствовал он себя неважно.

— Скажите лучше, как я еще остался жив! — с горечью отозвался Кравер, нажимая кнопку звонка.

— Я вас не понимаю! — пожал плечами Загорский.

Кравер начал бойко рассказывать, но в это время к их столу подошел лакей.

— Что вы съедите? Я ограничусь яйцом всмятку и бульоном. Нужно держать диету. Я положительно нездоров.

Кравер сделал кислую гримасу.

— Я закажу лангет... соус пикан, понимаешь...

Лакей молча поклонился.

— И дайте полбутылки лафита.

— Слушаю-с!

— Вы не можете себе представить, что с нами случилось на заимке у этого Ковригина, когда вы уехали в город... — начал Рудольф Карлович, морща свой орлиный нос.

— А именно?

Кравер подробно рассказал, с некоторыми даже преувеличениями, историю дерзкого нападения, жертвой которого сделался он и его друзья на заимке.

— Ваше счастье, что вы уехали в Томск и избежали общей участи, — так закончил свой рассказ Кравер.

Легкая ироническая улыбка скользнула по лицу Загорского.

— Ну, я то, положим, мало чем рисковал: ведь карманы мои были уже опустошены никем иным, как вами, многоуважаемый!.. Скажите же, однако, как вам удалось освободиться.

— Мы пролежали до утра... Продрогли до последней степени. К нашему счастью, из города приехал кучер Ковригина, с письмом от его супруги... Он нас и освободил. Караульный оказался также связанным. Остальная дворня мертвецки пьяна, ничего не помнит — очевидно их одурманили...

— Ловко сделано! И следов никаких нет! — Кравер махнул рукой. — Точно сквозь землю провалились! Но довольно об этом: неприятно даже вспоминать! Пригласил я вас сегодня, чтобы потолковать о важном деле...

Кравер понизил голос до шепота...

29. Вино, карты и женщины

— Предстоит случай хорошо выиграть!

— Где, — спокойно спросил Загорский, небрежно стряхивая пепел папиросы.

— В Томск приехал один богатый подрядчик с забайкальской дороги страстный игрок. Игру ведет большую. Говорят, что проездом в Красноярске, он в три дня оставил в клубе 17 тысяч, — многозначительно шептал Кравер через стол.

— Верны ли эти данные? — задумчиво покачал Загорский головой.

— За достоверность сказанного ручаюсь головой! — воскликнул Кравер и, опять переходя на полусшепот, пояснил: — Меня познакомил с ним Сашка Фальцвейн. А Сашка, как вам известно, не ошибается в людях: нюх имеет.

— Располагает ли этот ваш подрядчик в настоящее время крупной суммой?

— Фальцвейн, не далее как вчера, видел у него бланк перевода на 20 тысяч рублей. Чего ж вам более!

— Гм... вы не знаете, зачем он приехал сюда в Томск?

— Закупить лошадей для своих работ. Вот на этой-то почве я и познакомился с ним. Вы ведь знаете лошадей, и я могу вас познакомить...

— Что ж, познакомьте! Но как вы предполагаете устроить игру?

Кравер помолчал, потер переносицу и, пытливо смотря на Загорского, начал:

— Видите ли, дорогой мой Сергей Николаевич, можно было бы, конечно, ввести его в клуб, но это будет противоречить моим планам. Не хотелось бы устроить игру домашним образом... Играть мы с вами будем в компании! Понимаете!

Загорский ничего не ответил на это и принялся за поданный завтрак.

— Нужно только суметь втянуть его в игру, — таинственным шепотом заметил Кравер.

— Но у меня нет сейчас достаточной суммы свободных денег. За последнее время я ужасно проигрался, — отозвался наконец Загорский, отпивая глоток вина.

— Сложимся с вами по тысяче, на первый раз будет довольно!

— Хорошо! Однако, прежде, чем толковать о деталях, я хотел бы лично увидеть этого господина. Ваш Фальцвейн, может быть, что-нибудь напутал.

— Кончайте ваш завтрак и едем к нему.

— К кому!

— К Шельмовичу, фамилия так подрядчика... Он обещался ждать меня до двух часов дня.

— А где же он остановился? — любопытствовал Загорский, вынимая из жилетного кармана зубочистку.

— В номерах... Недалеко отсюда — на обрубке...

— Едемте, у меня здесь лошадь!

Они расплатились за завтрак и вышли из гостиницы.

Быстрый иноходец в две минуты доставил их до меблированных комнат, где квартировал «подрядчик» Шельмович, с которым наши читатели уже знакомы по предыдущему рассказу.

— Однако! — поморщился Загорский, втягивая носом кислый воздух темного коридора. — В какой помойной яме живет этот ваш знакомый!

— Экономия, батенька, свойственна всем коммерческим людям! — отозвался Кравер.

В знакомом уже нам номере их встретил г-н Шельмович, одетый на этот раз в модный элегантный смокинг и белый жилет. Черный шелковый галстук был защищен громадным поддельным бриллиантом. Такие же камни сомнительного происхождения украшали крючковые пальцы мнимого подрядчика.

— Прощу, господа! — приветствовал он гостей, делая театральный жест.

— Я давно уже жду вас, многоуважаемый Рудольф Карлович! — продолжал Шельмович. — Отчего вы не пожаловали раньше — к завтраку?

— Позвольте вам представить моего друга — Сергей Николаевич Загорский!

Лицо Шельмовича озарилось приятнейшей улыбкой, точно он увидел нечто давножданное и горячо желаемое.

— Очень, очень рад! — протянул он Загорскому обе руки. — Будем знакомы! Шельмович, Исай Яковлевич!

Загорский холодно ответил на рукопожатие и молча уселся на предложенный стул. Шельмович волчком закрутился по комнате.

— Я так рад видеть вас! Скажите, чем вас угощать! Вы курите. Вот не угодно ли сигары... Рекомендую — настоящие, манильские! Только во Владивостоке можно достать такие сигары... в Петербурге, у Фека, надо заплатить сто рублей за ящик, и то получите худшего качества!

— О, не беспокойтесь, пожалуйста, мы только позавтракали, — заметил Кравер. — Вот, — продолжал он, — мы вчера говорили с вами, Исай Яковлевич, относительно выбора лошадей... Мой друг большой любитель и знаток в этом деле и, наверное, не оставит нас своим советом.

Шельмович даже руками замахал:

— Что вы! Что вы! Разве я смею злоупотреблять любезностью господина Загорского!

— Это меня не затруднит! — поклонился последний.

— Можно войти? — послышался в это время за дверью женский голос.

Шельмович стремительно бросился к двери.

— Прошу прощения, господа! — отнесся он к своим гостям. — Войдите, пожалуйста!

Дверь открылась. На пороге комнаты показалась Катя в длинном меховом мантио и дорогом боа. Сзади ее смущенно улыбалась молоденькая девушка, одетая просто, даже бедно.

— Боюсь, что мы не вовремя! — окинула присутствующих пристальным взглядом Катя. Глаза ее на минуту остановились на лице Загорского, который бесцеремонно рассматривал спутницу Кати. — Какое странное сходство! подумала Катя. — В таком случае мы зайдем потом! — обратилась она к Шельмовичу.

— Как вам будет угодно! Пожалуйста! — любезно улыбнулся он. Он вышел проводить девушек.

— Вы не теряете времени! — многозначительно произнес Кравер, когда хозяин снова вернулся в номер.

— Вино, карты и женщины! — деланно рассмеялся Шельмович. — Моя слабость!

— Кстати о картах! Не приедете ли вы сегодня ко мне вечером? Составим игру, — подхватил Кравер.

— Ах, пожалуйста! Я очень благодарен за приглашение! По вечерам я умираю со скуки! — поспешил согласиться Шельмович.

Обменявшись еще несколькими незначительными фразами гости откланялись.

— До вечера! Я вас жду! — еще раз напомнил Кравер. — Вы куда? — спросил он Загорского, выходя на крыльцо.

— Домой! — кратко ответил тот, усаживаясь в санки.

Кравер в свою очередь взял извозчика.

Домой, однако, Загорский не поехал. Он, проехав улицу, велел вновь вернуться в номера...

Шельмович встретил его улыбкой, но Загорский огорошил его сразу:

— Я вас знаю! Не пробуйте увернуться. Кравер собирается обыграть вас, как богатого подрядчика; на самом же деле вы — шулер и аферист! Молчите, говорю вам! Я не буду вам мешать! Можете обчистить Кравера, как липку! Я требую от вас одного!

— Именно! — пробормотал Шельмович.

— Та девушка, которая приходила к вам сейчас, молоденькая, должна быть моей! Понимаете!

— Ну, как же, однако! — слабо запротестовал Шельмович.

— Ни слова больше! Я догадываюсь: вы хотели купить ее как свежий товар. За вами и раньше эти дела водились... Согласны ли вы уступить ее мне?

— Хорошо!.. Пусть будет так...

Часть вторая. НА ПУТИ К ВИСЕЛИЦЕ

1. Под вой метели

Глухая зимняя ночь... Улицы города занесены снегом и тонут в темноте.

Снежная пурга проносится над спящим городом, поет однообразную унылую песню... Жутко... Страшно в такую ночь выходить на улицу...

...Бум, бум, бум... — слабо разносится сквозь шум непогоды удар колокола.

Бьет полночь.

В одной из самых глухих улиц города тянется занесенный снегом пустырь. Посредине его черный флигель. Из двух окон верхнего этажа ложится полоса света. Для того, кто захотел бы попасть в это уединенное жилище, два освещенных окна среди мрака бурной непогоды, служили бы прекрасным маяком.

Заглянем под кровлю флигеля. Большая мрачная комната с обвалившейся штукатуркой не имеет никакой мебели, за исключением деревянной скамейки и черного стола, на котором горит свеча, воткнутая в пивную бутылку. Сквозь разбитые и заложённые окна тянет

холодным воздухом и колеблется пламя свечи, отчего по стенам комнаты и на потолке дрожат причудливые тени. В комнате двое: громадный широкоплечий мужчина со зверским выражением лица, кривой на один глаз и наш старый знакомый — Сенька Козырь.

На столе перед ними стоит наполовину распитая бутылка, «монопольки», лежит черный хлеб и огурцы, завернутые в бумагу. Собеседники выпивают прямо из горлышка, строго соблюдая очередь, и разговаривают вполголоса.

— Двенадцать часов пробило! — сосчитал Козырь, уловив чутким ухом удары колокола на церкви женского монастыря, который был недалеко от этого дома.

— Полночь... Стало быть скоро придет. — Заметил рябоватый верзила. — Ну и погодка же: того и гляди крышу своротит...

— Самый сибирский буран!

— Это нам на руку: все обходные теперь забились в будки.

— Давай выпьем, что ли? — предложил Козырю его товарищ.

— Тяни — твоя очередь, — отозвался Сенька.

Гигант не заставил себя долго ждать и просить два раза. Обхватив своей громадной рукой бутылку, он жадно сделал два больших глотка, крякнул и сплюнул.

— Я, брат Сенька, пред серьезным делом завсегда выпиваю, — пояснил он, потому с угару-то много способнее!

— Это ты правильно! — согласился Сенька.

В свою очередь он приложился к бутылке.

— Ежели человек малость навеселе, каждое дело лучше идет. А давно уж мне не приходилось в «глухую»-то работать (грабеж, заканчивающийся убийством жертвы). — Добавил гигант, методически, не торопясь разжевывая хлеб.

— Может и так дело обойдется: насухую! — высказал предположение Козырь.

— Ну, вряд ли... Ведь сам старик у себя в кабинете спит. Услышит нас проснется... По мне — это еще лучше: по крайности все следы заметишь.

Свидетелей не оставишь! Ежели говорить по правде: так я ведь и в Сибирь пришел из-за этого самого. Молод был, глуп. Взяли мы это у нашего барина шкатулку с деньгами, а самого не тронули. Ну он после и доказал.

Разговор двух приятелей был прерван сильным стуком в дверь где-то на нижнем этаже.

— Ступай! — поднялся со скамейки Козырь. — Должно, пришел! Пойти отворить, а то старуха спит, чай...

Он вышел из комнаты и через некоторое время вернулся в сопровождении Сашки Пройди-свет. Последний был одет в темное теплое короткое пальто, все запорошенное снегом. Голова его была закутана в башлык. Войдя в комнату, он отряхнул снег и проворчал, разворачивая концы башлыка:

— Ну, ночка! Черт бы ее побрал! Ветер так и режет, намело прямо по колени!

— Выпей с холоду-то! — предложил Козырь.

— И то, надо выпить, — взялся Александр за бутылку. — Прямо невозможная погода!

Отпил, поперхнулся и закашлялся.

— Кто-то торопится, — усмехнулся Козырь.

— Нам надо торопиться, ребята, — начал Александр. Собирайтесь-ка, в добрый час! Ты, Филька! — обратился он к верзиле, — захватил все с собой?

— Все взял!

— Так одевайтесь же!..

Филька и Козырь начали одеваться с неровной торопливостью людей, жизнь которых складывается из ряда опасных приключений. Одевшись, Филька сунул себе за пазуху необходимые принадлежности ночных громил: связку отмычек, «вертун» (небольшой коловорот), «змейку» (тоненькая пила). Козырь захватил железный ломик — «фомку» и холщовый мешок.

— Революеры у вас заряжены, — осведомился Пройди-свет.

Козырь утвердительно кивнул головой.

— Имейте ввиду, что к ним можно прибегнуть только в крайнем случае: не надо производить шума! В случае, если придется старика разбудить, так ты, Филька, его тихим манером, понимаешь...

Филька сделал выразительный жест рукой.

— И не пикнет!

— Ну, айда, ребята!

Громилы по одиночке спустились по скрипящей лестнице. Разбудили хозяйку квартиры, велели ей запереть дверь.

Снежная пурга засыпала глаза им, едва они вышли из сеней.

— Ну, в такую погоду добрый хозяин собаки на двор не выпустит! поежился Козырь от резкого порыва ветра.

— Шагай, ребята, смелей! — бодро крикнул Пройди-свет. Подавая своим товарищам пример, он мужественно двинулся в темноту ночи, не обращая внимания ни на снег, ни на ветер... Три черных силуэта бесшумно и зловеще скользили вдоль пустынных улиц.

Холодная метель заметала их следы, кидала в их лица острые жгучие снежинки...

— Ох, не приведи господь крещеному человеку в такую непогоду в дороге быть! — пробормотал Сенька, надвигая на уши шапку. — Сгинешь ни за понюшку табаку.

Тот, кто услышал бы этот короткий разговор, никогда бы не подумал, что это говорят люди, идущие на убийство.

— Остановись тут, на углу, — скомандовал Пройди-свет Козырю, когда они достигли цели своего путешествия.

Дом, куда намеревались проникнуть наши герои, стоял на углу двух улиц, людных и оживленных днем и совершенно пустынных ночью. В доме, очевидно, все спали крепким

сном, так как ни одного окна не было освещено. Оставив Сеньку на «стреме», Пройди-свет и Филька поднялись на парадное крыльцо и быстро, не теряя времени приступили к взламыванию двери. Для этой цели каждый из них вынул по коловороту, провернули четыре дырочки, затем запустили пилку и выпилили в двери квадратное отверстие.

Операция эта заняла не более 20 минут. Затем Александр просунул в отверстие руку и снял дверной крючок.

— Шагай за мной, — прошептал Сашка, входя первым в темные сени.

2. Зверское убийство

Сенька Козырь, после того, как его товарищи, взломав парадную дверь, скрылись в сенях, последовал их примеру.

— Запри дверь, — шепотом приказал Пройди-свет.

Дверь была заперта. С улицы никто бы не заметил, что в сенях хозяйничают громилы.

Сашка вытащил из кармана небольшой электрический фонарик с запасной батареей, нажал кнопку и осветил сени. Расположение дома было известно заранее. Осторожно, чтобы не поднимать шума, громилы прошли вглубь сеней. Здесь было окно, выходящее из прихожей и защищенное двойной рамой. Размеры окна были достаточны для того, чтобы пролезть человеку.

— Действуй! — приказал Пройди-свет Фильке.

Тот достал из-за пазухи несколько правильно обрезанных листов сахарной бумаги, смазанной медом. Быстро, привычными движениями, налепил один кусок бумаги на стекла и нажал ладонью. Стекло бесшумно лопнуло и было вынуто из рамы. Тоже самое повторил Филька еще и еще раз, пока рама не была освобождена от стекла. После того, как стекла были вынуты, Фильке не стоило большого труда отогнуть гвозди и вытащить раму. Такая же операция была произведена и со второй рамой...

Путь для разбойников был открыт.

— Прыгай! — повелительно шепнул Александр. Филька быстро и бесшумно проскользнул в прихожую. Его примеру последовали и те двое. Теперь они стояли посреди прихожей, из которой вели во внутренние комнаты три двери, сейчас запертые. Александр закрыл фонарь, и они остались в темноте.

— Тихо!.. Надо оглядеться.

— Все спят кажется!

Действительно, в доме царила глубокая тишина. Очевидно, хозяева спокойно спали, не тревожась мрачными предчувствиями. Прошло несколько минут, пока глаза громил свыклились с темнотой.

— Идем! — едва слышно прошептал Сашка и первый двинулся вперед. Он осторожно отворил дверь и на минуту прислушался. Ни звука не доносилось из глубины комнат.

— Оставайся здесь... будь наготове! — шепнул на ухо Козырю Пройди-свет. — Осторожнее,

Филька!

Ощупью, затаив дыхание, они пробрались через залу и остановились перед дверью, ведущей в кабинет хозяина. Сашка тихо нажал дверь; она оказалась незапертой.

Громилы вошли в кабинет и прикрыли за собой дверь. Александр вновь нажал кнопку. Свет электрического фонаря прорезал темноту. Напротив дверей стоял стол орехового дерева. Вся обстановка кабинета — мягкая мебель, обтянутая черным драпри, тяжелые бархатные занавески, дорогой пушистый ковер, застилающий почти весь пол комнаты — все говорило о богатстве хозяина этого кабинета. Последнее подтверждалось еще и тем, что в углу стоял несгораемый железный шкаф. Головой к шкафу на мягком турецком диване спал сам хозяин, лица его не было видно из-за одеяла.

— Спит, — спросил глазами Филька.

Пройди-свет сделал шаг вперед и насторожил слух. Но, должно быть, сон хозяина был чуток, потому что в это самое время он зашевелился под одеялом.

— Кончай! Живо! — шепотом приказал Сашка, высоко поднимая над головой фонарь.

Филька двинулся вперед и навалился всем своим громадным корпусом на несчастную жертву. Все было кончено без борьбы, в несколько секунд.

— Готов! — прохрипел Филька, выпрямляясь во весь рост. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он только слегка нахмурил брови.

— Теперь за дело, — и, поставив на стол фонарь, Александр подошел к дивану. — Где же у него ключ-то? — запустил он руку под подушку.

— Да вот ключи, — увидал Филька на стуле, стоящем около дивана целую связку ключей. Тут же лежали портсигар и спички.

— Эти ключи от стола... Открой ящики, нет ли там денег или драгоценных вещей!

— Вот, он, ключ от шкафа, продолжал Пройди-свет, вынимая из-под подушки кожаный бумажник и раскрыл его.

— Черт побери! Наверное механизм с секретом... Придется тогда повозиться! Он не без волнения ощупал шкаф, ища рукой кнопку, при нажатии которой открывалась пластина закрывающая замочную скважину.

— Ага, вот она! — довольным тоном прошептал Сашка, найдя требуемое.

Пластина с мягким металлическим звоном отскочила в сторону. Два полных оборота ключа, три полуоборота, еще нажатие кнопки и дверца шкафа открыта.

— Посвети, мне Филька!

Тот оторвался от своего занятия — разборки содержимого ящиков стола и подошел к шкафу.

— Отпер! Ловко!

— Выше поднимай фонарь! Поверни влево! Вот так!

Внутренность шкафа была разделена на правильные клетки. Преступникам сразу же бросился в глаза объемистый портфель, лежащий в одном из отделений шкафа.

— Ну-ка, что здесь такое! — прошептал Александр, открывая портфель. Векселя, расписки...

Ненужный бумажный хлам! — отбросил он портфель. — А вот здесь, кажется, деньги! — достал Александр толстую папку, аккуратно перевязанную шнурком.

В его руках заалела куча банковых билетов. Глаза Фильки блеснули алчным огнем.

— Тыщ десять будет! — крикнул он.

— Именные! — злобно швырнул от себя пачку Александр, внимательно рассмотрев билеты.

— С ними никуда не сунешься... сразу погоришь.

Филька ожесточенно выругался. Наконец были найдены и наличные деньги около трех тысяч рублей.

— Маловато, черт побери! А в столе ты ничего не нашел?

— Вон там мелочью несколько рублей, да часы золотые, — ответил Филька.

— Забирай все! Айда теперь!

...Громилы быстро вышли из кабинета.

— Ну что, как? — тихо спросил их Сенька, все время стоявший на карауле в прихожей.

— Шагайте... — шепнул Пройди-свет, не отвечая на вопрос. обратно они вышли через двор, осторожно затворив за собой калитку.

...Прежде чем отворить парадное крыльцо, Пройди-свет некоторое время выждал, не раздастся ли шум в комнатах. Но было тихо... Убийство и грабеж были произведены настолько быстро и бесшумно, что никто из домашних не слышал ничего.

— Ну ты, Филька! Иди направо, а мы с Козырем прямо домой! распорядился Александр, когда они очутились на улице...

Метель продолжала бушевать, вздымая столбы и кружа их вдоль улицы...

Преступники разошлись в разные стороны... Пурга замела их следы...

3. Дуваны

Было темно, когда Александр и Сенька Козырь добрались до своей штаб-квартиры. За дорогу они порядочно переязбли, но были, тем не менее, в хорошем расположении духа.

— Ни одна собака не встретилась! — довольным тоном произнес Козырь, очутившись в полнейшей безопасности под гостеприимной кровлей уединенного флигеля.

— Черт побери! Здесь холодно, как в сарае, — повел плечами Александр, разматывая башлык, — зажги-ка свечу, Козырь.

Сенька чиркнул спичкой. Робкое трепещущее пламя оплывшей свечки озарило мрачную комнату.

— Как-то дойдет Филька, — подумалось Сашке, — как бы не нарвался.

— Ну, не таковский парень... — уверенным тоном заметил Козырь, садясь на скамейку. — Эх,

пуста! — с сожалением пробормотал он, кивая на бутылку.

— Хорошо бы хватить малость с холоду.

— Постой, у меня есть водка, кажется, — вспомнил Александр, отворив висячий замок, которым была заперта дверь в следующую комнату.

Минуту спустя, он вышел оттуда, держа в руках оплетенную соломой бутылку.

— Коньяк есть... Важно теперь выпить! — и он сделал несколько глотков из горлышка. — Тяни! — предложил он Козырю, передавая ему бутылку. Тот поспешил воспользоваться приглашением.

— Ну, крепкий, дьявол. Аж искры из глаз посыпались. Почем бутылка?

— Три рубля.

Начинало светать. Окна, занесенные снегом, смутно забелели. Метель не прекращалась и надоедливо выла в трубе.

Наконец, явился и Филька. Весь запорошенный снегом, сердитый и усталый, он, войдя в комнату, с сердцем бросил мешок с инструментом и с озлоблением выругался:

— Все глаза повыхлестала чертова пурга! Ишь вы как греетесь! — усмотрел Филька своим единственным глазом заманчивую бутылку.

Не ожидая ответа, он подошел к столу и одним приемом опрокинул в себя не менее стакана коньяку.

— Что, благополучно дошел? — спросил его Сашка.

— Надо бы лучше, да некуда! — хриплым простуженным басом ответил Филька, отворачивая полу азяма и доставая кисет. — На улице теперь ни одной души нет! — добавил он, с наслаждением затягиваясь едким махорочным дымом.

— Ну, теперь давайте, ребята, «дуванить» (производить дележку), предложил Александр, вынимая пачку кредиток.

Деньги были тщательно пересчитаны. Оказалось всего три тысячи сто семнадцать рублей.

— Ну, а вещи? — обратился Александр к кривому верзиле.

Филька вынул золотые часы, портсигар и еще три рубля.

— Вот! — заявил он.

— Значит, деньгами 3120 рублей! — сосчитал Александр. — Из них третья часть атаману, — продолжал он, отсчитывая нужную сумму. — На нас троих остается 2080 рублей. Это будет по... 693 рубля... Целковый еще казенный остается...

Козырь и Филька молчали, напрягая мозг, высчитывая свой свой «заработок».

— Ну, я вам дам сейчас по шестьсот рублей, для ровного счета, а остальные пусть за кассой остаются. Согласны?

— Ладно... чего там толковать! — ответил Козырь, беря свою часть денег и бережно завертывая их в носовой платок. Филька тоже согласился.

— Что ж касается вещей, то стоимость их мы разделим после продажи! закончил Александр.
— Я, вам, ребята, не буду повторять о необходимости на некоторое время избегать кабаков и тому подобных мест. Сами знаете, как это опасно теперь!

— Чего там! Об этом не сумлевайся: нешто впервой! — заметил Филька.

— А тебе, Филька, оставаться больше здесь незачем. Завтра мы поедем на заимку: там можешь пьянствовать сколько хочешь.

— Што-ж, ехать, так ехать... по мне хошь седни! — безразличным тоном отозвался Филька.

— Ну, я уйду! Завтра утром я за тобой, Филипп, заеду!

Пройди-свет нахлобучил башлык и собрался было выйти из комнаты, но его остановил Козырь.

— Вот что, Александр, ты седни вечером, коли время будет, заходи ко мне на квартиру: надо же «дуван» запить. Квартира у меня, сам знаешь, спокойная — бояться нечего... погуляем ночку!

Пройди-свет в нерешительности остановился.

— Право, не знаю... — начал он, но Козырь горячо повторил свое приглашение:

— Чего там не знать! Право слово — приходи!

— Ну хорошо! Часов в шесть вечера зайду! — решил Александр и, простившись со своими сообщниками, вышел.

Немного погодя, собрался уходить и Козырь.

— Ты тоже, Филька, приходи. Погуляем! Только... Вот што, брат, у меня, значит, будет все по-деликатному: вроде бы на господский манер, так уж ты того... Махорку-то свою брось, а купи папиросы! Я приглашу своего хозяина: человек он политичный, бывалый, по «бумажным делам» судился.

— Надо ему показать, что мы тоже не лаптем щи хлебаем.

— Это можно! Не бойсь — в грязь лицом не ударим. Тоже и мы видели людей, — несколько обиженно ответил Филька.

— Ну, так приходи же. Вечерком, так — часов в шесть.

Прятели расстались.

Необходимо пояснить, что Сенька Козырь, с тех пор, как начал работать под руководством Пройди-света, весьма и весьма поправил свои финансовые дела. Сошелся с одной девицей, из числа своих прежних знакомых, снял квартиру и зажил по-семейному. Безопасность его была, между прочим и в том, что паспорт у него был чистый, документом этим снабдил его еще Егорин. И теперь, благодумствуя в своей собственной квартире, не зная нужду в деньгах, Козырь благ благословлял судьбу, сведшую его в то памятное осеннее утро с Пройди-светом.

Вернувшись к себе домой часов в семь утра, Козырь застал свою сожительницу, молодую еще недурную собой женщину, уже проснувшейся. Она возилась с самоваром, поджидая своего дружка, крайне озабоченная его долгим отсутствием. Цель таких ночных экспедиций, предпринимаемых Козырем, была ей хорошо известна и она опасалась за исход этих темных

дел.

— Пришел! А может, приехал? — шутливо хлопнул ее по спине Козырь. — На вот, спрячь, куда подальше! — и он протянул ей деньги.

4. В небольшой, но тесной комнате

Глаза молодой женщины блеснули радостным огоньком. Она бережно взяла переданную ей пачку денег и спросила:

— Сколько тут, Сеня?

Козырь промолчал и затем отдельно произнес, наблюдая впечатление, произведенное его словами.

— Ровно... шестьсот целковых.

Ольга Егоровна, так звали сожительницу, даже онемела от неожиданности: слишком уж большой показалось ей эта сумма.

— Вот что, Оля, — обратился к ней Козырь, — всех-то денег ты не прячь оставь на расходы рублей пятьдесят. Сегодня у меня вечером будут гости, так надо будет приготовить угощение. Ты уж похлопочи, чтобы все было как следует.

— Много гостей звал-то?

— Нет, двое товарищей придут, да хозяина надо пригласить.

— Пельмени разве сделать.

— Что ж, это хорошо! Стряпай пельмени. Ну, а пока поторопи самовар. Напьюсь чаю, да пойду в магазины.

Полчаса спустя, Козырь, выпив наскоро два стакана чаю, оделся в приличное пальто с барашковым воротником и вышел из квартиры. Одноэтажный дом разделялся на две половины. В одной из них, меньшей по размеру, жил Козырь, а другую с окнами на улицу, занимал сам хозяин — Василий Федорович Шумков, человек с «политическим обхождением», как отзывался о нем Козырь.

Шумков, также как и его квартирант пришел в Сибирь не по доброй воле. В молодости он был письмоводителем у мирового судьи, где-то на юге России. Попался в какой-то грязной истории и был сослан с лишением некоторых прав в места не столь отдаленные. Здесь, в Сибири, он переменял множество профессий, начиная от содержания тайного дома терпимости и кончая скупкой заведомо краденных вещей. Последнее занятие давало ему постоянный и очень большой доход. В этой сфере он не имел себе соперников и действительно был достоин отзыва Сеньки: вел свое дело — «по самой тонкой политике». Кроме этого, так сказать, неофициального занятия, у Шумкова была мелочная торговля. Лавка помещалась в его собственном доме. Занимался он также скупкой и перепродажей просроченных ломбардных залогов. В общем, был человек оборотистый.

В описываемое нами утро, он стоял у себя в лавке за прилавком и щелкал на счетах, подводя итоги своих операций.

— Василию Федоровичу! — приветствовал его Козырь, показываясь на пороге лавки, — наше почтение!

Шумков оторвался от толстой засаленной книги, которую он называл «мемориалом», и протянул Козырю руку.

— Здравствуй, здравствуй, Сеня! Что хорошего скажешь?

— А вот хочу тебя, Василий Федорович, на пельмени звать. Приходи сегодня вечером и супружницу свою захвати. Гости у меня будут... покалякаем, значит!

— Спасибо на добром слове! Приду всенепременно! Часиков в восемь, после запора лавки!
— любезно раскланялся Шумков.

— Ну, а пока до свидания! Пойти до магазинов — вина набрать!

— А ежели что из закуски понадобится, так у меня в лавке есть: ветчина, колбасы, селедка, консервы, если нужно! — крикнул вдогонку Шумков.

Но Козырь не намерен был угощать своих гостей залежалыми колбасами и ржавой селедкой. Он решил все купить в хороших магазинах.

Часа через два Козырь, нагруженный разными свертками подъехал на извозчике к своей квартире и, расплачиваясь с последним, дал ему за три конца рубль серебром.

— Спасибо, барин! — пробормотал извозчик.

— Гм, барин, — усмехнулся Козырь, — а и то сказать — деньги есть.

Стало быть и почет как барину.

— Ну, Ольга, — заговорил он, входя в комнату, — всего накупил: закусок разных и вина — прямо любому купцу впору.

Первым из гостей пришел Филька. Войдя в кухню, он долго возился около дверей, отряхивая снег и откашливаясь.

— Ну и чертило! — подумала про него Ольга, пораженная громадным ростом и могучим телосложением Фильки.

— Раздевайся, брат, да проходи сюда, в светлую горницу, — встретил его Козырь.

Они прошли в другую комнату, отделенную от кухни дощатой перегородкой. Здесь все было готово к приему гостей. На большом столе, покрытом чистой скатертью, красовалась целая батарея бутылок: тут был и коньяк, и рябиновая, и киевская наливка.

Громадный графин водки возвышался посредине стола.

— Ну-ка, Филя, хватим по одной для начала, — налил хозяин рюмки.

— С чем поздравить-то, — прохрипел Филька, бережно беря толстыми пальцами налитую рюмку, — с новосельем, штоль!

— С окончанием дела, — подмигнул ему Козырь.

Они выпили, и Филипп не без важности ткнул вилкой в коробку с килькой: дескать, знай наших — тоже не лыком шиты! Вскоре пришел, верный своему слову, Сашка.

— Эге, да вы, братцы мои, вижу я времени не теряете! — весело заговорил он, входя в комнату и здороваясь с присутствующими.

Одет он был в красную шелковую рубашку, суконную поддевку и лакированные сапоги. Костюм его очень шел к статной молодецкой фигуре.

— Ишь, ты как вырядился, — подумал Козырь, и присоединившись, церемонно ответил на пожатие руки.

— Гости дорогие, прошу — угощайтесь. Кому чего любо! — и он сделал пригласительный жест рукой...

Выпивали, закусывали, но беседа клеилась плохо. Козырь был слишком поглощен хозяйственными заботами, а Филька вообще был не из разговорчивых.

Некоторое оживление внесло появление Шумкова и его супруги. Сам Шумков был в длинном старомодном сюртуке. Щеки его были тщательно выбриты, а седоватые усы лихо закручены кверху. Супруга его — толстая дебилая женщина куталась в дорогую ковровую шаль и производила впечатление простоватой мещанки, какой она и была на самом деле. Шумков женился на ней по расчету и, несмотря на все старания, никак не мог привить ей «хороший манер».

В разговоре принимала теперь участие и Ольга. Обменявшись незначительными фразами о погоде, о дороговизне дров, причем Василий Федорович не преминул рассказать о том, что в их местах — в херсонской губернии — поздно ложится снег, и какие там теплые бываю зимы.

Мало-помалу вино начало развязывать языки. Оживился также и Филька: пользуясь тем, что дамы вышли в кухню, он сразу опрокинул чайный стакан водки.

— Не люблю из рюмок! — пояснил он.

На сцену появилась гармонь, и Пройди-свет бойко заиграл какой-то марш.

— Я обожаю музыку, — подвинулся к нему Шумков.

5. Посланец шайки

На другой день после вечеринки, устроенной Козырем, утром, сидя у себя в лавке, Василий Федорович, развернул только что принесенный номер местной газеты, прочитал следующее: Загадочное преступление

Вчера утром был найден в своей спальне задушенным известный Томску коммерсант и домовладелец NN. Убийство совершено с целью ограбления: железный несгораемый шкаф, в котором покойный хранил ценности, оказался сломанным. Ящики письменного стола выдвинуты; вещи перерыты.

Убийцы, очевидно, люди опытные, так как ими взяты только наличные деньги, сумма которых неизвестна, и оставлены именные серии, свыше чем на 36000 рублей. Предварительным дознанием установлено, что преступники пробрались в дом через взломанную дверь парадного хода. На этом преступлении лежит печать загадочности. Положительно непонятно: каким образом убийцам удалось совершить свое гнусное дело, не разбудив никого в доме. Через две комнаты от спальни убитого спал его приемный сын, молодой человек. Жена покойного и его дочь, спавшие в своей комнате, тоже ничего не слышали.

Заканчивая настоящую заметку, высказываем горячее пожелание, чтобы перст карающей Немезиды указал преступников!

Прочитав это сообщение, Шумков не спеша сложил номер газеты и многозначительно крякнул. Теперь ему было понятно появление портсигара в руках Фильки.

Покойный NN — был тот самый человек, которому принадлежал портсигар, узанный Шумковым.

Вот оно, что, — размышлял Василий Федорович, — стало быть, это их рук дело! Однако, не ожидал я от своего квартиранта такой прыти! Это, должно быть все тот, в поддевке, руководит... Парень, видно сразу, прожженный! Шумков имел в виду Пройди-света, импонирующее влияние которого было замечено им во время пирушки.

— Да... Дельце, можно сказать, тонкое! И взяли они думать надо, сумму немалую! Недаром Сенька так раскутился: вина да закуски разные выставил. Чай пришлось на его долю не одна тысяча. У покойника деньги должно быть были бешеные. Эх, нельзя ли мне около этого дела чем поживиться!

Последние мысли глубоко засели в голову Василию Федоровичу, и он весь день, отпуская товар, считая деньги, казался озабоченным и непривычно рассеянным. У него созрел план, как извлечь выгоду для себя из той тайны, которую открыл ему портсигар с инициалами...

Вернемся к нашему старому знакомому Егорину.

Два дня спустя после вышеупомянутого, Кондратий Петрович сидел у себя в столовой за вечерним чаем и самым милым образом беседовал со своей женой.

— Хозяин, вас спрашивают, там на кухне. — Просунулась в столовую голова кухарки.

— Кто это такой, — отставил свой стакан Егорин, вылезая из-за стола.

В кухне около порога стоял неизвестный ему мужчина, довольно прилично одетый. При виде Егорина он молча подал ему небольшой конверт.

В нем заключалась карточка, на одной стороне которой чернела зловещая печать «мертвой головы», а на другой была надпись: «следуйте немедленно за подателем сего письма.»

Егорин нахмурил брови и обратился к таинственному посланцу:

— Подожди немного, я сейчас оденусь.

За то время, как Егорин вступил в шайку «мертвой головы», ему не приходилось ни разу принимать участия в предприятиях шайки. Раза два он ссужал своих лошадей лицам, явившимся от имени этой организации, причем каждый раз получал известную сумму. На его попытки узнать, где находится атаман шайки — «человек в маске», что он теперь предпринимает, люди, бравшие у него лошадей отговаривались незнанием. Надо сказать, что за последнее время, тот ореол таинственности, который в глазах Егорина окружил личность главаря шайки рассеялся.

Наши читатели, без сомнения помнят, как был удивлен Егорин таинственным исчезновением «человека в маске», при первой их встрече. Егорин, прошедший, как говорится, огонь и воду, не верящий «ни в сон, ни в чох, ни в птичий край», некоторое время был склонен видеть в своем ночном госте нечто сверхъестественное.

Но «ларчик просто открывался». Совершенно случайно Кондратий Петрович обнаружил в сенях, отделяющих его собственное помещение от соседней квартиры, потайную дверь. В

квартире этой, теперь пустой, жил какой-то приезжий из России господин.

Теперь Егорину было понятно вполне, что этот квартирант был никто иной, как член шайки. Потайная дверь была устроена им и туда-то скрылся «человек в маске». Во всяком случае, Кондратий Петрович не потерял веры в силы и могущество шайки. Мысль возратить «свои тридцать тысяч рублей» не приходила ему больше в голову.

Теперь, получив приказание идти неизвестно куда и неизвестно зачем, Кондратий Петрович был заинтересован: он предчувствовал что-то серьезное.

Одевшись в шубу-барнаулку с высоким воротником, сунув в карман пиджака револьвер, Кондратий Петрович вышел на кухню.

— Я готов! Идемте! — обратился он к своему проводнику. Тот молча поднялся с лавки и они вышли на улицу, где их ожидал извозчик.

— На Бульварную! — приказал извозчику спутник Егорина, поднимая воротник пальто.

Было часов около восьми вечера. В воздухе было тихо и тепло... Падал мягкий снежок... Темная даль Бульварной улицы мигала огненными точками редких фонарей. В душе Егорина поднималось какое-то неприятное чувство тоски и безотчетного страха.

6. Самосуд

На углу одной из улиц пересекающих Бульварную, спутник Егорина остановил извозчика.

— Теперь пойдем пешком! — шепнул он Кондратию Петровичу, расплачиваясь с извозчиком.

Подождав, пока извозчик не скроется из виду, они пошли дальше в темноту ночи. Свернули в один из глухих переулков, вошли в небольшой, весь занесенный сугробами снега двор, посреди которого чернела какая-то постройка. Это был тот самый флигель, в котором помещалась «штаб-квартира» шайки, как называл ее Пройди-свет. Казалось, что все в этом флигеле погружено в глубокий сон: ни одна полоска света не вырывалась из окон, плотно закрытых ставнями.

Спутник Егорина осторожно постучался в наружную дверь сеней.

— Кто там? — раздалось за дверью.

— Свои... туз козырей! — ответил условным паролем стучавший.

Дверь была немедленно открыта.

— Проходите, штоль, — прохрипел чей-то голос. — Чиркни-ка спичкой, Иван! А то впотьмах лоб, пожалуй, расшибешь.

Слабое синеватое пламя на несколько мгновений осветило внутренность сеней: пользуясь этой краткой вспышкой света, все трое прошли во флигель.

Первая комната представляла из себя прихожую. Из нее вела лестница наверх.

— Проходите наверх! Там, почитай, все в сборе. Только за вами дело. Натте вот вам маски — Егорину подали маску, грубо сделанную из черного коленкора.

— Это еще зачем? — недоумевающе спросил Егорин, не решаясь надеть маску.

— Стало быть, нужно. Что ты в чужой монастырь со своим уставом пришел? — грубо оборвал Егорина его спутник.

Егорину ничего не оставалось более делать, как повиноваться.

— Вроде, как на святках ряженые! — произнес он деланно шутливым тоном, поднимаясь за своим проводником по верхним скрипучим половицам лестницы. В большой комнате мезонина сидело несколько человек, принадлежащих судя по платью, к совершенно разным слоям общества.

Рваный, покрытый заплатами, армяк типичного «жигана» выделялся рядом с хорошей енотовой шубой какого-то солидного господина. Все присутствующие были в одинаковых черных масках, совершенно скрывающих лица. При входе Егорина, некоторые из членов шайки с любопытством повернулись в сторону его: другие же остались неподвижны, не обратив никакого внимания на приход новых лиц.

— Садись, где стоишь! — заметил Егорину его проводник, опускаясь прямо на пол. Его примеру последовал и Егорин. Он, усевшись недалеко от дверей, с любопытством окинул глазами обстановку комнаты. Голые стены, покосившийся от времени потолок, полпечки с облупившейся штукатуркой. — Все это гармонировало со слабым светом сальной свечи и торжественным молчанием людей в черных масках. Получалось сильное оригинальное зрелище. Даже спокойный, привыкший ничему не удивляться, Егорин и тот был поражен необычностью происходящего.

— Маски эти недаром придуманы, — сообразил Егорин, — это для того, должно быть, чтобы друг дружку в лицо не заприметили. Хитрая механика, однако! Интересно знать, зачем это собрались мы сегодня! Какие такие дела решать будут!

Естественное любопытство Егорина вскоре было удовлетворено.

Дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась и на пороге показалась новая фигура. Это был стройный красиво сложенный человек, немного выше среднего роста, одетый в коротенькую куртку из желтого верблюжьего сукна. Лицо его было также закрыто черной маской. Он подошел к столу, стоящему посреди комнаты, оперся на него рукой, обвел глазами присутствующих и заговорил. При первых словах его речи, Егорин узнал в нем ночного гостя «человека в маске». Тот же резкий повелительный тон, тот же металлический холодный тембр голоса...

— Товарищи! — так начал главарь шайки. — Мы собрались сегодня для того, чтобы произвести суд над одним из членов нашей организации.

Среди присутствующих обнаружилось легкое движение.

— Он виноват в следующем: во-первых в том, что самовольно присвоил себе вещь, принадлежащую общей кассе. Хотя это само по себе является уже нарушением наших правил, но, имея в виду, что вещь была взята им временно, можно было бы первую вину не считать особенно важной. Второй пункт обвинения вытекает из первого: одно лицо, не принадлежащее нашей организации, увидело эту вещь в руках виновного и, по печальному стечению обстоятельств, сразу же определило, каким путем вещь эта была взята от ее владельца. Таким образом, дело приняло серьезный оборот. Тайна организации стала известной постороннему человеку, который захотел отсюда извлечь для себя выгоду. Он предложил поделиться с ним барышом той ночи, когда между прочим, был взят и тот портсигар. В случае же нашего несогласия принять его в долю, этот человек может очень повредить нам, так как ему известны трое из наших. Одним словом, мы, благодаря одному

болвану из своей среды, нажили себе много хлопот. Вам предстоит теперь, товарищи, решить вопрос — как наказать виновного.

Обвинитель замолчал и пристальным выжидающим взглядом посмотрел на остальных членов шайки.

В комнате было тихо: все сознавали важность переживаемого момента. Обвиняемый — наш злополучный Филька, невольно навлекший на себя и своих товарищей такую неприятность — присутствовал здесь же, и не без трепета ожидал решения большинства. Он отлично знал, что шайка шутить не любит, и, что суд ее будет суров.

— Надо этого человека, который то есть, доказчиком хочет быть, убрать, пока не поздно! — раздалось чье-то предложение.

— Это правильно! Пришить его и дело с концом! — раздались голоса.

— Так... А что же мы должны сделать с виновником всей этой истории? вновь спросил атаман.

7. Смертельный приговор

Опять наступило молчание. Никто не решился произнести слово обвинения. Все молча косились друг на друга, подозревая в своем соседе того обвиняемого, чья участь находится в зависимости от решения большинства.

— По уставу нашей организации — виновный в выдаче товарищей обрекается на смерть! — спокойным бесстрастным тоном отчеканил атаман.

Гробовая тишина служила ему ответом. Холодный пот выступил на лбу Фильки.

— Крышка! — подумал он с отчаянием.

— ...но, принимая во внимание, — так же спокойно продолжал атаман, что в настоящем случае нет со стороны виновного злого умысла, можно рассматривать его вину как простое нарушение дисциплины... Кроме того, человек этот, я говорю об обвиняемом, в свое время оказал важные услуги организации. Все это смягчает его вину. Я со своей стороны предложил бы следующее: поручить виновному убрать опасного для нас человека, действуя на свой страх и риск. И кроме, того, при первом же серьезном деле предстоящем нашей организации, дать ему не в очередь самую опасную работу. Согласны ли вы с этим.

— Что ж, это правильно!

— Пусть так и будет! — слышались голоса.

— Теперь, — продолжал атаман, — обвиняемый, выходи на середину комнаты и сними маску, пусть все присутствующие здесь запомнят твое лицо и будут на будущее время следить за тобой, пока ты не выполнишь порученного дела.

Филька тяжело ступая громадными сапогами, вышел к столу, и молча снял маску. Его рябое, обычно угрюмое лицо выражало теперь глубокое смущение.

— Как перед богом, братцы, по глупости это моей вышло! — виновато пробормотал он, повертывая во все стороны свою взлохмаченную голову.

— Ну, ладно ступай на свое место, — прервал его атаман. — Нет ли у кого-нибудь из вас, товарищи, что-либо заявить общему собранию организации?

Но никаких заявлений не последовало. Сохраняя глубокое молчание, члены шайки один за одним покинули комнату.

Егорин хотел было идти вслед за другими, но его остановил его спутник, сидящий рядом.

— Погоди, малый, — шепнул он, — дело до тебя есть.

В комнате остались трое — Егорин, атаман и его проводник.

— Здравствуй, Кондратий Петрович, — обратился к Егору атаман, подойди сюда поближе — мне с тобой поговорить надо! А ты ступай вниз подождешь там меня...

Последнее относилось к спутнику Егорина. Кондратий Петрович, оставшись наедине с атаманом, подошел к столу и развязно спросил:

— Чай, теперь-то маску снять можно?

— Разумеется... Ведь мне твоя физиономия отлично известна! — насмешливо кивнул головой атаман. — Скоро мы с тобой, Кондратий Петрович, дельце одно должны обделать... Будь готов!

— А в чем дело?

— Дело очень тонкое и весьма выгодное. Можно взять хорошие деньги!

— От денег кто станет отказываться! — вставил Егорин.

— Только, видишь ли, какая штука: надо нам с тобой хорошенько столкнуться...

И атаман, приблизившись к Егору, понизил свой голос до шепота.

Но оставим на время этих сообщников и перенесемся в другую обстановку.

В этот вечер, когда члены шайки вынесли смертный приговор человеку, грозящему их безопасности, иначе говоря — Василию Федоровичу Шумкову, — этот последний сидел у себя в квартире, не подозревая даже, что дни его сочтены. Он был вполне уверен, что задуманный план поживиться на чужой счет будет выполнен, как Сенька Козырь по крайней мере уверил его в этом, говоря, что раз уж Шумков знает все, то им ничего не остается, как только принять его в долю.

Было около 10 часов вечера, когда до слуха Василия Федоровича донесся стук в калитку. Кто-то стучался с улицы. Шумков одел шубу и, держа в одной руке револьвер, а в другой свечу, вышел в сени.

— Кто здесь? — спросил он, подходя к калитке.

— Свои, — послышалось в ответ. — Отвори, Василий Федорович!

Шумков, ставший в последнее время, очень осторожным еще раз переспросил.

— Кто такие свои! Наши, кажись, все дома...

— Ну, вот, нечто по голосу не узнаешь! — уже ясно различил Шумков голос Козыря. — Отворяй скорее, иззябли мы...

Василий Федорович отодвинул засов и посторонился в угол, держа наизготовку револьвер.

Вошли Козырь и Филька — оба, как было заметно по их наружному виду сильно выпивши...

— Хозяину — Василь Федоровичу, наше особенное! — осоловело пробормотал Козырь, сясь твердо стоять на ногах.

— Что это ты, друг любезный, револьвер-то выставил, аль нас за грабителей счел, — разразился Козырь пьяным смехом, заметив в руках Шумкова блестящую сталь оружия.

— Ну, ну, пролазьте, что-ли, — грубо проворчал Шумков. — Эк, вы напились!

— После хорошего дела как не выпить, — качнулся в сторону Козырь.

Какое-то темное предчувствие опасности заставило Шумкова все время держаться настороже. Ему казалось очень подозрительным поздний и неожиданный приход Фильки.

— Черт их знает, что у них на уме, — думал Шумков, готовый каждую минуту отразить нападение. Филька и Козырь обменялись между собой быстрыми взглядами.

— Ну, Филька, сыпь в горницу... Будем еще гулять, благо, водка есть! — и Козырь, шатаясь, двинулся в свою квартиру.

Шумков проводил их хмурым взглядом.

8. Пленница

— Иван Панфилич, а Иван Панфилич!

— Ась!

— Что это так долго не возвращается Сергей Николаевич?

— Барин-то наш... должно, далеко заехал. На медведя ведь они собрались — в глушь, в тайгу... чай, верст сто от городу-то будет. Где скоро обернешься!

— Скучно мне, Иван Панфилич, сама не своя хожу!

— Скушно! Эх, матушка-барышня, потерпите малость... скоро гляди и он, сокол наш воротится... А вы бы, матушка-барышня, книжечку почитали, али бы на гитаре поиграли. Вот она, скука-то и пройдет.

Описанный разговор происходил в один из зимних вечеров, в большой полутемной столовой дома Загорского, слабо освещаемого отблесками догорающего огня в камине.

Иван Панфилич стоял около дверей, сложив за спину руки и хмуро понутив свою седую голову. Его собеседница, молоденькая девушка, почти ребенок, полулежала на кушетке, подвинутой к камину и нервно куталась в пуховый платок. На стене мерно тикали круглые старинные часы. В камине слабо потрескивали догорающие угли.

— Не подбавить ли дровец, барышня. На дворе мороз крепчает... — нарушил тишину старый слуга.

— Как хочешь, Иван Панфилич. Мне все равно! — отозвалась девушка, занятая своими

невеселыми мыслями.

— Дом от старой... Печи-то тепла не держут, вот оно и холодно к утру бывает... эхе, хе — бормотал старик, подбрасывая в камин дрова.

Через несколько минут яркое, веселое пламя озарило комнату и отразилось в темных замерзших окнах. При свете камина теперь можно было убедиться, что девушка, сидящая на кушетке, была не только молода, но и поразительно красива. Ее бледное матовое лицо, обрамленное волнистыми Темно-каштановыми волосами носило отпечаток чистой и доверчивой души, какой-то неизъяснимой грации. Прекрасные голубые глаза девушки, теперь затуманенные длинными шелковистыми ресницами, были грустны. Вся ее фигура, стройная и грациозная, дышала изяществом и теплой женственностью. Тот, кому было неизвестно ее прошлое, никогда бы не поверил, в то что она дочь прачки и родилась в темном сыром подвале. Между тем, это было так, и только роковое стечение обстоятельств вырвало эту девушку из родной ей, убогой обстановки подвала и перенесло сюда, под кровлю старого, аристократического дома...

Здесь мы должны напомнить нашим читателям о некоторых событиях, описанных ранее.

Сергею Николаевичу Загорскому, встретившему Таню (так зовут эту девушку) в номере у Шельмовича, куда она приходила вместе с Катей для переговоров о поступлении на службу к этому господину, бросилась в глаза редкая красота девушки. Он. Как наверное, помнят читатели, поставил перед Шельмовичем неременным условием, чтобы последний помог овладеть Таней.

Бедная девушка не подозревала, конечно, никаких дурных намерений со стороны Кати и с радостью согласилась поступить на место, предложенное ей Шельмовичем. Таким образом, коварный план мстительной экс-этуали, желавшей во что бы то ни стало, отделаться от своей предполагаемой соперницы, увенчался успехом, с некоторой, впрочем, разницей: Шельмович не увез Таню из Томска, а просто-напросто по дороге на вокзал, заехал к Загорскому, якобы по делу, предложил Тане зайти погреться и передал ее с рук на руки Загорскому. Молчаливые стены старого дома ревниво хранили свои тайны. Крепкие тяжелые двери были всегда заперты и преграждали путь пленнице. Ей пришлось покориться своей участи. Вскоре она привязалась всей своей молодой душой к красивому обаятельному Загорскому и стала свыкаться со своим новым положением. Вот уже третий месяц, как она живет у него, никуда не выходя, никого не видя, кроме Загорского, Панфилыча и какой-то старухи, приставленной к ней в качестве прислуги. Первое время Сергей Николаевич очень интересовался своей хорошенькой любовницей. Проводил с ней целые дни, учил играть на гитаре и, вообще, старался, чтобы Таня не скучала.

Затем, когда первый порыв страсти прошел, он начал начал мало-помалу изменять свое отношение к ней. Чаще не ночевал дома, исчезал на несколько суток — уезжал на охоту. Эти отлучки приводили Таню в отчаяние: она инстинктивно догадывалась, что любовь, в которой уверял ее Загорский, есть не более как минутное увлечение с его стороны. Тяготила ее также и тоска по матери, тем более, что Загорский запретил ей даже письма писать.

Единственной отрадой Тани, в отсутствие Загорского, было разговаривать со стариком Панфилычем. Угрюмый, необщительный на вид, старик, давно замкнувшийся в себя, в глубине души сочувствовал бедной девушке и, насколько мог, старался развлечь ее...

Но вернемся, однако, к настоящему делу...

— Словно пора бы и чай пить, — вновь нарушил тишину Панфилыч, самовар-то у Егоровны, поди, готов. Прикажете подавать, матушка-барыня.

Таня встrepенулась, выйдя из задумчивости.

— Не хочется мне чаю, — рано еще. Скажи мне лучше, Панфилич, как это на медведей охотятся. Страшно ведь. А вдруг он задавит...

— Бог милостив, барышня, зачем такие мысли — сами себя попусту тревожите.

— Ах, Иван Панфилич, у меня сердце болит, все беда какая-то чудится! Поскорее бы уж Сергей Николаевич приехал, — с грустным вздохом вырвалось у Тани. — Знаешь, Панфилич, — оживилась она через некоторое время, — я думаю у него отпроситься к маме сходить! Может быть, он отпустит.

Старик закашлялся.

— Оно, конечно... Следовало бы, потому родительница. А вы, барышня, уговорите барина-то, чтобы он не сумлевался... Не убегу, дескать!

Таня покачала головой.

— Куда уж мне убежать теперь!.. Зачем!..

9. В гостях у «тетеньки»

В квартире «тетеньки»-Орлихи, несмотря на поздний час и отсутствие «гостей», еще не спали...

В зале за круглым преддиванным столом шла игра в носки. Играли трое: низенький приземистый парень с толстым придурковатым лицом, с торчащими кверху вихрами огненно-рыжих волос, одетый в потертый пиджак, очевидно с чужого плеча, и гарусную рубаху навывпуск из-под жилетки, украшенной ярко начищенной медной цепочкой. Звали его Тихоном, но все обитатели двора, а также и «племянницы» в минуты раздражения, забывали его имя и величали Тишку — «губошлепом». Здесь, в этой квартире, он исполнял роль официанта и, вместе с тем, «вышибалы».

Партнерами его по игре были две девицы: высокая, красиво сложенная полька с довольно свежим лицом, недавно попавшая в число орлихиных «племянниц», и юркая шатенка Соня, с бойко очерченным профилем бледного от обильно наложенной пудры, мальчишески задорного лица.

Среди постоянных клиентов Орлихи Соня носила кличку «сорванца». Прозвище это, как нельзя лучше соответствовало ее живому веселому характеру и гибкой грациозной фигуре, полной огня и движения.

— Ну, сдавай, Тиша... Опять тебя по носу шлепать будем! — весело вскрикнула Соня, собирая старые засаленные карты.

— Вы, девки, никак мухлюете, — пробубнил угрюмо Тихон, сопя носом...

В этот вечер он проиграл подряд десять партий.

— Эко — выкхал, парень-то! Мухлюете! Новое дело! — горячо запротестовала Соня. — Сдавай, сдавай — нечего лясы точить.

— Да ладно, поспеешь на тот свет, там кабаков нет! — спокойно отозвался Тихон, тасуя карты.

— Накося — вини козыри!

Игра продолжалась.

— О-хо-хо, что-то меня в сон клонит, — сладко позевнула Соня.

Тихон мельком взглянул в стенные часы.

— Третий в начале... И то бы спать пора. Сегодня гляди никого уже не будет!

— Двадцатого, гляди, к тебе Сонька, твой хахаль придет.

— Делов-то мне с ним! Золото, подумаешь, какое! Прошлый раз, просила, просила, насилу рубль на помаду выклянчила! — пренебрежительно тряхнула головой Соня.

— Это тот — телеграфист? — спросила Бронися (так звали вторую девушку).

— Да... Ну-ка, Тиша, клади свою даму козырную, нечего тебе ее прятать.

— И то верно, надо класть, — огорченно пробормотал Тихон, тупо уставившись в свои карты. Нос его уже зудился, предчувствуя неизбежный проигрыш. Девицы еле сдерживали смех, перемигивались между собой и ловким манером обставляли плохо соображающего игрока.

— Ну вас к черту! Не буду я больше играть! — рассердился Тихон, проиграв в одиннадцатый раз и стоически приняв следующую порцию шлепков.

— Да и то, господа, надоело, — согласилась Бронися, — я лучше прилягу здесь на диване — подремлю!

— Убавь огня-то, Тихон. Что зря гореть лампе! — распорядилась Соня, выходя из-за стола и поправляя прическу, — пойду и я подремлю немного... Ежели, кто застучится, так вы меня разбудите, девки.

Тихон вышел из залы, неистово зевая и почесывая спину...

Бронися осторожно, чтобы не измять прически, легла на диван и закрылась шалью.

— Беда, спать хочется, — вяло, полусонным голосом говорила она, — так и морит, так и морит...

Соня молча расхаживала по полутемному залу, мурлыкала что-то себе под нос, пристукивала каблукочком модных ботинок — «венгерок».

— А ты бы покурила. Табак сон разгоняет! — мимоходом бросила она подруге.

— Езус Мария! Чтобы я курила! — с негодованием повернулась к ней полька.

— Погоди, дай срок — не сбей с ног, будешь и ты курить! Научись, милая моя! — насмешливо протянула Соня. — Я бы вот рада покурить, да папирос нет. Стой, не спросить ли мне, на самом деле, у Катерины — у ней есть наверняка!

— Спит она, кажется. Не разбудишь теперь, — сонно отозвалась Бронися, натягивая шаль на голову.

Соня подошла к одной из дверей, выходящих в залу, и дернула ее за скобку. Дверь была заперта.

— Спишь, Катя?

— Нет, не сплю. Чего надо? — раздался за дверью не особенно доброжелательный голос.

— Это — я, Соня. Отвори, Катя! Смерть курить хочется, а табак у меня весь вышел.

— Сейчас... Погоди, только туфли надену!

Дверь была отперта и Соня проскользнула в комнату. Катя, полураздетая, с распущенными волосами, заспанная, с недовольным выражением лица, сидела на кровати и раскуривала папироску. Несмотря на беспорядок, царивший в комнате, можно было сразу определить, что здесь живет особа, пользующаяся вниманием хозяйки и гостей. По размерам Катина комната была гораздо больше, чем комнаты остальных девиц: кроме большой кровати, скрывающейся под розовым пологом и туалетного столика, сплошь засыпанного безделушками и фотографическими карточками, здесь стоял крупный стол и два мягких кресла, на которых валялись теперь небрежно брошенные корсет и юбки... Стены комнаты оклеены розовыми обоями, испещрены веерами, открытками, фотографиями. С потолка спускался небольшой розовый фонарик.

— Долго же я спала, однако! — заметила Катя, вынимая из изящного, отделанного плюшем чехла, висящего над изголовьем кровати, свои золотые часики. — Что, был кто-нибудь из гостей? — спросила она, вновь укладываясь в постель и пряча свои обнаженные ноги под теплое пушистое одеяло.

— Ни души! — мотнула головой Соня, с наслаждением затягиваясь папироской. — Словом сказать — без почина мы сегодня!

— Время глухое... — равнодушно зевнула Катя, закладывая руки за голову.

— Ну, спасибо, Катечка, пойду теперь спать — накурилась всласть.

— Возьми с собой на ночь несколько штук. Захочешь ведь курить, а у меня набитых много... Да убавь, пожалуйста, Соня, огня в лампе.

Проводив Соню, Катя поленилась встать, запереть, за ней дверь. Она молча неподвижно лежала, устремив широко раскрытые глаза в полумрак комнаты и думала, без конца думала... Невеселые были эти одинокие ночные думы.

Вот уж третий месяц, как ее дружок, Александр не идет к ней. Неизвестно даже, где он и что с ним. Точно в воду канул! Грустные размышления Кати были прерваны отдаленным стуком в наружную дверь квартиры.

Послышался из прихожей сонный голос Тишки:

— Гости приехали.

Катя приподнялась на локте, сбросила одеяло и громко крикнула:

— Гости, говоришь, Тихон. Смотри, не запусти кого незнакомого!

Она встала с постели и прибавила огня в лампе. В квартире «тетеньки» поднялась суматоха... Захлопали двери... Раздались громкие чьи-то мужские голоса. Гости, очевидно, было не один и не двое... Катя заперла дверь своей комнаты и начала приводить в порядок туалет. Кажется, Кочерова голос, прислушалась она к шуму, доносившемуся из прихожей. — Давно не бывал, парень!

— Катя! Твой гость приехал — Иван Семенович! С ним еще двое... Пьяные!

— Скажи, что я сейчас выйду, — оденусь только, — ответила Катя, торопливо делая

прическу.

Ночные гуляки приехали в двух экипажах на собственных лошадях. Они долго возились во дворе, отворяя ворота и заводя лошадей. Тишка, без шапки в пимных калошах на босую ногу, метался как угорелый: суетливо, искал ключ от калитки, которая на ночь запиралась на цепь, бросался поправлять лампы мимоходом покрикивая на девиц, одним словом — проявил массу энергии и очень мало... сообразительности. Сама Орлиха, услышав, что приехал Кочеров с целой компанией, предчувствуя в этой публике выгодных для себя посетителей, вышла также в прихожую.

— Мир вам и мы к вам! — весело заговорил Иван Семенович, входя в прихожую и внося с собой клуб морозного воздуха. Он был заметно навеселе, даже слегка пошатывался, но это не мешало ему сохранять самый молодецкий вид. дорогое пальто модного фасона было небрежно застегнуто, несмотря на мороз на две верхние пуговицы... Из-под бобровой шапки, лихо надвинутой на затылок, красиво ложились на бледный лоб волнистая прядь волос, посеребренная морозом. — Мать командирша! Наше особенное... Девицы! Бонжур с пардоном... Просим прощения за позднее посещение! Ехали мы с ребятами мимо, видим огонек... Дай, думаем, заедем...

— Милости просим, милости просим, батюшка Иван Семенович! — низко кланялась «тетенька» — раздевайтесь, да проходите в залу... Принимай одежду-то, Тихон, чего ты статуем стоишь!

— Давно не были в наших палестинах. Катька-то все глаза проглядела, вас ожидаючи... — шепнула Кочерову, лукаво улыбаясь, Соня.

— Ладно, рассказывай! — пробормотал тот, проходя в залу.

— Остепенился наш Иван Семенович — присмирел, сокол ясный! Женили молодчика — подрезали крылышки! — ласково певучим тоном, подхватила Орлиха.

— Нам жена не помеха! — с вызовом бросил Кочеров, разваливаясь на диване. — Жена дело отдельное... Мы теперь находим Ивана Семеновича женатым человеком. Следуя настоянию своих стариков, Кочеров, наконец женился. Жену ему нашли, во всех отношениях, подходящую: скромную, тихую сироту из богатого мещанского семейства — наследницу двух домов, дающих порядочный доход. Дома эти Иван Семенович намеревался со временем перевести на свое имя, пользуясь тем влиянием, которому он подчинил жену с первого же дня после свадьбы. Кроткая, безответная, действительно не могла мешать Ивану Семеновичу в его веселых похождениях, подобных нынешнему визиту к орлихиным «племянницам»...

Один из спутников Кочерова тоже женатый человек, рослый здоровый детина — Гриша Полубаринов, — сосед Кочерова по домам, задушевный приятель Ивана Семеновича, еще с детских игр в бабки и мячик, держал в руках кулек, из которого заманчиво торчали два засмоленных горлышка. Третий из посетителей — совсем еще молоденький мальчик с розовым лицом деревенского жителя — был родственник Полубаринова. Звали его Федей. Сын богатого торговца и кулака одного из пригородных сел, Федя гостил у сестры и теперь пьяные приятели взяли его с собой — показать ему полном объеме городские удовольствия. Он был тоже выпивши, но старался держать себя солидно, боясь показаться смешным в глазах незнакомых барышень.

— Вот, Сонька, тебе жениха привезли! Хорош, — кивнул на Федю Полубаринов.

Соня искоса обожгла говорившего выразительным взглядом бойких лукавых глаз и ничего не ответила.

— Что это у вас в кульке-то? — поинтересовалась она, но Иван Семенович остановил ее.

— Шампанское, красавица, шампанское!

— Которым ворота подпирают, — расхохоталась Соня, но Иван Семенович остановил ее.

— Ошибаешься, голубушка! Самое настоящее — по девяти рублей бутылка... У Тихонова брали...

— Что же вы, господа кавалеры, со своим вином ездите. Поддержите нашу коммерцию, сделайте почин!

— Неужели без этого дело обойдется! — завопил Полубаринов, которого окончательно начало развозить в темной и теплой атмосфере зала. — Давай нам, брат Тихон, бутылку коньяку, лимонада, рябиновой для женского полу!

— Какого коньяку прикажете? «Ласточку» или «три звездочки», — спросил Тишка, высовываясь из-за двери.

— Жарь «ласточку»! Смотри, чтобы лимонад холодный! — крикнул вдогонку ему Иван Семенович.

— Сей момент! Как живо, так сейчас!

— А что Катя не выходит, занята она разве? — вполголоса спросил Иван Семенович, обращаясь к хозяйке.

— Сейчас она выйдет, одевается... — поспешила ответить Бронися.

— Что, Ваня, присушила тебя, видать, эта краля? Говори по совести! рассмеялся Полубаринов. — Вот, брат Федя, — продолжал он, обращаясь к шурину, — смотри, да на ус мотай какие здесь девицы-то пронзительные — не вашим деревенским чета! Раз взглянешь — век чахнуть будешь!

Федя смущенно краснел, мигал и готов был провалиться на месте. Прямо против него сидела Бронися и все время обдавала его ласковым, как бы ободряющим взглядом. Ей очень нравился этот краснощекий, скромный мальчик...

— Гостей-то сколько! Вот неожиданная радость! — раздался спокойный, слегка насмешливый голос Кати. Она стояла на пороге залы и щурила свои подведенные глаза от яркого света лампы.

— Екатерина Михайловна, наше наиглубокое уважающее почтение! расшаркался с преувеличенной вежливостью Иван Семенович. — Не ждали этих гостей и не звали!

Катя протянула ему руку и, стараясь быть любезной, заметила:

— Тем более приятно видеть вас... А ждать... разумеется, где же я могла: вы ведь теперь человек женатый.

Кочеров обескураженно махнул рукой.

— Эк ведь вам моя женитьба сдалась!

Катя слегка улыбнулась.

— Ну, да уж ладно! Чего там толковать. Приехали — так угощайте публику. Гость вы у нас редкий!

Кочеров с нескрываемым восторгом смотрел на стройную гибкую фигуру Кати, одетой в розовый изящный пеньюар, как нельзя более идущий к ее полуобнаженной шее и золотистым волосом, схваченным японским узлом.

— Гриша, откупоривай бутылки. Тихон, тащи стаканы!

— Гулять, так гулять!

— Вот это по-нашему! Гулять, так гулять! — подхватила Катя, садясь рядом с Иваном Семеновичем.

Гриша Полубаринов принял на себя роль слуги: он старательно вытер салфеткой принесенные Тихоном стаканы, аккуратно разложил на тарелке фрукты и, подмигнув компании, произнес торжественным тоном:

— Смотри, ребята в оба в полтора не мода! Пробка — в потолок, в стакане — кипятки!

С этими словами он откупорил первую бутылку шампанского. Пробка, после того, как была подрезана проволока действительно взвилась вверх и золотистая влага запенилась в стаканах.

— Катерина Михайловна! Ваше драгоценное здоровье! — галантно заявил Кочеров, поднимая свой стакан. — Вы, вот все смеетесь надо мной, как над женатым человеком, а если бы знали, для чего я женился, вернее, для кого, тогда бы вы, пожалуй, переменили бы гнев на милость! полушутливо-полусерьезно заговорил Иван Семенович, когда налитые стаканы были опорожнены и настроение собеседников было уже несколько приподнято.

— Ах, Иван Семенович, что вы не знаете, что для меня все равно — женаты вы или холосты: замуж за вас я не собиралась, а приятного гостя я вижу в вас даже и теперь, когда вы стали человеком семейным, — шаловливым тоном отозвалась Катя, задорно протягивая свои красивые ручки Кочерову.

— Федя! Что же ты, братец, приуныл, — обратился к мальчику Кочеров, видя, что тот, смущаемый пристальным взглядом Брониславы, совершенно пал духом.

— Хи-хи-хи, что это вы молодого-то человека совершенно в смущение привели! Он у нас точно красная девица сидит и воды не замутит, рассмеялась Соня.

Федя вспыхнул, точно маков цвет, и смущенно пробормотал:

— Я пью, Иван Семенович... С непривычки-то оно немножко... В голове зашумело.

Он виновато улыбнулся. Полубаринов встал во весь свой гигантский рост. Стукнул тяжелой ладонью по столу и, дико вращая белками воспаленных глаз, крикнул:

— Пей, Федька, а не кочевряжься! Ежели ты теперича против нас какое слово можешь сказать — в порошок сотру.

Иван Семенович примирительно заметил:

— Ну, ну, ладно, разошелся черт стоеросовый, совсем напугал парнишку-то.

— Ты, Федя, — обратился он к мальчику, — не смотри на своего шурина, пей себе помаленьку, сколько можешь, к девицам вот присматривайся. Вишь вот, — кивнул он головой на Бронисю. — Польская принцесса на тебя глаза выпучила. Больно ты ей по виду пришелся — крупчатый, румяный.

Бронися в свою очередь покраснела насколько ей позволяла пудра наложенная на лицо, и тихо прошептала:

— Ах, какой вы насмешник!

На столе появился коньяк и лимонад. Было выпито еще и еще. Тишка, в воздание его заслуг был награжден громадным стаканом коньяку.

— Катерина Михайловна! Могу я вас просить, — обратился Кочеров к Кате.

— Что такое, — обернулась она к нему.

— Спойте, Христа ради! Гитару мне позвольте, я подыгрывать вам буду.

— А что спеть?

— «Очи черные», — предложил Полубаринов.

— Нет! Это не пойдет! Лучше — «не брани меня, родная» спойте, Катя!

Катя повела плечами и уронила безразличным голосом:

— Что ж, можно! Сходи, Соня, ко мне в комнату, принеси гитару.

Гитара была принесена и Иван Семенович, взяв умелой рукой несколько вступительных аккордов, ожидающе взглянул на Катю. Та подалась вперед...

— Эх, девка, пой так, чтобы за душу хватало! — крикнул Полубаринов.

Катя тряхнула своей золотистой головкой и запела...

«Не брани меня, родная»...

Чистое, мягкое сопрано плавно и красиво полилось под аккомпанемент гитары. Кочеров, побледневший от внутреннего волнения, горячим возбужденным взглядом впился в певицу.

«Я не травка полевая, выросла у моря»...

— с грозным вызовом бросила Катя.

Полубаринов блаженно мигал глазами, щурился, и то и дело прикладывался к коньяку.

Бронися, совершенно размякшая от выпитого вина и от впечатления, произведенного на нее пением Кати, уже бесцеремонно подошла к Феде, обняла его за шею и прижалась к нему всем горячим телом.

Было странно и грустно слышать в этой обстановке среди пьяных и грубых людей, среди женщин, отдающих себя ради денег, чистую и прекрасную песню молодой, свежей и бодрой души, рвущейся к борьбе за жизнь. Как ни грубы душевно обитатели этой квартиры, Тишка, девицы, как ни пьяны были гости, но песня Кати произвела большое впечатление: Полубаринов даже прослезился, вечно веселая Соня приумолкла тоже и задумчиво покачивала головой в такт песне.

«Не рыбацкий мелкий парус,

корабли мне снятся!..»

— с большим воодушевлением пела Катя.

Аккорды гитары оборвались. В комнате на минуту стало тихо. Иван Семенович грустно вздохнул, отложил гитару в сторону и отпил несколько глотков из стакана.

— Большому кораблю — большое плавание, — раздумчиво произнес он. Кажется, будь у меня кухтеринский капитал, озолотил бы я тебя, Катя, с ног до головы. Первой ты бы в городе была.

— За немногим дело, — насмешливо протянула Катя.

— Ну, Катерина, — энергично подтвердил Иван Семенович, — жизни своей не пощажу, души не пожалею, а буду богатым человеком и все мое богатство для тебя будет, Катя, вот как я говорю!

— Ну, ну, посмотрим, — рассмеялась красавица.

— Попроси у него, Катя, на новые ботинки, — подхватила Соня, ежась от слишком грубых прикосновений Полубаринова.

Катя ласковым томным взглядом обвела Ивана Семеновича, вся подвинулась к нему и, охватив его шею полной белой рукой, ласково прошептала:

— А и верно, Ваня, помоги-ка вот мне, — денег у меня сейчас нет, а деньги крайне нужны — одолжи!

Иван Семенович широко вздохнул, радостно подался вперед и крикнул:

— Катя, для тебя последнюю рубашку сниму, имею сейчас возможность!

Вот тебе тридцать рублей, — и он вытащил свой бумажник.

В это время в дверь сеней раздался сильный и настойчивый стук.

— Тихон, — обратилась к «вышибале» хозяйка, — стучится кто-то, спроси кто.

— Не пускать никого! — безапелляционным тоном заявил Кочеров.

Тишка пошел в сени и, вернувшись, объявил:

— Свои люди... Александр это.

— Александр... — еле выговорила Катя, вскакивая со своего места. Отворяй!

Тишка вопросительно посмотрел на хозяйку. Стук в дверь становился все сильнее и настойчивее.

— Отвори пойдя, Тиша, скажи, что барышня занята, — нашла хозяйка.

Катя не вытерпела и, забыв о Кочерове с его 30 рублями на ботинки, забыв обо всем на свете, бросилась вместе с Тихоном встретить столь долгожданного гостя — ее Сашу.

— Здорово ночевали, нас не видали! — громко, возбужденно проговорил Пройди-свет, входя в прихожую и весело похлопывая по плечу Катю, всю онемевшую от неожиданного счастья. — Аль у вас народу много, что меня пускать не хотели? — продолжал он, просовывая голову в залу.

— Танцуй назад! — сердито крикнул ему Кочеров.

10. Ссора

Он обменялся возбужденным выразительным взглядом с Полубариновым и гневно крикнул хозяйке:

— Сказано вам или нет, что за всех девиц деньги уплачены! На кой черт впускаете лишний народ!

— Гони его, Тихон, в шею! — заорал Полубаринов, сбрасывая с себя пиджак и, очевидно, готовясь перейти в наступление.

«Тетенька» недоумевала, что ей делать: жаль было хороших денежных гостей и, вместе с тем, боязно обидеть Пройди-света. Так как здесь, в квартире Орлихи, его авторитет стоял очень высоко, так, что наживать в Пройди-свете опасного для себя врага Орлиха не хотела. Тишка тоже был, видимо, не особенно уверен в благополучном исходе наступательных действий и, поэтому, не спешил исполнять приказание Полубаринова.

Гони в шею... Эко вывез... — подумал он угрюмо, — тебе-то что: встал да и пошел, а нам ссориться с ним не приходится! Потому в каждую пору нагадить может!

Девицы, Бронися и Соня, видя, что дело принимает серьезный оборот, разбежались по своим комнатам. В прихожей же, между тем, происходила такая сцена: Пройди-свет, будучи довольно-таки в миролюбивом настроении духа, не обратил особого внимания на тот переполох, который был вызван его появлением.

Погуляем, видимо, — мысленно решил он про Кочерова и его компанию.

Уверенность Александра в самом себе, и, главным образом, в Кате, была так велика, что он пропустил мимо ушей угрозы Полубаринова.

Он, не снимая верхнего пальто, стоял в прихожей и ласково обнимал Катю, полушутливо, полусерьезно рассматривая ее.

— Соскучилась, говоришь, моя разлапушка. Чай, поди, подумала, что разлюбил я свою Катюшу, свою ягодку малиновую!

Девушка от этих слов и от ласкового упорного взгляда Александра сжалась, как кролик перед пастью удава, бледнела и всей своей фигурой выражала живое воплощение счастья.

— Саша, Саша, как я ждала тебя! Как скучала... — тихо и восторженно шептала она, глядя широко раскрытыми глазами на знакомое ей милое лицо.

— Ну, уж и скучала, — насмешливо заметил Пройди-свет, кивая головой на платья гостей, развешанных по вешалкам. — С ними, наверное, не было скучно. Судя даже по твоему наряду, видно, что ты не собираешься носить траур по своему отсутствующему другу!.. Эх, Катька, Катька, бить бы тебя надо, да уж рук марать не хочу! — деланно сердито закончил он, отталкивая от себя Катю. У той на ресницах задрожали неожиданные слезы справедливого негодования и незаслуженной обиды.

— Сам шляешься невесть где! Так это ничего, а придешь, так куражиться начинаешь, — смущенно пробормотала Катя, робко смотря на своего господина и повелителя. Сильная и

энергичная натура бывшей этуали, пожинавшей лавры на подмостках у Омона, — женщины, испытавшей тюремное заключение и прелести этапа, — была совершенно поработана Александром. При виде его, слыша его голос, Катя забывала самое себя, делалась кроткой, послушной каждому слову и даже жесту своего любовника.

— Ну, ладно, ладно, — я ведь пошутил, — успокоил ее Сашка, снимая пальто и намереваясь идти в зал. — Кто у вас гуляет? — спросил он Катю, на всякий случай ощупывая револьвер.

— Э-э! Бараны неоципаные! — уже весело отозвалась Катя, обрадованная переменой в обращении Александра. — Нам с тобой до них какое дело! Ведь не боишься же ты их на самом деле!

Инстинкт женщины подсказал верно: Александр, за минуту перед тем готовый уйти, чтобы не заводить излишней, по его мнению, ссоры, твердо решил теперь остаться до конца.

— Посмотрим, кто кого! — пробормотал он, входя в зал. — Приятного времяпрепровождения, господа! — отнесся он к сидящим в зале.

Его внимательный взгляд остановился на широких плечах и угрюмом виде Гриши Полубаринова, который в это время тщетно уговаривала хозяйка.

Кочеров не знал на что решиться: вступать в открытый скандал ему не хотелось; он боялся уронить себя в глазах Кати. Добровольно уступить свое место другому, более счастливому любовнику, казалась ему не менее обидным.

— Брось, Григорий, семеро одного не бьют! — обратился он к приятелю.

— Человек, наверное, и сам поймет, что ему здесь делать нечего. Девушки все заняты, а разгуляться он и в другом месте может.

— Разумно говорите, молодой человек, — вежливо поклонился ему Пройди-свет. — Только вот на счет битья-то, ошибаетесь немножко: хотя вас и трое, а бить вам меня не придется!

С этими словами он вынул из жилетного кармана серебряный двугривенный и подал его присутствующим.

— Видите? — просто спросил он.

Все были удивлены этим внезапным обращением и никто не нашелся ничего сказать...

— Теперь еще смотрите...

Пройди-свет, взяв монету двумя пальцами, превратил ее в лепешку.

— Попробуйте вы это сделать! — хладнокровно посмотрел он на своих противников и затем, не ожидая ответа, повернулся к Кате.

— Идем в твою комнату!

— Ах, леший ты задави! — восторженно вырвалось у Тишки. — Вот силища-то!

Полубаринов угрюмо крикнул, засучил рукава рубашки и пробормотал:

— Мы, брат, и сами три куля овса пихаем. Нас этим не удивишь!

11. Узел затягивается

Драка, казалось, была неизбежна, но тут вмешалась Катя.

— Вот что, Иван Семенович, — заговорила она, обращаясь к Кочерову, если ты, или твои приятели, начнут дебоширить, то запомни мое слово: между нами все кончено и на глаза ты мне тогда не показывайся!

Чем вам этот человек помешал, — продолжала она, указывая на пройди света. — Разве я сама над собой не властна! С кем хочу с тем и иду! Кого хочу, того и люблю! Парень ты, кажется, неглупый, не баклан какой-нибудь, а хочешь зря заварить скандал.

Как ни пьян был Кочеров, но, зная решительный характер Кати, побоялся пойти ей наперекор.

Он остановил расходившихся товарищей.

— Брось, Гриша! Не стоит... Насильно мил не будешь! — с горечью вырвалось у него.

— А што он больно задается, — не унимался Полубаринов, в голове которого шумели и хмель, и злоба. — Небось — видали мы ихнего брата! В лучшем виде накостылять можем!

— Брось, — угрюмо повторил Кочеров, дрожащий от волнения рукой наливая себе стакан коньяка. — Если нам здесь не рады, так в другое место пойдём. Авось город не клином сошелся.

В душе у него закипело чувство острой обиды от такого явного предпочтения, оказанного Катей другому; вместе с тем Иван Семенович не мог не сознаться, что грубой силой здесь взять ничего нельзя. Приходилось подчиняться обстоятельствам.

Видя, что конфликт разрешился мирным путем, в зале появились Бронися и Соня.

— Плюньте на это дело! — весело махнула рукой Соня, подсаживаясь к Полубаринову. — Угощайте лучше нас и сами кушайте! Что вижу зря стоять.

— Это Катерина, такая есть, горда! — шепотом заметила Бронися, косясь на дверь, за которой скрылась Катя, сопровождаемая Пройди-светом.

— Што он за человек такой — из каких, — поинтересовался Полубаринов, тоже успокоившийся и опять усевшийся за стол.

Девицы переглянулись: говорить про Александра правду они побоялись, и поэтому Соня деланно пренебрежительным тоном заметила:

— А шут его знает! Катькин любовник! Из приказчиков, кажется...

— А силенку парень действительно имеет, — покачал головой Полубаринов, припоминая сжатый двугривенный.

— Хотя, конечно, мы бы его в три момента выставили и пикнуть бы не дали! — хлопнул Полубаринов тяжелой пятерней Соню. Та сжалась и заойкала.

— Ну и ладошка у вас! Нечего сказать, мяконькая. Точно пудовой гирей отвесил; даже плечо занемело... у, противный... — и Соня кокетливо погрозила пальчиком.

— Яд, девка! — подмигнул ей Полубаринов, берясь за бутылку.

— Пей, братья, пей в мою голову! — вдруг вырвалось у Кочерова внезапным окриком.

Он поднялся на ноги и обвел мутным воспаленным взглядом сидящих за столом. Его лицо было пасмурно и грустно. Мокрые пряди волос бессильно прилипали к побледневшему лбу.

— Пей, пока пьется, все позабудь! — подхватила Соня, наполняя рюмку.

— Будем теперь пить три дня и три ночи! — решительно заявил Кочеров, покачиваясь всем корпусом и балансируя рукой.

— Потому — тоска... эх! Пить будем — гулять будем! — запел Полубаринов, вставая с места и выделывая ногами замысловатые кренделя.

— Пейте, все пейте! Тихон, душа ты моя, Тихон, пей! Эх... чтобы было вам чем добром помянуть Ваньку Кочерова!

— За угощенье много довольны! — пробурчал Тишка, добросовестно опоражнивая свой стакан.

— Миленький, Тиша! Возьми еще парочку рябиновой, — тянулась к Полубаринову покрасневшая и несколько растрепанная Соня.

— Действуй! Выставляй! Ванька, затягивай хоровую. Ну — «во лузях»!

Кутеж принимал размеры серьезные. В душной атмосфере зала еле мигала догоревшая лампа, а в окнах уже начинал белеть слабый рассвет... Ночь была на исходе. Федя давно уже прикорнул на диване и спал требовательным сном подростка, одурманенного алкоголем.

В спальне Кати стоял приятный розовый полусвет от поднятого фонарика.

Александр сидел в кресле и тянул коньяк с сельтерской. Катя в одной ночной сорочке, с распущенными золотистыми прядями волос, приютилась рядом с ним на ручке кресла и медленно, любовно гладила своей выхолненной рукой упругие твердые плечи любовника.

— Какой ты у меня сильный, Саша! — восхищенно шептала она, любуясь мускулами парня.
— Сильный и храбрый, за что я и люблю тебя!

Пройди-свет снисходительно улыбнулся и отпил глоток из стакана.

— Хвали, хвали, девка... Не ты первая, не ты последняя меня хвалишь!

— Знаешь что, Саша, — ласково обвила его шею девушка, — есть у тебя в глазах что-то особенное: страшное и заманчивое. Когда смотришь ты на меня и улыбаешься, вся душа навстречу тебе рвется, а если задумаешься или рассердишься как сейчас в зале, нехорошими у тебя глаза делаются... Точно ты смотришь на человека и не видишь его перед собой и не существует для тебя человека совсем... Так, вероятно смотрят закоренелые убийцы на своих жертв...

— Замолола, сорока! — грубо оборвал ее Сашка, поднимаясь с кресла. — Пусти. Домой я пойду. Здесь спать не буду!

— Саша! — умоляюще взглянула на него девушка. — Что ты рассердился?

— Ну оставь, что ты меня не знаешь, что ли! — досадно поморщился Александр, выходя из комнаты. — На вот отдашь за коньяк, — бросил он Кате смятую ассигнацию.

Проходя через опустевшую теперь залу, Александр на миг остановился перед столиком, за которым сидя, спал Кочеров.

Я нажил для себя в этом человеке непримиримого врага, — подумал он, посмотрев на

бледное, опухшее лицо спящего.

12. Приговор приводится в исполнение

Возвратимся теперь к Сеньке Козырю и Фильке, оставленных нами в то время, когда они поздней ночью пришли в квартиру Козыря. Этот поздний приход возбудил некоторое подозрение в осторожном Шумкове. Он, как человек бывалый и знакомый с нравами преступного мира, не мог не опасаться мести со стороны тех, чью опасную тайну он держал в руках.

Формально, от имени шайки, Сенька Козырь обещал ему платить известную сумму. Задержка в плате происходила, по объяснению Козыря, потому, что деньги еще не были «раздуванены». Шумков согласился подождать некоторое время, не предпринимая ничего решительного, но тем не менее, придумывал на всякий случай меры ограждения своей безопасности. Наилучшим из всех его планов ему казался следующий: составить подробное донесение полиции о всех обстоятельствах дела, известных ему, указать в этом донесении преступников, их имена и приметы и, затем объявить Козырю, что если даже его, Шумкова, и убьют, то все равно виновные не уйдут от правосудия.

Остановившись на этом плане, Василий Федорович приступил к составлению донесения, что и было им выполнено сегодня, еще днем, в перерыве между торговлей.

Переписать же это донесение, которое он хотел хранить на дне сундука вместе с книжкой сберегательной кассы и другими деловыми бумагами, ему не удалось: с вечера у него сидели гости, а потом неожиданный приход Фильки заставил его погрузиться в раздумья и отложить переписку.

Убедившись, что дверь за Шумковым закрылась и он ушел к себе, Козырь тихо прошептал товарищу:

— Ну, Филька, теперь надо за дело приниматься.

— Не лучше ли оставить до другого раза. Видишь, он, гад полосатый, держится начеку: револьвер выставил.

Филька промолчал.

Они стояли в темных сенях под лестницей, обозленные, обескураженные своей неудачей, что взять им Шумкова врасплох не удалось, а ломиться в его квартиру было глупо.

— Ну, однако, чего мы тут будем на ходу стоять — идем ко мне! предложил Козырь.

— Идем, пожалуй, — согласился Филька.

Козырь постучался в дверь своей квартиры.

— Отвори, Ольга! — сердито крикнул он на раздавшийся за дверью вопрос «кто тут».

Молодая женщина уже спала; услышав стук в дверь, она торопливо зажгла лампу и бросилась отворять.

Увидев постороннего человека, она смущенно вскрикнула и поспешила скрыться за перегородкой... Ни Филька, ни Козырь не обратили на это проявление женской стыдливости

никакого внимания. Сенька, сохраняя на своем лице выражение озлобленности, досады, молча и торопливо разделся.

Филька, не снимая шапки, присел на лавку. Оба они были совершенно трезвыми. Пьяный кураж, напущенный на себя при встрече с Шумковым, был подделан...

— Ольга, — обратился Козырь к своей сожительнице, скрывшейся за перегородкой, — одевайся проворнее, да собери нам закусить малость!

— Сейчас оденусь! — послушно отозвалась Ольга.

— Нет, черт его побери, он от нас не отвертится! — вполголоса пробасил Филька, доставая на этот раз не злополучный портсигар, а свой старенький кисет.

Козырь одобрительно кивнул головой:

— Знамо дело, не уйдет!

— Малость оплошали мы, — сокрушенно покачал головой Филька, — было бы нам сгреть его в сенях-то!

— Зевка дали! Теперича, ежели его вызвать куда с квартиры в укромное место, ни в жисть не пойдет, — задумчиво произнес Козырь, в свою очередь закуривая.

— Первое дело тебе, Филька, придется ему денег дать рублей сто...

Вроде как задаток, а то он, гад полосатый, не утерпит: «забьет плесо» (наушничать на товарищей)!

— Что ж, это можно, — согласился Филька, — нешто я за деньгами стою.

Пропади они пропадом! Живы будем — наживем! Да, ведь деньгами-то ему рта не замажешь; и опосля того «засыпать» может!

— Здравствуйте, извините, не знаю, как назвать! — заговорила Ольга выходя из-за перегородки и кланяясь Фильке.

Тот, весь поглощенный своими мыслями, равнодушно кивнул головой.

— Здоровы будьте!

Козырь, молча, хмурым нетерпеливым движением взглядом следил за движениями молодой женщины, пока она собирала закуску.

— Здесь выпивать будете, Сеня? — робко спросила она, замечая, что последний сильно не в духе. — А то, может, в горницу пойдете... только там у меня постель не убрана!

Козырь нетерпеливо махнул рукой.

— Давай поскорее, собирай. Здесь пить будем!

Ольга поставила перед ними графин с водкой, соленые огурцы и холодное мясо из щей.

— Больше у нас ничего нету... — тихо, словно оправдываясь сказала она.

— Ну, иди теперь, ложись, спи! Да что ты, голова еловая, рюмки нам ставишь — тащи стаканами! — распорядился Козырь.

Ольга поспешила выполнить это приказание, внутренне негодуя на неожиданный загул Сеньки. Она, прежде, чем уснуть, долго ворочалась на кровати за перегородкой, прислушиваясь к сдержанному говору собутыльников.

Ох, подбивает этот черт одноглазый, опять на фарт сговаривает! — думала она, ловя отрывки разговора...

Собутыльники, между тем, успели осушить добрую половину объемистого графина, слегка опьянели, покраснелись и приободрились. Разговаривали они полусшепотом не из боязни, конечно, быть подслушанными Ольгой, а просто в силу установившегося среди преступников обыкновения, обсуждать свои будущие предприятия с глаза на глаз. Но временами делали паузы, молча выпивали, крякали и опять начинали шептаться. Филька сильно настаивал на том, чтобы сейчас же, не откладывая дела в долгий ящик, вызвать Шумкова тем или иным путем в сени и покончить с ним. Козырь не соглашался с ним, предвидя неприятные для себя последствия.

— Ну, чудак же ты, — убеждал он Фильку. — Ведь ежели так сделать, то меня первым делом заподозрят... Нет ты вот слушай! Седни никак у нас четверг! Ну, ну, завтра стало быть базарный день. Придумал я, Филя, одну штуку. Слушай!!!

13. Приговор исполнен

Филя весь обратился во внимание.

— Говори, — глухо прошептал он.

— По случаю базарного дня, он, Шумков то есть, встанет рано, поедет чуть свет на базар...

— Да ты почем знаешь? — недоверчиво вставил Филька.

— Молчи, знай, да слушай. На базар он поедет у крестьян масло да яйца скупать. Это уж вернее верного. Ну так вот, надо, значит, нам его скараулить, когда он будет выезжать из дома. Время будет, говорю, ранее... Улица наша глухая... Стукнуть его хорошенько, положить на дно кошевки, закрыть рогожей и отвезти куда подальше... Понял? А кошевку и лошадь тоже в оборот пустить; к примеру сказать, к Голубку сплавить!

Филька одобрительно тряхнул головой.

— Што ж, дело подходящее. Это ты, брат, ловко придумал!

Сенька самодовольно улыбнулся.

— Небось голова-то, у меня не соломой набита. Такие ли я еще штуки придумывал! Вот только бы нам его не проглядеть. — Опасливо заметил Филька.

— Ну, вот еще! Куда он денется! До зорьки-то мы с тобой даже вздремнуть можем, — успокоил его Козырь.

Они выпили еще по стаканчику и на минуту замолчали.

— Ну, брат, Семен, — заговорил, нарушая молчание, Филька, — сказать тебе по душе, набрался я сегодня там на разборке страху, атаман наш шутить не любит. Чуть что поперек товарищеского правила — сейчас тебе крышка будет.

Козырь с любопытством, весьма внимательно слушал это откровенное признание товарища, невольно разделяя его страх и чувство беспомощности перед всеобъемлющей и непонятной властью атамана — «человека в маске».

— Недалеко ходить, — задумчиво продолжал Филька, — сам я ныне осенью парня их наших по его приказу пришил.

— А что, разве он засыпал кого!

— С пьяна проболтался... Так вот и я по глупости-то своей чуть было под беду не попал, да спасибо атаману — правильно рассудил!..

Филька крякнул и провел своей широкой ладонью по лбу, точно отгоняя воспоминания о пережитых неприятных минутах.

— Вот, что, Филя, — заговорил Козырь, — ты как человек знающий в этой компании давно находишься... Скажи ты мне, пожалуйста, что это за человек, наш атаман... Я ведь, седни только его в первый раз видел, да и то в маске.

Филька придал своему лицу многозначительное и таинственное выражение.

— То-то и оно то, братец ты мой, — зашептал он, близко пригибаясь к Сеньке. — Он завсегда в маске бывает лица его никто не видел! Как его зовут, где он живет, тоже никто не знает.

Козырь удивленно покачал головой.

— Чудно!

— Но промежду нас сказать, — продолжал Филька, — как мне слышать от Пройди-света приходилось, человек он не простой, с большой силой человек! Што захочет, то и вывернет! Конечно, я по своему серому уму много произойти не могу; но кажется мне, что большие тузы его руку держат! Вот как я понимаю.

— Ладно, поживем-увидим, а теперь не худо и вздремнуть с часик до рассвета. Ложись, Филя, на лавку. Небось не проспим.

— Што ж, пожалуй, и то дело — соснем малость, — согласился Филька, растягиваясь на лавке во весь свой огромный рост.

Козырь достал из жилета часы и заметил время.

— Сейчас два часа... До пяти смело спать можно, — с этими словами он взялся за лампу и ушел к себе за перегородку.

Первым проснулся Филька. Прислушиваясь к дыханию спящих за перегородкой, он старался определить, который сейчас может быть час.

— Как бы не опоздать, — озабоченно думал он. — Козырь, а, Семен... тихо окликнул он товарища, но тот уже тоже проснулся и возился за перегородкой, зажигая лампу.

— Скоро будет светать, — объявил Козырь, выходя из-за перегородки с лампой в руках. — Пора собираться!

Филька начал быстро одеваться, тревожимый одной мыслью, как бы не опоздать.

— За воротами я подожду, около заплота притулюсь, — бормотал он, затягивая опояску.

— Вместе пойдем, — начал было решительно Козырь, но Филька решительно заявил:

— Нет, Семен, не хочу я тебя в это дело втягивать, спасибо, ты помог мне, а уж кончать буду я один... Мой конь — мой и воз! Для ча тебе на рожон лезть: может, засыплюсь я, так ты в стороне будешь...

— Вдвоем-то оно славней бы, лучше было, — нерешительно замялся Козырь.

— Чего там лучше! Один управлюсь... Ну, ты выпусти меня из калитки!

Осторожно, не производя ни малейшего стука, Козырь и Филька вышли в сени и прокрались к калитке. Разговаривать теперь было некогда. Козырь молча выпустил товарища на улицу, запер за ним дверь и вернулся в свою квартиру...

Выйдя на улицу, Филька огляделся и облегченно вздохнул: улица была погружена в глубокий сон и никто не мог заметить его выхода из дома Шумкова. С левой стороны около ворот намело высокий сугроб снега; сюда-то и направился Филька. Спрятавшись в сугроб, он стал терпеливо поджидать свою жертву.

...Время шло. На востоке забелела полоска зари. Кое-где, в соседних домиках замелькали огоньки. Зимний день на начинался.

Филька успел порядочно продрогнуть в своей засаде, прежде чем его чуткое ухо уловило скрип шагов и возню на дворе.

— Должно, лошадь запрягает, — подумал Филька.

Прошло еще с полчаса и ворота растворились. Шумков вывел лошадь на улицу и повернулся притворить за собой ворота. Он, как это и предвидел Козырь, собрался на базар, чтобы пораньше перехватить подгородних крестьян и задешево купить у них кой-каких продуктов для лавки, корыстолюбие прасола погубило его.

Филька, убедившись, что никто из домашних не провожает его, решил действовать сейчас же. Улица была по-прежнему пустынна. Шумков, приперев ворота, сел в кошевку, и не торопясь стал разбирать вожжи. В эту минуту страшный удар по затылку вышиб его из памяти. Он бессильно повалился на дно кошевки и хрипло застонал. Железная рука Фильки сжала горло несчастной жертвы и... Приговор шайки «мертвая голова» был исполнен. Убийца хладнокровно уселся на труп и шевельнул вожжами. Отъехав две, три улицы, он остановился среди пустынного переулка, вдоль которого тянулся высокий забор, выбросил свою жертву в снег и погнал лошадь.

14. Нераскрытая тайна

Выкинув свою жертву в снег, Филька минут через 10 бешеной езды по улицам Томска, натянул вожжи и сдержал коня. Он чувствовал себя в полнейшей безопасности. Свидетелей страшного дела, совершенного им не было; оставалось только спрятать следы преступления — разделаться с лошадью. С этой целью Филька повернул за исток и, проехав ряд глухих переулков, остановился перед большим деревянным домом в два этажа. Заведя лошадь во двор и привязав ее над навесом, он поднялся в на крыльцо. Здесь ему встретился высокий широкоплечий татарин в бешмете нараспашку. Это был хозяин дома. При виде Фильки, он быстро окинул его пристальным взглядом маленьких раскосых глаз, полных хитрости и холодного жестокого блеска.

— Здорово, Ахмет! — протянул ему руку Филька.

— Здорово, здорово, знакомый! Ходи комнатам, — гостем будешь отозвался Ахмет, мысленно задавая себе вопрос: зачем это пожаловал к нему Филька. Они были знакомы не со вчерашнего дня и Ахмет неоднократно реализовал плоды ночных экспедиций Фильки и его товарищей.

— В комнату после пройдем, а теперь айда на двор — дело сеть, возразил на приглашение Филька.

— Какой такой — дело, — насторожил свое внимание татарин.

— Конь с упряжкой! — хлопнул его по плечу Филька.

Специальностью Ахмета была скупка и перепродажа краденных лошадей.

— Ну, идем, знакомый — смотреть будем!

Они спустились с крыльца и подошли к лошади. Ахмет, обнаружив глубокое знание дела, принялся осматривать лошадь, упряжь, кошевку. Филька молча следил за его манипуляциями и, наконец, не вытерпел.

— Слушай, князь, нечего нам время зря терять. Дорого я тебя я не возьму. Говори прямо, сколько дашь!

— Смотреть надо мало-мало... потом сказывать будем, — уклончиво ответил татарин.

— Вот, чертова лопатка! — обругался в душе Филька, которому было безразлично — за сколько бы не продать лошадь, лишь бы поскорее с рук сбыть. — Чего там смотреть! Давай четвертной билет, и дело с концом!

Татарин щелкнул языком и удивленно посмотрел на Фильку. Лошадь с упряжкой на его взгляд стоила рублей двести.

— Четвертную дать можно... отчего не давать... Давать будем. Ходи, знакомый, комнатам — магарыч пить будем! — спешил согласиться на столь выгодную сделку Ахмет.

— Только ты, слышь, коняку этого у себя не держи! — многозначительно заметил Филька. — Дело серьезное может быть. Оттого и отдаю задаром!

— Зачем держать, Иркутск отправлять будем... шерсть красить будем... гриву менять будем. Бумагам написать — все по форме! — бормотал Ахмет, быстро выпрягая лошадь. Обычные приемы конокрадов, употребляемые ими с целью изменить внешний вид лошади, заключался главным образом в искусственной подделки масти, в перегибе гривы на другую сторону, в наложении фальшивых клейм. Все эти приемы и многие другие с успехом применялись Ахметом в его операциях с лошадьми. Был у него и человек, бывший полицейский писец, прогнанный со службы за пьянство, который аккуратно и за дешевую цену изготавливал «бумаги» — т. е. фальшивые удостоверения на продажу лошадей.

Дело было поставлено на широкую ногу.

Проводив Фильку, Козырь не ложился больше спать. Он погасил лампу, закурил папиросу и уселся около окна, прислушиваясь, не выходит ли Шумков.

Когда Шумков наконец уехал, Козырь разбудил Ольгу и велел ей поставить самовар. Время было около шести часов. Начало светать. Поставив самовар, молодая женщина начала растапливать печь, искоса посматривая на своего благоверного. Сенька был пасмурен и молчалив и только за чаем лицо его несколько прояснилось и он довольно-таки ласково заметил:

— Вот что, Оля, возьми-ка себе в память, никому не говори, что у нас ночью был Филька... Поняла? Боже тебя сохрани проболтаться!

— Ну вот еще выдумал! С кем я буду разговаривать, разговоры-то... Знаешь сам — не охотница до пересудов! — просто ответила Ольга.

— То-то же, смотри!

Кончив чаепитие, Козырь посмотрел на часы.

— Семь часов... Чай лавка открыта... пойти табаку купить! — и он взялся за шапку.

Убедившись, что снаружи лавка Шумкова еще заперта Сенька прошел в его квартиру.

В кухне около ярко пылающей печки возилась жена Шумкова.

— Здравствуйте, хозяйюшка, с добрым утром! — поклонился ей Козырь.

— Вас равным образом, — ответила она, на минуту оставляя свое занятие.

— Что это вы магазин-то не отворяете, — продолжал Козырь.

— Самого-то нет дома, на базар уехал! — спокойно отозвалась хозяйка.

— Да когда это он успел, рань такая! — притворно удивился Козырь. — Эка жалость, не знал я. Мне тоже на базар надо, подвез бы он меня!

— Чуть зорька поднялась, — продолжала хозяйка рассказывать. — День-то сегодня базарный, вот он и поторопился, чтобы, значит, крестьянишек перехватить.

— Так, так, дело понятное! Потрудитесь, хозяйюшка, табачку мне отпустить; за тем и пришел. Смерть курить хочется, а дома весь вышел!

— Какого вам табачку, — спросила Сеньку Шумкова, намереваясь идти в лавку.

— Асмоловский я куплю, второй сорт, в сорок копеек. Полфунта дайте и гильз пятьсот штук.

Получив требуемое, Козырь простился с хозяйкой и вышел, будучи вполне доволен своим посещением, принятым им с той лишь целью, чтобы жена Шумкова могла удостовериться в случае надобности о его присутствии дома в это утро. Прошло около суток, а Василий Федорович не возвращался. Сенька, по просьбе его жены, ездил искать Шумкова по трактирам, по знакомым и, вернувшись домой поздно вечером, объявил плачущей женщине, что муж ее исчез, как в воду канул. Он же посоветовал ей сделать заявку в полицию.

Дня через два после убийства Шумкова, труп которого был поднят в глухом переулке и опознан женой покойного, в дом Шумкова явилась полиция и понятые для того, чтобы опечатать лавку. Случайно во время разбора торговых документов и других бумаг, лежащих на прилавке, в руки одного из полицейских попал полулист серой плотной бумаги, в которую обыкновенно лавочники завертывают отпускаемый товар. Бумага эта была вся исписана рукой Шумкова.

Заголовок: «Господину полицмейстеру!» — Обратил внимание чиновника и он внимательно рассмотрел этот документ, содержащий следующее:

«Чсть имею донести вашему высокоблагородию, что мною, нижеподписавшимся, обнаружены люди преступного поведения, коими людьми совершено злодейское убийство — удушение с целью грабежа именитого купца и уважаемого гражданина, господина Изосимова...»

Чиновник еле верил своим глазам от удивления.

«Как людям этим, — продолжал он читать, вполне известно намерение мое предать их на суде надлежащих гражданских властей, то предположено думать, что они злодеи в уме своем таят на меня немалую злобу а потому и в ограждение личности своей своей, письменно удостоверяю, что по этому делу мне известны трое: один из них...»

На этом месте любопытный документ прерывался: другая половина листа была оторвана. Показав этот документ жене Шумкова, спросили ее, не видела-ли она его ранее. Безграмотная, убитая горем женщина на все расспросы еле отвечала:

— Может, и видела... Не знаю... Бумаги у нас на прилавке много лежит. Почему я знаю.

Таким образом, вторая половина предсмертного письма Шумкова осталась не найденной, и разгадка тайны двойного убийства исчезла вместе с этим обрывком бумаги, послужившем, быть может, для обертки мыла, или сальной свечки.

15. Загорский вернулся

Время шло, а о Сергее Николаевиче Загорском по-прежнему не было никаких известий. Напрасно старик Панфилич старался развлечь и успокоить Таню. Бедняжка страшно скучала и беспокоилась о Загорском. Расстроенное воображение рисовало ей самые ужасные картины: то видела она своего любовника бездыханным трупом, лежащим в таежной глуши, то ей иногда приходило на ум, что он окончательно бросил ее и уехал далеко, далеко — в Россию.

Тянулись длинные скучные дни в четырех стенах старого дома, глухие безмолвные ночи приносили кошмарные сны. И Таня томилась, бледнела, таяла, как восковая свечка среди одиночества и тишины старого барского дома...

Но опасения ее были напрасны: Сергей Николаевич вернулся.

Ранним утром, чуть брезжило, к воротам спящего еще дома лихо подкатила тройка, запряженная в небольшую кошевку.

Таня, промучившись от бессонницы целую ночь, только перед утром заснула. Сон ее был так крепок, что она не услышала шума, вызванного приездом Загорского. Сергей Николаевич раздевался в прихожей, равнодушно и молча выслушал радостное приветствие старого слуги и затем прошел к себе в кабинет. Он был, видимо, утомлен, точно не спал несколько ночей. Глаза смотрели хмуро и сонно. Панфилич мелкими стариковскими шажками плелся вслед за ним, понутив свою седую голову. Загорский, войдя в кабинет, прежде всего подошел к своему письменному столу и начал перебирать накопившуюся за время его отсутствия почтовую корреспонденцию. Здесь были журналы, газеты, несколько писем. Быстро просматривая письма, Загорский обменялся несколькими беглыми замечаниями с Панфиличем.

— Таня еще спит...

— Спит... Вечер поздно легла. До вторых петухов огонь в ихней спальне горел. Скучала она без вас, места не находила.

— Гм, ты ее не буди. Никто не был без меня.

— Никого не было. Прикажете кофе подать.

— Нет, приготовь мне прежде всего ванну, да принеси горячей воды для бритья!

Час спустя, Загорский, освежившись принятой ванной, с удовольствием ощущая на отдохнувшем теле чистое тонкое белье, тщательно выбритый и надушенный, сидел в столовой в ожидании кофе, закипавшего на спиртовке, просматривал последнюю книжку журнала. Где-то в глубине комнат раздавался громкий радостный голос Тани. Хлопнула дверь и послышались легкие торопливые шаги.

— Проснулась! — улыбнулся Загорский, откладывая журнал в сторону.

В столовую вбежала Таня, вся покрасневшая от счастья, взволнованная и полуодетая. Проснувшись и узнав о приезде Загорского, она едва имела терпение умыться и наскоро сделать прическу. Ее радостные чистые доверчивые глаза на мгновение встретились со спокойными и, как ей показалось, равнодушными глазами Загорского.

Девушка замерла на месте. В голове ее мелькнула мысль, что он оттолкнет ее от себя и скажет, что она ему не нужна! Большая и шумная радость первых минут уступила в ней место робкому и томительному ожиданию.

— Что же ты, Таня, опешила. — Удивленно спросил Загорский, — или не узнаешь меня.

Этих немногих слов было достаточно, чтобы Таня, выйдя из своей нерешительности, бросилась к нему на шею.

— Сережа! Милый мой... как я скучала о тебе! — шептала она, и смеясь и плача одновременно.

— Отчего же ты не писал мне!

Загорский снисходительно улыбнулся и, слегка обнимая Таню за талию ответил.

— Как же я мог писать. Ведь я, ты знаешь, был на охоте, в лесной глуши, где нет почты... Расскажи лучше, что ты без меня делала.

— Что я делала. Скучала, ждала тебя и... — Таня виновато улыбнулась, гадала на картах.

— Даже на картах гадала! Ах, ты, птичка моя, — ласково рассмеялся Загорский, привлекая к себе девушку. — Что же сказали тебе твои карты!

— Все выходило очень плохо: дальняя дорога, болезнь. Ну да это пустяки! Теперь я не верю картам! — и Таня нежно прижалась к Загорскому.

Утренний кофе был выпит и Сергей Николаевич, посмотрев на часы, обратился к Тане.

— Мне нужно сейчас ехать по делу... Обедать ты меня не жди. Надеюсь, теперь ты не будешь скучать.

Таня нахмурила личико, но ничего не сказала, боясь рассердить своего возлюбленного.

— Сережа, ты пораньше возвращайся домой, — не вытерпела наконец она, провожая его в прихожей.

— Постараюсь! Но меня с утра задержат дела. Во всяком случае, ты будешь умницей, не скучай!

Выйдя из дома, Загорский взял извозчика и поехал к Краверу. Тот жил в собственном доме, на одной из главных улиц города.

— Дома Рудольф Карлович? — спросил Загорский у горничной, отворившей ему дверь.

— Дома! Пожалуйста.

Кравер встретил своего гостя на пороге своего кабинета.

— Кого я вижу! — воскликнул он преувеличенно радостным тоном. — Томский немврод возвратился из своей экспедиции и с многочисленными трофеями!

— Ну, трофеи мои, пожалуй, невелики! — спокойно отозвался Загорский, обмениваясь с хозяином крепкими рукопожатиями. — Охота была неудачной: новой медвежьей шкуры привезти не удалось.

— Очень грустно, — сочувственно покачал головой Кравер. — Садитесь сюда, пожалуйста! — он пододвинул гостю мягкое кресло. — А я вспоминал вас, дорогой мой Сергей Николаевич, не далее как сегодня утром, — продолжал Кравер, закрывая дверь кабинета.

— О? — небрежно спросил Загорский, закуривая папиросу.

— Дело в том, что сегодня бенефис нашей несравненной Дерюгиной. Идет два акта «Цыганского барона» и «Цыганские песни в лицах». Дерюгина в «Цыганском бароне» прелестна. Вы помните, наверное, какое впечатление произвела она при первой постановке этой оперетки! Фурор! Так вот, между поклонниками ее молодого симпатичного таланта явилась мысль поднести ей сегодня подарок... Составилась подписка... Мы, инициаторы этого дела, остановили свой выбор на бриллиантовой броши... Пойдите, я ее сейчас вам покажу.

Кравер открыл один из ящичков письменного стола и достал оттуда футляр.

— Не правда ли, прелесть? — самодовольно спросил он Загорского, открывая футляр. На темно-малиновом бархате ярко блеснули крупные бриллианты.

— Однако, — качнул головой Загорский. — Въехал вам в копеечку этот подарок!..

16. На бенефисном спектакле

— Тысячу рублей с лишком заплатили, — небрежно заметил Кравер. Обратите внимание на подпись. — Продолжал он, указывая на изящную гравировку на внутренней стороне брошки. Загорский прочел:

«Надежде Александровне Дерюгиной от почитателей ее таланта».

— Правильно было бы сказать: от почитателей ее пышного бюста и стройных ножек! — усмехнулся Загорский, возвращая Краверу футляр с брошкой.

Рудольф Карлович даже руками замахал.

— Ну, ну, уж вы скажете! И причем тут ножки и бюст, когда все мы по справедливости должны признать в Дерюгиной незаурядный талант. Собственно говоря, мне-то все равно, и я не буду с вами спорить, Рудольф Карлович! Дайте мне подписной лист и я присоединю свою фамилию к вашим подписям.

— К вашим услугам, — заторопился Кравер, вынимая из бумажника, аккуратно сложенный лист бумаги. Загорский развернул его и, быстро пробежав глазами ряд знакомых фамилий,

вооружился пером.

— Пожертвую ей четвертной билет, куда ни шло! — процедил он сквозь зубы, подавая Краверу деньги.

Разговор оборвался... Гости и хозяин сосредоточенно молча курили, окружая себя густыми клубами дыма...

— Теперь вы мне расскажите, что нового в Томске, — нарушил, наконец, молчание Загорский. Он зевнул, потянулся, бросил окурочек и выразительно посмотрел на Кравера.

— Нового ничего особенного нет, — пожал тот плечами. — Была порядочная игра в клубе... Приезжал один купец из Читы. Кроме того, сильно играл Береговский, знаете этот железнодорожный подрядчик!

Загорский утвердительно кивнул головой. Легкая саркастическая улыбка мелькнула на его губах:

— И вы, вероятно, играя с этим подрядчиком, вспоминали господина Шельмовича. Тоже ведь, «подрядчик» был, только несколько опытнее Береговского!

Кравер недовольно поморщился: он до сих пор не мог равнодушно вспоминать про свою неудачную игру с этим аферистом, оказавшимся таким докой в благородном искусстве метать банк, что Рудольфу Карловичу в пору было поучиться у него. Да...

— Да... Тот молодчик порядочно-таки обчистил вас, — спокойно произнес Загорский, с комфортом располагаясь в своем кресле и внутренне наслаждаясь досадой Кравера.

— Пхе, рыцарь из-под темной звезды! — отозвался Кравер. — Каждый может попасть впросак! Нашла коса на камень, как говорит пословица. Да, — поспешил Кравер переменить разговор, — приехал из-за границы Капитон Матвеевич...

— Ильницкий!

— Да... Рассказывают, что проиграл в рулетку, в Монако, больше ста тысяч франков!

— Неужели! — удивился Загорский. — Проигрыш большой. Давно он возвратился?

— Дней десять тому назад. Сегодня, между прочим, он обедает у меня, а вечером мы отправляемся вместе в театр. Надеюсь, и вы, дорогой мой, будете с нами. У меня взята ложа.

Загорский кивнул головой.

— А после спектакля проектируется ужин — в «России». Нужно достойным образом справить день театральным именин нашей божественной Надежды Александровны!..

Прятели обменялись еще несколькими незначительными фразами.

Загорский нехотя рассказал два-три эпизода из своей театральной последней охоты. В это время горничная доложила о приезде Ильницкого... В кабинет вошел невысокого роста брюнет, живой и развязный в движениях, с веселым выражением смуглого лица цыганского типа. На нем безукоризненно сидел черный смокинг, сшитый по самой последней моде. Небольшая борода была подстрижена а-ля Генрих IV. Все своей внешностью и манерами господин Ильницкий производил впечатление вполне светского человека, внешний лоск, непринужденность и развязность были приобретены им в своих скитаниях по отечественным и заграничным курортам. За всем тем, г. Ильницкий — богатый наследник старой

золотопромышленной фирмы, — был человек деловой, предприимчивый и даже заслужил себе в золотопромышленном мире прозвище: «сибирский Сесиль Родс».

Войдя в кабинет и увидев Загорского, Ильницкий широко улыбнулся, блеснув своими жемчужной белизны зубами.

— Кого я вижу! Мой счастливый соперник по охоте вернулся! Здравствуйте, Рудольф Карлович! Руку вашу, мой молодой друг!

Надо сказать, что Ильницкий сам был страстный охотник и отличный стрелок. С Загорским они неоднократно охотились вместе.

Появление Ильницкого внесло заметное оживление... Завязался общий разговор.

— Вот что, господа, — предложил Ильницкий, — на следующей неделе я еду в тайгу — на прииски. Сейчас самое время охотиться на оленей. Не пожелаете ли вы мне сопутствовать. Съездили бы недельки на две. А охота, ручаюсь, чудная будет!

Загорский с сожалением заметил:

— С большим бы удовольствием воспользовался вашим предложением, Капитон Матвеевич, но не могу: дела!

— Ну, какие у вас дела! — махнул рукой Ильницкий. — Разве какая-нибудь новая интрижка!..

После обеда в кабинет были поданы кофе и ликеры. Беседа затянулась.

Было уже около семи часов вечера, когда Загорский вспомнил, что ему нужно заехать домой — переодеться перед театром.

— Смотрите, не опоздайте к началу! — предупредил его Кравер.

Дома Сергей Николаевич на минутку зашел в комнату Тани, пошутил с ней и успокоил ее обещаниями вернуться после спектакля сразу домой.

Облачившись в сюртук и освежив лицо одеколоном, Загорский поспешил в театр.

Ильницкий и Кравер уже сидели в ложе, когда приехал Загорский, бодрый оживленный, раскрасневшийся от мороза.

— Надеюсь, не опоздал. Однако, и народу сегодня... полный сбор!

— Продали подставные стулья, — заметил Кравер.

Оркестр заиграл увертюру.

— Славная музыка у этого Штрауса! — заметил Ильницкий, слегка покачивая головой в такт музыке.

— Господа, обратите ваше внимание! В ложе бельэтажа, третья справа, сидит эффектнейшая блондинка, — оживленно зашептал Ильницкий, передавая Краверу бинокль. — Кто бы это мог быть? Очень интересная женщина!

Загорский посмотрел по указанному направлению, слегка нахмурился и небрежно ответил:

— Горизонталка какая-нибудь!

В ложе, привлечшей внимание Ильницкого, сидела Катя вдвоем с Кочеровым. Она

действительно выглядела сегодня очень эффектно. Черное шелковое платье, отделанное белым гипюром, плотно облегалo ее стройный стан и высокую грудь, пышные золотистые волосы были собраны в модную прическу и красиво оттеняли ее розоватый тон ее щек и томный манящий взгляд искусно подведенных глаз. Кочеров был вправе гордиться своей дамой.

Сам он, в модном сюртуке и белом галстуке, напомаженный и надушенный, весь сиял от восторга. На днях ему удалось занять под вексель несколько сот рублей и теперь он чувствовал себя наверху блаженства, прогуливая эти деньги при благосклонном участии Кати.

— На кого это вы воззрились, Катя? — обеспокоенно спросил Иван Семенович, заметив, что его подруга нервно наводит бинокль на одну из лож будуара, именно на ту, где сидел Кравер и его спутники.

— Лицо одно, как будто знакомое, увидела... — ответила Катя, не отрывая глаз от бинокля. — Подозрительно странное сходство! — подумала она вслух, опуская бинокль.

— Что такое? — не понял ее Кочеров.

— Ничего... будем слушать пьесу! — оборвала его Катя.

17. Деловое предложение

Несчастливая страсть Кочерова к Кате совершенно вышибла его из колеи. Он, что называется, закрутился. Холодная, эгоистичная натура его любовницы, разорившей в прошлом не одного юнца из московской золотой молодежи, требовала все больших и больших жертв. Для того, чтобы иметь возможность ужинать со своей любовницей в первоклассных ресторанах, для того, чтобы наряжать ее по последней моде, нужны были, разумеется, деньги и большие деньги. Кочеров, теперь уже не ограничивавшийся тем, что брал полностью в свое распоряжение доходы с домов, принадлежащих его жене, писал и переписывал векселя, все более и более запутывался в долгах. И настало, наконец то время, когда ему пришлось в первый раз совершить «деяние, караемое законом». Говоря проще, он прибегнул к подделке подписи своей жены, так как без этой гарантии он нигде не мог достать денег. А деньги нужны были до зарезу: Катя, потерявшая из вида своего обожания предмет — Сашку Пройди-света, пустилась в самый отчаянный кутеж, безжалостно обирая податливого поклонника. Иван Семенович переживал тревожные дни. Постоянное пьянство, бесшабашной разгул, одуряющие ласки любовницы, — все это не могло однако уничтожить в его душе гнетущее чувство, что час расплаты приближается. Он целыми сутками не бывал дома, махнув рукой на сетования стариков и молчаливые упреки жены.

— Будь, что будет! — утешал он себя в минутные раздумья.

Время шло, таяли денежки, приближался срок уплаты по векселям.

В один прекрасный весенний день наш герой проснулся после весеннего загородного пикника с печальным сознанием, что если к будущей неделе в кармане у него не будет по меньшей мере тысячи рублей, вексель с бланками жены опротестуют и ему неминуемо придется познакомиться с прокурором.

Такая перспектива не могла, конечно, подействовать успокоительно на душевное состояние Ивана Семеновича. Надо что-нибудь предпринять, что-нибудь сделать! — растерянно думал

он, уже ощущая на своей спине символическую фигуру бубнового туза. Он решил посоветоваться с Кондратием Петровичем, от которого у него не было секретов. Егорин встретил своего родственника не особенно приветливо. Он казался озабоченным чем-то и приход Кочерова видимо помешал ему.

— Ну, что скажем, кутило-мученик? — холодно спросил он, хмуро уставившись на помятое от бессонной ночи лицо. — Ежели денег займы хочешь просить, наперед говорю — не дам, потому у самого нет!

Иван Семенович сбивчиво, несколько смущенным тоном объяснил ему цель своего прихода.

— Вот, брат, открылся тебе как на духу... Теперь посоветуй, что делать! — закончил свое признание Кочеров. Кондратий Петрович молча, не прерывая ни одним словом, выслушал его рассказ.

— Тэк-с! — насмешливо протянул он, барабанив пальцами по столу. Значит, влопался! Эх, Ваня, говорил я тебе, сгубят твою голову красные девицы... Так оно и вышло! Дело, брат, табак! Не миновать тебе арестантского халата.

Кочеров принужденно улыбнулся. Губы его нервно дрожали, искривляясь в деланной улыбке...

— Авось, как-нибудь вывернусь! — пробормотал он.

Егорин покачал головой и пренебрежительно заметил.

— Жидок же ты, Ваня, как я посмотрю, на расплату. Блудлив, как кошка, труслив, как заяц!

Иронический тон этих слов задел за живое Кочерова.

— Ну, это ты, Кондратий Петрович, напрасно... Не больно-то Ванька Кочеров труслив. По мне так: раз мать родила — так и умереть один раз!

Дальше солнца не сошлют!

В голосе Ивана Семеновича звучали искренние ноты. Видно было, что теперь ему, как человеку, дошедшему до отчаяния, все равно.

— Верно, Ваня! Дальше солнца не сошлют, — медленно повторил Егорин, занятый какой-то новой мыслью. — Так... не падай духом! А может...

Тут Егорин нерешительно остановил своей испытующий взгляд на лице Кочерова, который выжидательно смотрел на него.

Наступила пауза...

— Ну, говори дальше, что ты замолчал, — напомнил Иван Семенович.

— Может, говорю и не придется тебе в тюрьму попасть. Все от самого себя зависит! — и Егорин таинственно прищурил левый глаз.

— Да говори толком, в чем дело... Чего ты вокруг да около ходишь! досадно отозвался Кочеров.

Егорин встал, подошел к двери, припер ее поплотнее и, убедившись, что их никто не может слышать, близко подошел к Кочерову. Выражение его лица было серьезное и многозначительное. В глазах мелькала скрытая боязнь.

— Вот что, Иван, — напряженно заговорил он, кладя руку на плечо Кочерова. — Можно твоему горю подсобить! Деньги у нас будут. Ежели ты сам того захочешь. Случай такой предстоит, что в одну ночь можно десять тысяч взять, понял. Надо только суметь сделать... Говори прямо: согласен ты со мной в долю идти и по моим словам действовать? Не струсил?

Кочеров, не понимая еще хорошенько, в чем дело, молча кивнул головой.

— На все согласен? — подчеркнул Егорин.

— Да на что, на все? Не понимаю я...

— Ты вот один раз уже фортель выкинул — подпись-то подделал, но это все пустяк, а теперь я тебе предлагаю настоящее дело... Деньги взять не шутка, а коли придется за «манишку» кого взять, это как ты надумаешь.

Егорин отступил на шаг назад и пристально наблюдал какое впечатление произвели его слова.

— Понимаю! — глухо прошептал Кочеров, садясь к столу и закрывая лицо руками. — Понимаю теперь, в чем дело! — повторил он, весь подавленный страшными словами своего собеседника.

— Ну, коли понял, так и ладно. Решай теперь, пан или пропал!

Кочеров молчал... В душе его боролись противоречивые чувства: и опасения за свою жизнь, и жажда быстрого обогащения, и боязнь показаться трусом в глазах Егорина... Не проснулась только в этой молодой безвольной душе, рано утратившей и совесть и веру, ни одного возмущенного порыва нравственного чувства.

И оба они, Кочеров и Егорин, оценивая кровь своего ближнего, ни разу не взглянув на тот угол комнаты, откуда смотрел на них всевидящий и всепрощающий лик Христа.

— Ладно! Согласен! — вырвалось наконец из уст Кочерова. — Раз мать родила!.. Эх, Катя, все для тебя!..

Первый шаг по роковому пути был сделан!

18. На пароходе

Теплая июльская ночь стояла над городом.

Несмотря на поздний час, по тротуарам большой улицы оживленно и часто мелькали темные фигуры прохожих, возвращавшихся из городского парка...

В темноте красными точками вспыхивали огоньки папирос. Слышался женский смех, обрывки разговоров, топот ног. В воздухе было душно и знойно. Чувствовалась близость грозы. Где-то, в темной дали за рекой, то и дело играли синевато-белые вспышки молний.

На городской пристани, не переведенной еще на Черемошники, благодаря высокой воде, стояло два парохода. Белые матовые шары электрического освещения, зажженные на верхней палубе, своим белым, холодным светом делали и рубку и скамейки, расставленные по бортам, и металлический тент над кормой, точено нарисованными на черном фоне ночи.

Черная полоса воды, между причальными баржами и берегом, в некоторых местах — там, где ее касались отблески света горела дрожащим серебром.

Далеко вниз по берегу, чернели неподвижные силуэты, на мачтах которых дрожали красные точки фонариков.

На верхней палубе одного из пароходов пассажирского сообщения, за небольшим столиком сидели Егорин и Кочеров.

Столик их стоял под тентом, где было темно и пусто. Из серого полумрака резко выделялись белые пятна скатертей и белый пикежный жилет Кочерова. Стоявший перед ними графин был более чем наполовину пуст. Но обстоятельство это, по-видимому, не отразилось на собеседниках, в смысле подъема настроения. Егорин молча курил, сбрасывая пепел в тарелку с остатками уже застывшей ухи, а Иван Семенович, также сохраняя молчание, подперев голову рукой, задумчиво смотрел в темноту душной ночи. Из-за реки слабо доносился легкий чуть уловимый аромат травы, цветов, смолистого бора.

— Гроза, пожалуй, соберется... — медленно и тихо выговорил Кочеров, наблюдая за быстро сменяющимися вспышками синих огней...

— Да... душно в воздухе! — уронил Егорин, занятый в это время другими мыслями. С юта долетел до них взрыв громкого, оживленного смеха... Там, за двумя сдвинутыми столами ужинала какая-то веселая большая компания.

Светлые платья дам, их легкие ажурные шляпы, серебряный холодильник с шампанским, звонкий веселый смех и доносившаяся оперная ария, казалось, говорили о легкой и беззаботной жизни, о красивом и смелом чувстве весенней любви, опьяняющей, как шампанское и исчезающей так же как и его пена...

— Ну, давай твою рюмку... выпьем! — предложил Кондратий Петрович.

Кочеров потрянул головой, точно желая отогнать неприятные мысли и решительным тоном сказал:

— Выпьем!

Холодноватая острая и жгучая влага вызвала у Кочерова легкое покашливание. Он машинально очистил головку редиски, посолил ее и отправил вслед за рюмкой.

— Надо кончать поскорее, да идти... время уже! — понижая голос, заметил Егорин, протягивая руку к графину.

Они выпили еще и еще... Кочеров жадно опрокидывал рюмку за рюмкой, радуясь, что нашел исход гнетущему его настроению. От выпитого по всему телу шла приятная, нежаркая теплота. Какая-то странная и приятная дымка заволакивала сознание... Не хотелось больше думать о том страшном и неотвратимом, что ожидает его сегодня...

И когда из открытых окон кают-кампании громко и возбужденно поплыли по ночному неподвижному воздуху звуки пианино, Кочеров широко вздохнул всей грудью, почему-то беспричинно рассмеялся и потянулся к Егору:

— Совершим, брат, опрокидончик... Что ты, как сыч, сидишь. Ходи веселей!

Он выпил, слегка поморщился и опять оживленно заговорил:

— Знакомый, черт побери, мотив, а не могу вспомнить! Ах, да! Это — из «Кармен»... Помнишь, «тореадор, смелее». Эх, люблю музыку! Душа моя музыка!

Кочеров широко улыбнулся и потрянул кудрями.

— Ишь, ты... Музыкант какой, — полунасмешливо, полудосадливо протянул Егорин...

Ему было неприятно и казалось очень странным, что Кочеров, видимо, забыл о предстоящем деле.

— Опынел, парень, — раздраженно подумал он, — как бы не размяк совсем. А то дело дрянь будет.

Точно предугадывая его мысли, Иван Семенович в это время перегнулся через стол и твердо шепнул:

— Теперь я в самом раз готов... Хоть к черту на рога!

— Молодец, Ванька! — одобрительно похлопал его по плечу Егорин. — Что нам трусу праздновать! Мы ли не молодцы! Жены ли наши не куры! — и он рассмеялся тихим дробным смешком, в котором слышались какие-то нотки странные.

— Время идти... Одиннадцать часов скоро! — шумно отодвинул свой стул Егорин, выходя из-за стола.

— Идем! — согласился Кочеров, застегивая свое летнее пальто английского фасона из непромокаемой ткани.

Подозвали лакея, расплатились и сошли с парохода. На улице теперь было пусто и тихо. Где-то далеко в стороне дребезжали ночные извозчики, спешившие, очевидно, на пристань, в надежде встретить засидевшихся в буфете гуляк. Резко и оглушительно застучала над самым ухом Кочерова колотушка ночного сторожа, невидимого в темноте.

— Та, та, та, — отшатнулся в сторону Кочеров, — испугал даже!

Нервы его были натянуты до предела!

19. Новая жертва

Кочеров и Егорин шагали напрямик по темной и безлюдной базарной площади.

— Ну, Ваня, я тебе еще раз повторю, чтобы лучше помнил как и что надо делать. Придешь ты в собрание, первым делом замечай, тут ли он... Следи за ним до конца, но старайся это делать так, чтобы он не заметил.

— Ладно, знаю, ведь я... Что двадцать раз повторять — досадливо поморщился Иван Семенович.

Но Егорин, не слушая его, продолжал.

— А как будет публика выходить, ты пораньше оденься и жди внизу около вешалок... Будто бы ожидаешь кого из знакомых! Гляди в оба: один он пойдет домой, или с кем-нибудь. Если пойдет один, тогда ты иди вперед его и, поравнявшись с первым окном, которое я тебе показывал, остановись на минутку и чиркни спичкой, папиросу начни закуривать... Закурив, пройди вперед за угол соседнего дома и спрячься там в палисаднике... Когда я свистну — беги ко мне я передам тебе шкатулку... Прячь ее под полу и беги на дворянскую улицу. Как из калитки выйдешь, повертывай направо и беги к соборной площади... Тут уж иди шагом,

спокойно к себе. Лучше всего, пошатываясь немного, песню мурлычь себе под нос, будто пьяный. А ежели иначе, погоня будет, беги что есть духу, сам кричи: держи, дескать! Извозчика бери, у «России» они до утра стоят, кричи ему, чтобы он скорее гнал: обокрали, дескать, меня и воришка впереди бежит, так надо его догнать... Направляй извозчика на Верхнюю Илань и там, где-нибудь в удобном месте,хвати его кастетом по башке, так, чтобы с ног свалился...

Норови ударить прямо по темени. Сам тогда с дрожек долой и направляй лыжи ко мне домой... Понял! Не перепутаешь!

— Ну вот еще! Что я — малый ребенок, что ли.

Они прошли некоторое время молча; затем Кондратий Петрович понизил голос до шепота и замедлил шаги.

— А ежели, в случае чего, неустойка какая выйдет... Шум поднимется, тогда уж тоже не робей.

— Ладно, не сробею! — самодовольно отозвался Кочеров, внутренне, впрочем, не особенно уверенный в себе...

Они шли теперь по большой улице. На углу ямского переуллка им встретилаь какая-то женщина, одетая бедно, без претензий на моду. Она на минутку остановила наших героев и заговорила хриплым робким и вместе с тем наглым голосом:

— Молодые люди, дайте полтинник на извозчика!

Свет электрического фонаря упал на ее лицо. Впоследствии, спустя долгое время, уже в стенах тюрьмы, Кочерову почему-то все вспоминалось это жалкое и нахальное лицо, грубо накрашенное и помятое. И неотступно стояла в его памяти эта роковая темная и душная ночь...

Егорин нахмурился...

— Пошла ты к черту! — грубо оттолкнул он женщину.

В голове Кочерова в этот момент промелькнула неожиданно дерзкая и странная мысль...

Он вынул из жилетного кармана смятую рублевую бумажку и подал ее женщине.

— На вот тебе... получай! Пожелай нам удачи! В карты мы идем играть.

Женщина сверкнула большими черными глазами и, сердито косясь на Егорина, ответила:

— Спасибо, красавчик... выиграть тебе денег кучу... Только смотри, на червонную даму не ставь... обманет она! — проговорив это, женщина повернулась и медленно пошла по панели. Ее заключительные слова поразили Кочерова. Он склонен был видеть в них какой-то особенный таинственный смысл, точно предостережение судьбы.

— Ну, чего ты опешил! — вывел его из задумчивости грубый окрик Егорина. — Шагаем дальше!

Против собрания они расстались. Кочеров вошел в собрание, а Егорин, действуя согласно выработанного плана свернул в калитку одного из домов на противоположной стороне. Двор этого дома был проходной, весь застроенный флигелями. В узком проходе между ними было темно и глухо. Егорин, заранее изучивший план местности, смело шагал вперед, зорко посматривая по сторонам и всматриваясь в темноту...

Поравнявшись с нужным ему флигелем, он остановился, прислушался и убедившись, что никого поблизости нет, прильнул лицом к неосвещенному окну.

В квартире также, как и во дворе было темно и тихо. Тогда Егорин вынул из кармана тонкое, круто отточенное долото, носящее оригинальное название на жаргоне преступников — «помада», и осторожно, быстро, но бесшумно проскользнул в комнату. Закрыв за собой окно, он некоторое время стоял неподвижно, приучая глаза к темноте.

Квартира эта принадлежала интендантскому офицеру. Егорин был у него раньше раза два с предложением продать мясо и фураж, так что вполне изучил расположение комнат. Остановившись в темноте, Егорин, осторожно шагая, пробрался к двери, ведущей из спальни в соседнюю комнату. Здесь, как ему было известно, стоял большой диван, под которым он намеревался спрятаться.

Проделав маленькую репетицию с целью, убедиться, может ли он остаться незаметным в своей засаде, Егорин вернулся в спальню и сел на подоконник...

Тишина, царящая в комнате, нарушалась только мерными стуками часов.

Егорин смотрел в окно и ждал условного сигнала. Время тянулось для него медленно и разные предположения теснились в его голове...

— А-а-а! — раздался вдруг по квартире какой-то дикий крик...

20. Крик среди ночи

Как ни были крепки нервы Егорина, этот крик, неожиданный, странный и прерывающийся, заставил его вздрогнуть и схватиться за револьвер. Сердце его застучало испуганно, заглушая, как ему казалось, удары будильника.

Что это за чертовщина? — подумал Егорин, осторожно подходя к двери спальни.

Крик не повторился больше. Его сменили глухие сдавленные стоны, несшиеся откуда-то из глубины квартиры. Похоже было, что кого-то душили.

Егорин постоял еще несколько минут, напряженно прислушиваясь и, наконец, сообразил в чем дело.

Денщик это кричит спросонья! — подумал он, облегченно вздыхая. Дверь-то в кухню, должно быть не заперта. Черт бы его побрал, напугал важно! Домовой его что ли душит наверное, пьян парень! Что-ж, это мне на руку.

Успокоив себя этим соображением, Егорин вернулся к своему наблюдательному посту — к окну.

Только бы Ванька не сплеховал! — размышлял он, прислоняясь к косяку окна. — Проглядит, пожалуй, и тогда все дело испортит. Эх!.. Не надо мне было поить его сегодня!.. Ну, да авось, кривая вывезет! Жаль, ежели нового случая придется искать... Вот, кабы это дельце, да сообща нам с атаманом обделать, можно бы и без Ваньки обойтись.

Надо сказать, что задуманное Егориним предприятие, для выполнения которого он пригласил себе в помощники Кочерова, принадлежало его единоличной инициативе. За последнее время он не имел никаких сообщений от таинственной организации: не встречался ни с кем

из ее членов.

До чуткого уха Егорина донеслись с ближайшей церкви резкие металлические звуки. Было два часа.

Чего это он так долго! — недоумевал Егорин, прислушиваясь к бою часов. — Концерт давно кончился... Разве пошел еще куда-нибудь. В гостиницу, например, да Ванька за ним поперся... Вещь возможная! И как это мне раньше в голову не пришло. Уходить теперь впору! Скоро светло будет...

Хорошо еще, что ночь темная, тучи ходят...

Егорин озлобленно засопел носом, проклиная в душе и свою недалечность и глупость Кочерова. Неудача задуманного дела казалась очевидной, по крайней мере, на сегодня. Егорин, скрепя сердце, намерен был уже убраться из квартиры, поняв бессцельность своего ожидания, как вдруг за окном, в темноте ночи, ярко и неожиданно вспыхнул огонек спички. Кто-то не спеша закуривал папиросу, остановившись прямо против окна, у которого сидел Егорин.

— Что это? Сигнал? — даже не поверил себе в первую минуту Егорин.

Но почти тотчас же раздался по квартире дребезжащий звонок. Не оставалось сомнений, что хозяин квартиры возвратился и, что нужно было Егорину.

Лишь только раздался звонок, Егорин поспешил занять свою позицию под диваном, в комнате, смежной со спальней.

Ну, выноси, кривая! — подумал он, располагаясь в своем убежище, так, чтобы было видно комнату и было удобно вылезти, не производя шума. Около пяти минут трещал звонок, пока, наконец, заспанный денщик не отворил дверь. До Егорина донеслись звуки сердитого мужского голоса. Очевидно, барин делал денщику выговор за его слишком крепкий сон.

— Опять пьян, как сапожник, — ясно разобрал Егорин слова, доносившиеся из прихожей...

Далее послышался звон шпор и тяжелые шаги. В спальню вошли. Слышно было. Как чиркали спички и как вполголоса ворчал что-то хозяин. Узкая полоска света легла на ковер комнаты, вырываясь из-за двери спальни, которая осталась неплотно затворенной.

Егорин лежал под диваном, сдерживая дыхание и тревожно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из спальни.

— Раздевается, — прислушался Егорин, — сапоги сбросил, кровать заскрипела — ложится стало быть. Так и есть — лампу погасил! Эх, кабы заснул поскорее!

В квартире опять стало тихо и темно. Виски у Егорина мучительно стучали, лежать ему под диваном было тесно и неудобно... Кровь прилиwała к голове и вызывала шум в ушах время тянулось с тягостной медлительностью.

— Э, нечего больше ждать! — решил Егорин, покидая свою засаду. — Спит теперь наверно!

Вылезши из-под дивана, он с наслаждением расправил свои члены, еще раз прислушался внимательно и двинулся в спальню. Дверь легко и бесшумно подалась. Егорин остановился на пороге. Его глаза, вполне освоившиеся в темноте, ясно различали спящую на кровати фигуру. С тем непонятным для обыкновенного смертного искусством и ловкостью, которых достигают путем многолетнего опыта, Егорин смело и совершенно бесшумно подошел к кровати.

Также легко и спокойно запустил он руку под подушку, зайдя со стороны изголовья. Первым, что попало ему под руку, был толстый бумажник. Он вынул его и положил в карман. Не бумажником, конечно, мог удовлетвориться он! Ему нужны были ключи от несгораемого шкафа, где по его предположениям хранились деньги. Егорин выждал минуту и вновь сунул руку, ища ключи. Но в этот момент он сделал неосторожное движение локтем своей свободной левой руки и от этого движения маленький ночной столик, стоявший около кровати покачнулся и с него с шумом упал графин. Эта непростительная оплошность со стороны опытного ночного громилы... Егорин хотел поправить свою ошибку тем, чтобы «пришить» свою жертву, но это ему не удалось. Разбуженный шумом хозяин квартиры проснулся и быстро соскочил с кровати на противоположную от Егорина сторону. Момент для нанесения бесшумного удара был уже упущен, поэтому Егорин бросился к окну, натываясь впотьмах на мебель.

Не совсем еще очнувшись от первого крепкого сна, забыв даже крикнуть денщика, хозяин квартиры, молодой, сильный и энергичный человек, презирая опасность, бросился за Егориным. Он не выхватил даже оружия. Хотя револьвер лежал тут же на стуле около кровати. Это обстоятельство, погубившее его, объясняется, конечно, уверенностью в собственных силах и, может быть, излишней горячностью.

Егорин одним прыжком выскочил через окно, намереваясь скрыться от преследования в темных закоулках двора. Он споткнулся за что-то в темноте и в тот же момент сильный удар по голове заставил его зашататься...

21. Шляпа с запахом модных духов

Иван Семенович, расставшись с Егориным, вошел в ярко освещенный подъезд собрания. На сегодня был назначен концерт, после которого должны быть танцы... Благодаря тому, что концерт устраивался с благотворительными целями, отчасти потому, что город скучал в летнее, мертвое в смысле увеселений время, — публики было очень много.

Кочерову стоило немалых трудов найти в пестрой шумной и многолюдной толпе, высыпающей во время антракта в коридор и фойе, объект предполагаемого наблюдения. Зато, найдя его, Иван Семенович не спускал глаз с худощавого подвижного брюнета среднего роста, одетого в мундир интендантского офицера.

Для новичка в этом деле, Кочеров держался себя более чем удовлетворительно: он смело ходил по пятам своей жертвы, намеренно щуря глаза и улыбаясь неопределенной блуждающей улыбкой сильно выпившего человека.

Два-три человека знакомых, встретившиеся с Кочеровым в этот вечер в душной накуренной атмосфере клубного буфета, были посвящены им в подробности весело проведенного времени с «двумя девочками», такими, что пальчики оближешь далее Кочеров жаловался на головную боль и предлагал своим знакомым пройтись по коньячку. Разыгрывая таким образом роль бесшабашного кутилы, он в то же время наблюдал за интересующим его лицом.

Странное душевное состояние переживал сейчас Иван Семенович.

Минутами ему казалось, что все это, — все эти выслеживания, наблюдения, все переговоры с Егориным, — не более как шутка, странная увлекательная и, вместе с тем, страшная шутка.

Но скрытая и беспощадная мысль брала вверх над фантазией полупьяного, подавленного

действительностью человека. И тогда ему хотелось забыть, что завтра будет день. Что он, Иван Семенович, был до последней минуты тем, кого люди называют «порядочным человеком». Забыть все прошлое и твердить одни лишь наставления Егорина... Минутами это настроение менялось: ему становилось все безразлично и, как-то до странного, смешно.

— Что тут особенного, — думал в такие минуты Кочеров, сидя за столиком в столовой, медленно глотая пиво и украдкой прислушиваясь к разговору того в мундире, сидящего за столом со своими знакомыми. — Что тут страшного и нового для меня! Ну возьмем мы его деньги... Может быть даже... И то пустяки: Егорин сам сумеет это сделать, без моей помощи... Вот одно только: попадусь если... Тюрьма... Арестантский халат — позор! Э, пустяки! Дальше солнца не сошлют! Не робей, Ванька! Шагай смелей, Ванька... Недаром пословица говорит: «Смелость города берет!»

Концерт давно окончился... Из зала доносились звуки оркестра: там танцевали...

Тот, в мундире, все еще сидел в своей компании. Они выпивали, закусывали, смеялись.

Кочеров допивал уже вторую бутылку пива, когда до его слуха донесся со стороны соседнего столика отрывок разговора, заставившего его выйти из столовой и направиться вниз в раздевалку.

Он знал теперь наверняка, что тот будет сейчас тоже уходить домой и один...

В раздевалке Кочеров намеренно долго возился, надевая пальто, роясь в кошельке, чтобы дать на чай сторожу при вешалке. Все это он проделывал как-то машинально, точно подчиняясь чьей-то чужой, покорившей его, воле...

Выйдя из собрания и перебравшись на противоположную сторону улицы, Иван Семенович, зорко оглядываясь по сторонам уселся на маленькой лавочке, около ворот дома, в котором была квартира намеченной жертвы. Эта сторона улицы тонула в густом мраке. Молодые, густо разросшиеся березки, насаженные около тротуара, черными застывшими силуэтами выступали на фоне ярко освещенного клуба. Кочеров со своей скамейки мог отлично наблюдать всех выходящих с собрания, оставаясь совершенно невидимым для прохожих.

Заметив, что объект его наблюдения вышел из дверей клуба и направился к квартире, Кочеров поднялся и отошел несколько в сторону... Верно определив расстояние, он двинулся вперед и перед самой калиткой, запертой на цепь, опередил офицера. Дом этот, как мы уже говорили, имел много квартир, и поэтому последний не обратил внимания на Кочерова, идущего впереди, признав его за одного из квартирантов.

Лихорадочно дрожащими руками, Кочеров достал спички и сделал условный сигнал.

Исполнив это, он поспешил пройти далее и занял определенную позицию за углом одного из флигелей.

Если для Егорина, спрятавшегося под диваном, время, пока заснул хозяин квартиры, тянулось скучно и медленно, то для Кочерова, притаившегося под чахлым кустом смородины, в чьем-то палисаднике, минуты казались часами, а часы вечностью...

Над его головой стояло черное, мрачное небо, казавшееся странно близким и почему-то страшным... В воздухе было напряженно тихо: не шевелился ни один листочек на жалких запыленных деревьях палисадника. В голове Кочерова назойливо проносились мысли о неудачном исходе задуманного дела. Стараясь отогнать эти мысли, он вызывал в своем воображении полуосвещенную спальню... Нежную и гибкую фигуру Кати...

— Коньяку бы теперь недурно выпить, — выползла откуда-то нелепая мысль. И тут же

растерянная память упорно повторяла: «не ставь на червонную даму обманет!»

Тишину ночи рассек звон выбитого стекла и протяжный зловещий свист.

Кочеров, бессознательно подчиняясь этому призыву, бросился из палисадника...

В это время, в темном и узком проходе между двумя флигелями, разыгрывалась молчаливая драма.

Егорин, оправившись от удара, быстро повернулся к своему преследователю и взмахнул рукой, острая сталь ножа вошла мягко в упругое тело. Раздался легкий стон. Егорин отскочил в сторону и сбросил с себя пальто. В этот момент из-за угла появился Кочеров.

Егорин, борясь со своей жертвой и нанося ей страшные удары, прохрипел:

— Хватай пальто и беги... Живо!

Пока шум борьбы и предсмертные стоны жертвы, разбудили кое-кого из обитателей двора, оба преступника успели благополучно скрыться... На смятом песке рядом с окровавленным трупом лежала забытая Егориним шляпа...

Шляпа запачканная кровью, но пахнущая модными духами!

22. Цена крови

Оставив свою жертву неподвижным, распростертым трупом, и не заботясь больше о своем сообщнике, Егорин бросился от места преступления. Выбежав из ограды, он пустился по направлению к Заистоку. Минута была критическая.

Сзади доносились крики:

— Лови! Держи!

Кричали извозчики, стоявшие около клуба. Было очевидно, что в первый момент преследователи не вполне понимали, в чем дело и считали Егорина за простого воришку, утекающего после неудачной кражи... Между тем преследуемый не терял времени. Напрягая все свои силы, он летел по тротуару, прыгая через свежие насыпи и ямы водопроводной сети, которая в то время прокладывалась по городу.

Уже близок был темный переулок, ведущий в Заисточье, в глухих уголках которого Егорин надеялся избавиться от погони, как вдруг откуда-то из-за угла вывернулся конный объездной ночной стражи и перерезал Егорину дорогу. Но неизбежная опасность окрылила Егорина и он сделал отчаянный прыжок в сторону, прямо через водопроводную канаву. Объездной же, очевидно, не обративший должного внимания на это препятствие, запутался. Лошадь его попала передними ногами в ловушку. Это обстоятельство спасло Егорина. Пока объездной возился, вытаскивая коня, Егорин был уже далеко. На бегу он сбросил с себя рубашку, обильно смоченную кровью убитого и оставшись в одном пиджаке, темное сукно которого не выдавало зловещих пятен, перемахнул через какой-то забор. Выбежав на другую улицу, он все не умеряя шага, скользил около заборов, прячась в темноте.

В местности, где обитал Егорин, глухой и малонаселенной, в этот поздний час все спало мертвым сном. Не слышно было ни лая собак, ни стука колотушек ночных сторожей...

Вступив в свой переулочек, Егорин облегченно вздохнул, чувствуя себя теперь в безопасности.

Как-то Ванька выкрутился? Беда, если не успел убежать! И себя и меня «засыплет» — только сейчас вспомнил Егорин о своем сообщнике. Не подходя к дому, он издали заметил, что два окна верхнего этажа, где была столовая, освещены.

Должно, вернулся парень! — успокоил себя Егорин, ловко перепрыгивая через забор. Поднявшись на крыльцо с черного хода своей квартиры, он позвонил. К его вращающейся двери была открыта никем иным, как самим Кочеровым. В темноте сеной нельзя было разглядеть его лицо, но было слышно, что дышит он тяжело и испуганно.

— Ну как, благополучно убрался?

— Ничего... а ты как?

Эти первые фразы, которыми обменялись сообщники, были произнесены ими шепотом.

— Анфиса спит... На кухне тоже спят. Мне отворила сестра, но я отправил ее опять в спальню. Сказав, что ты вряд ли сегодня вернешься...

Сказал, что в карты в клубе заигрался.

— А пальто-то ты куда дел.

— Пальто я потихоньку пронес... Там оно в столовой. ну, проходи, я запру дверь...

Войдя в столовую, Кондратий Петрович первым делом поспешил убедиться в целостности бумажника, вынутого из-под подушки жертвы. Бумажник был налицо.

— Так, — самодовольно крикнул Егорин, опуская бумажник в карман брюк, все-таки, что-нибудь да есть!

Затем он всмотрелся в зеркало и, обнаружив на лице запекшиеся капли крови, обратился к Ивану Семеновичу:

— Принеси-ка, Ваня, из сеной воды в умывальник. Надо умыть харю.

Кочеров машинально выполнил эту просьбу, и пока Кондратий Петрович умывался, осторожно, чтобы не разбудить домашних, побрякивая умывальником, он уселся около стола, тупо, как сильно пьяный, уставившись на свечку.

— Ну, вот я и готов... Теперь брюки надо переменить да и пиджак заодно брошу: пятно есть!

— Слушай, — глухо, точно просыпаясь от кошмарного сна, заговорил Кочеров, — он-то как теперь!

— Кто, как теперь? — не понял вопроса Кондратий Петрович.

— Он, которого...

— Вот дурак-то! — рассердился Егорин. — Чего еще спрашиваешь. Што, обалдел с перепугу?

— Значит готов. Насмерть!.. — и лицо Ивана Семеновича передернулось какой-то болезненной судорогой...

— Тьфу! — даже плюнул Егорин. — Совсем ты размяк, Ванька! Крови-то еще не нюхал, а уж трясешься. Святой, подумаешь!

— Нет, я что же... так как-то спросилось.

Егорин обратил внимание на жалкий и растрепанный вид своего собеседника. Лицо Кочерова было бледно, как лист писчей чистой бумаги. Глаза смотрели растеряно и дико... Костюм был в самом жалком состоянии: запачкан грязью, разорван.

— Эге, брат, тебе надо водки хватить. Залить червяка, а то ты... краше в гроб кладут! — с этими словами Кондратий Петрович достал из буфетного шкафа графин и чайные стаканы. Наполнив один из них, он подал его Кочерову.

— Пей! Все до дна: все как рукой снимет!

Иван Семенович поспешил убедиться в справедливости этого врачебного совета. Он жадно выпил водку.

— Ну-ка, посмотрим теперь с тобой, сколько мы имеем. Бумажник-то толстый, жаль, что в шкаф не забрался. Там, наверное не одна тысяча будет.

Говоря это, Кондратий Петрович вынул роковой трофеей кровавого дела и развернул на столе. К великому его удивлению, денег в бумажнике оказалось более трех тысяч рублей. Это обстоятельство окончательно развеселило Егорина. Он пересчитал ассигнации и сунул в карман пиджака.

— Твою часть завтра выделю. Все равно ты у меня будешь спать. Пей водки и ложись спи! Сестра-то у тебя не спрашивала, где это ты так вывозился?

Кочеров отрицательно качнул головой.

— Ну, ладно, завтра скажешь, что был пьян, только и делов!

— Скверно, вот, шляпу я там свою забыл... Положим, фамилия не обозначена, а все же скверно!

Кочеров выпил еще два стакана, и, пошатываясь, пробормотал:

— Ну... я того... лягу...

— Ложись, вот сюда, на диван. Наклюкался то здорово.

Иван Семенович, как повалился, так и захрапел.

— Ну, теперь концы спрячем! — пробормотал Егорин.

Он снял с себя грязное окровавленное платье, завернул в узел, присоединил сюда же и опустошенный бумажник. Надел пальто и, осмотрев револьвер, вышел из дома. Позади его двора тянулся пустырь, спускавшийся к томи. Этим-то пустырем и прошел он к реке... Нырять в рытвинах, хватаясь в темноте за кустарники, Егорин спустился к берегу и «утопил котенка», как говорят на языке острожников, т. е. бросил в реку вещественные доказательства преступления. Исполнив это, он повернул назад... Едва он сделал несколько шагов, как чей-то хриплый торжествующий голос раздался над его ухом:

— Что ты тут делаешь, купец! Рыбку ловишь?

23. Ночные шакалы

Егорин вздрогнул от неожиданности и сунул руку в карман за револьвером. Но его попытка защищаться была не удачной: чьи-то руки обхватили его за шею и сдавили так, что захватило дыхание и в глазах замелькали красные искры. В то же время другой из нападающих ударил Егорина по голове чем-то тяжелым. Свет померк в глазах недавнего убийцы и грабителя. Сколько прошло времени с этого момента, Егорин затруднился бы определить, но когда он пришел в себя, открыл глаза, был уже ранний рассвет... Тучи, так и не пролив дождя, разошлись по небу, только в одной части горизонта еще темнело... С реки тянул холодноватый ветерок... В воздухе было свежо и сыро...

Егорин лежал в одном белье, сброшенный в одну из прибрежных рытвин. Пальто, сапоги, револьвер и даже фуражка сделались, очевидно, добычей ночных рыцарей. Егорин дрожа от утреннего холода и морщась от боли, кое-как поднялся на ноги и, шатаясь, взялся за голову. Голова была тяжела, как налитая свинцом. В висках стучало... Когда Егорин коснулся рукой до волос, то сейчас же убедился, что удар по голове не прошел ему даром: волосы были слеплены засохшей кровью.

— Ну, угостили! — промелькнула в его сознании смутная мысль. — Выходит: вор у вора дубинку украл! Ну, «шпанка!»

Собравшись с силами, Егорин поплелся домой.

— Счастье, что еще деньги те не со мной были... хапнули бы, — думал он, пробираясь по пустырю домой.

Ранее утро и отсутствие жилых построек с этой стороны переулка, позволили ему вернуться домой незамеченным. Работник Егорина в это время уехал на реку, за водой. Кухарка, возившаяся около печки, не обратила на проходившего через кухню Егорина никакого внимания.

В столовой на диване по-прежнему храпел Кочеров. Захватив с собой, спрятанные в шкафу, деньги, Егорин прошел в спальню и, разбудив жену, велел ей дать горячей воды.

— Вернулся-таки! Где это тебя до утра носило! — сердитым заспанным голосом спросила жена.

— Где был — там нету! — в свою очередь огрызнулся Егорин. — Тащи скорее горячей воды. Карболки надо развести — голову промыть... Ночью с пьяных глаз расшиб висок!

Анфиса Семеновна приподнялась на кровати и, увидав кровь на щеке мужа, испуганно ахнула.

— Ну, ну, нечего дуру валять! — прикрикнул на нее муж. — Делай, что говорят, да, смотри, не болтай зря языком.

Покорная жена, слишком хорошо знавшая крутой нрав и тяжелую руку Кондратия Петровича, молча и торопливо стала одеваться.

Но оставим, читатель, душную атмосферу этого дома, в котором злоба и предательство, алчное корыстолюбие и кровожадные инстинкты свили себе гнездо...

Где-то ярко-красная, мещански-безвкусная, обивка мебели напоминает кровь безжалостно зарезанных людей, а тяжелое дыхание пьяного Кочерова предсмертные агонии жертв.

Перенесемся отсюда на вольный воздух заречных полей. Солнце поднялось уже высоко... воздух, не освеженный дождем, уже дышит зноем... В эти часы полдня, когда над городом стоит знойная дымка пыли, хорошо лежать на зеленом берегу реки, время от времени освежая себя купанием.

Два оборванца, типичные представители «черемошнинской шпаны», таким образом и коротали свои досуги, приютившись под тенью тальников, над самой Томью. Еще сегодняшней ночью они были голодны и злы, как волки в бескормицу, случай натолкнул их на Егорина и обстоятельства сразу переменялись... Все, что они взяли от этого грабежа, было тогда же утром снесено к знакомому скупщику, который за все отвалил им четыре рубля с полтиной. Сделавшись обладателями такой большой суммы, наши герои, не теряя попусту времени, завернули в «казенку». К взятым двум бутылкам водки были присоединены: большая коврига черного хлеба, фунта три печенки и две пачки махорки. Сделав все эти хозяйственные запасы, они переправились на пароме на ту сторону реки, и найдя вдоль берега укромное местечко, расположились бивуаком...

Наши читатели уже в достаточной степени ознакомлены из предыдущих глав с разнообразными типами обитателей томских трущоб. Избегая повторений, скажем лишь, что два любителя легкой наживы, расположившиеся около томи, были что называется — «шпанкой», которая в тюрьме «спит под нарами», а на воле носит презрительный эпитет «халамидников». Людям этого сорта безразлично, что и как украсть: крынку ли молока с воза у зазевавшейся бабы, белье ли, развешанное на просушку. Но, когда является возможность действовать наверняка, то они решаются и на грабеж, как это было сделано с Егориним. В общем-то — это парии среди темного мира преступников. Если Егорина, например, или ему подобных, по смелости, ни перед чем не останавливающей жестокости, по широте замыслов, можно сравнить с кровожадным тигром, то представителей «шпанки» можно назвать лишь мелкими шакалами...

— Да, фортануло нам нынче! — подумал вслух один из оборванцев, беспечно выпуская клуб густого сизоватого махорочного дыма...

Товарищ его, маленький, плюгавый человечек, одетый в какое-то невообразимое подобие пиджака и старую студенческую фуражку с оторванным Козырьком, выразительно свистнул и приложился к бутылке.

— Искупаемся, нечто, — лениво протянул первый после небольшой паузы.

— Больно уж солнышко припекает... Айда, Федюха, в воду!

— Купайся, — равнодушно отозвался счастливый обладатель пиджака. — Я не стану... Солнышко я люблю. Для нашего брата — полевого дворянина — солнце первое дело! Выпил грешным делом водочки, перекусил малость и лежи себе пузом кверху... Хорошо, тепло! Солнце-то, оно, брат, для человека пользительно, у которого ежели нутро отбито!

Высказав эту сентенцию, человек в пиджаке повернулся на спину и замер в философском молчании. В голове его теснились обрывочные воспоминания минувшей ночи.

Темень — глаз выколи... Гроза собирается, надо идти искать местечко, где от дождя спрятаться.

Идут они берегом... Как волки крадутся... Вдруг впереди плеск какой-то: не-то рыба взыграла, не то веслом кто ударил... Видят — человек...

«Пиджак» глубоко вздохнул и приподнялся на локте, свертывая «козью ножку». Товарищ его, испугавшись, лениво натягивал портки и что-то мурлыкал себе под нос.

— Федюх, — окликнул он. — Как мы нынче — по-старому, под кустом спать будем, аль в город махнем? Полплиты (полтинник) на пиво выложим! Хорошо пивка таперича!

— В город... а не «засыплемся»? — неуверенным тоном заметил «Федюх».

— Ну, что там!

— Ладно, к вечеру пойдем...

Вечером наши приятели, зайдя в грязнейшую пивную, были арестованы, как подозрительные лица... Их подозревали в убийстве, совершенном прошлой ночью в самом центре города.

24. Блестящая дама

Прошла неделя с той знойной грозовой ночи, в которую уголовная летопись Томска увеличилась еще на одну кровавую страничку. На городском кладбище под свежей могильной насыпью лежал тот, кто один бы мог рассказать тайну этого преступления. Общественное мнение, возбужденное столь дерзким убийством, настойчиво требовало возмездия. Но в руках следственной власти было слишком мало фактических данных, чтобы удовлетворить это требование. Два черемошинских героя, описанные нами в предыдущей главе, за недостатком улик были отпущены с миром.

Полицейские облавы, произведенные по разным притонам и вертепам города, также не дали положительных результатов. Между тем по городу циркулировали самые различные слухи и толки. В связи с оставленной на месте преступления шляпой с запахом модных духов, а также найденной за истоком окровавленной рубашки из самого тонкого полотна, — создавались легенды. Большинство были уверены, что преступники — люди из общества; были намеки, что убийство совершено на романтической почве. Прошла, повторяем, неделя и жизнь с ее повседневными заботами и насущными проблемами заставила томичей все меньше и меньше интересоваться этим делом.

Кондратий Петрович, оправившись от своих ушибов, выехал из города куда-то в уезд, по торговым делам. Он выделил Кочерову 1000 рублей и последний таким образом получил возможность заплатить по неблагополучному векселю с поддельным бланком. Мало того, получил возможность вновь учесть такой же вексель и даже на большую сумму. Очутившись при деньгах, Иван Семенович воспрянул духом. Чад веселых кутежей и горячие ласки любовницы помогли отделаться от тяжелых воспоминания роковой ночи.

Живи, Иван, пока живется! — говорил он себе, раздумывая. — Раз мать родила! Хоть час, да наш!..

...В светлое теплое праздничное утро, Иван Семенович, одетый в новенькое и с иголки пальто, в модную мягкую шляпу и летние ботинки, весь сияющий молодостью, здоровьем и весельем, подкатил на паре гнедых лошадей извозчицкой пролетки к воротам дома, принадлежащего его жене. Дом этот, как равно и другой, выстроенный на том же усадебном месте, подальше в переулок, — отдавался под квартиры.

Нужно ли говорить, что фактически хозяином этих домов был единолично Кочеров. Он условился с жильцами, получал арендную плату и тратил ее, не давая никакого отчета жене. Угловой дом Кочеров сдал в аренду одному своему знакомому, про которого нельзя было во всяком случае сказать, что прошлое его безупречно. Ссылный по положению, по национальности — грузин, человек, наживший изрядный капитал содержанием «института без древних языков», человек этот, назовем его Александром Ивановичем Чебукидзе, сняв в аренду целый дом, намеревался открыть в нижнем этаже трактир, а вверху — номера. Дело задерживалось пока неполучением разрешения от администрации.

В одной из комнат верхнего этажа жила теперь Катя. Кочеров давно уже упрасивал ее

бросить Орлиху и переехать на отдельную квартиру, но это его желание исполнилось лишь недавно. Катя, потеряв всякую надежду вновь увидеться со своим предметом — Сашкой-пройди светом, о котором не было ни слуху ни духу, махнула рукой и решила, что теперь ей оставаться у Орлихи незачем.

Итак, в описываемое нами утро, Иван Семенович с шиком подкатил к воротам дома.

— Ты подожди меня здесь, — сказал он извозчику, скрываясь в калитке.

Если о costume и внешности Кочерова можно было сказать, что и то и другое блистало претензией на моду и эффект, то справедливости требует отметить и блестящий парадный вид запряжки. Начисто вымытая пролетка с двойными рессорами и откидным верхом, ярко начищенная сбруя с бубенчиками, новый суконный армяк кучерского покроя, надетый на извозчика, — все это говорило, что Иван Семенович намерен сегодня пустить пыль в глаза томской публике.

Быстро поднявшись по лестнице на верхний этаж, Кочеров прошел по коридору и постучал в одну из дверей. Этой вежливости научила его Катя.

— Войдите! — раздалось за дверью.

Держа шляпу в одной руке, другою приглаживая волосы, Кочеров вошел в комнату, бывшую для него земным эдемом, благодаря живущей в ней гурии.

Комната эта была большая, светлая — в три окна. На обстановку ее было затрачено порядочно, но зато теперь она действительно производила впечатление красивого уголка, гнездышка, созданного для любви и наслаждений.

Изящный вкус женщины, умеющий создать наиболее соответственные рамки своей красоте, сказывался во всем.

Сама обитательница этого гнездышка стояла перед большим трюмо и расчесывала свои длинные золотистые волосы. Зеркало отражало ее стройную фигуру, роскошный бюст, ослепительный белизны, нескромно выступающий из под сорочки.

— Ты уже приехал, но ведь еще, кажется рано, — спросила она, не оборачиваясь к вошедшему.

— Уже 11 часов, пока приедем... Начало бегов в 12, - ответил Иван Семенович, впиваясь очарованным взглядом в дорогие ему черты лица, отражавшегося в зеркале.

— Ну, хорошо... Посиди, мой дорогой, я сейчас буду готова, — равнодушно произнесла Катя, наклоняясь к зеркалу...

Когда Екатерина Михайловна в изящном летнем туалете и модной дорогой шляпе, красивым привычным жестом подбирая платье и обнаруживая стройные ножки, садилась в пролетку, то даже извозчик, угрюмый и с виду равнодушный человек, покосился на нее и как-то странно крякнул.

— Ну краля... эх! — подумал он.

25. На ипподроме

Погода стояла самая прекрасная. На неделе прошел хороший дождь и запыленный, истомившийся от жары, город принял обновленный, бодрый вид.

Пользуясь хорошей погодой и праздничным днем, многие горожане отправились кто на бега. Кто на пикник в лес...

Кочеров сидел важно развалившись, в экипаже и снисходительно посматривал на пешеходов, обгоняемых ими. Его спутница распустила кружевной зонтик и держала себя с непринужденной грацией бывшей этуали, выдавшей на своем веку кое-что лучшее, чем томские улицы.

Когда они подъехали к ограде ипподрома, оркестр уже играл марш. Бега начались. Приказав извозчику ожидать их, Иван Семенович и его подруга пошли в беседку ипподрома. Билет был взят в ложу, захвачена была также афиша, с подробной программой бегов.

— Какая, однако масса народа! — заметила Катя, усаживаясь в ложе.

— Да, публики много. День сегодня хороший, — отозвался Иван Семенович, протирая стекла бинокля. Он бегло посмотрел программу и, передавая Кате ее, спросил: — На каких лошадей будем ставить?

— Ну, уж сегодня я буду играть самостоятельно! — подчеркнула она. — Ты можешь ставить, на каких тебе угодно, а я буду играть отдельно.

— Но не все ли равно? — слабо спросил Иван Семенович

— Нет, не все равно: я хочу играть на свое счастье, понимаешь!

— Пусть будет по-твоему, — согласился Иван Семенович.

— Вот в следующий заезд я играю на Сокола Ильницкого. Можешь идти взять мне билет... Постой, я тебе дам сама денег, — и Катя вынула из кармана изящный кошелек, открыла его и подала Кочерову 25-рублевую бумажку.

— Стоит ли играть на Сокола, — заметил Иван Семенович. — Ведь публика преимущественно на него будет ставить! Мало на билет придется...

— Раз я хочу на Сокола, — тоном избалованного ребенка протянула Катя, ступай же скорее, бери билет!

Иван Семенович повиновался. Около тотализатора происходила настоящая давка. Составлялись компании для покупки билетов в складчину. Громко обсуждались достоинства лошадей. Какие-то юркие, не внушающие доверия личности, таинственным шепотом предлагали свои услуги по сообщению якобы известных им секретов конюшни.

— Виноват, господин, — зашептал один из этих ребят, близко нагибаясь к Кочерову и обдавая его запахом чистой сивухи. — Ежели желаете наверняка сыграть, могу устроить, потому как лично от наездника знаю.

Кочеров досадливо отмахнулся от непрошенного гостя и протиснулся дальше к кассе.

— Что ты так долго ходил за билетами. Наверное, в буфете задержался, недовольным тоном спросила Катя, когда Кочеров вернулся в ложу.

— Как в буфете! Народу около тотализатора много: насилу пробился. Уф! Вспотел даже... — и Иван Семенович обтер платком мокрый лоб, пустив по воздуху сильную струю иланг-иланга.

В ложах и амфитеатрах публики было полно. Светлые женские туалеты издали напоминали какой-то пестрый цветник... Далеко вдоль круга, за барьером галереи, густо чернела публика демократических слоев общества. Там было очевидно, все веселее, чем среди затянутой в светские приличия публики лож.

В антракте публика угощалась пирожками, мороженым; кое-где поблескивали на солнце бутылки с живительной влагой. Какой-нибудь любитель спорта, в праздничной чуйке и гляцевых сапогах, вынимал из кармана «посудину», широко запрокидывал голову и вливал содержимое бутылки прямо в рот.

— Надо червячка заморить! — пояснил он соседям и вновь протискивался к барьеру.

В одной кучке шел оживленный спор о предстоящем заезде.

— Однако, против королевского Вихря поискать, да и поискать лошадок надо! — убедительно говорил какой-то благообразный мещанин с оловянной серьгой в ухе.

— Ан, врешь! — горячо набрасывался на него оппонент. — Супротив Сокола ему не устоять. Это нам известно! Потому, как наша кума у этого Ильницкого в посудницах состоит...

Далеко по кругу разнесся резкий звонок. Споры и толки оборвались.

Публика глухо заволновалась.

— Пошли! Пошли!

Победителем из этого заезда вышел Сокол, побивший противника на несколько секунд...

— Ты был прав, не надо было ставить на Сокола. Все на него ставили.

Это скучно!.. — заметила Катя, повернувшись к своему спутнику. — Надо теперь новых лошадей выбирать. — Она углубилась в программку.

— Вот с Вахтеновским Бураном идет Ястреб какого-то Загорского...

Лошадь незнакомая, но резвость показана хорошая! Поставить разве на Ястреба.

— Слушай, соседи как раз говорят об этой лошади...

В соседней ложе трое молодых людей по костюмам и манерам, как видно, действительно были заняты обсуждением этого вопроса.

— Мы обязательно должны взять билет на Ястреба. Мне сам Загорский говорил, что все шансы на его стороне.

— Ястреб — кровный рысак. Он стоит Загорскому две с половиной тысячи...

— Значит, фонды Сержа стоят высоко... Он при деньгах.

— Но ведь он же помолвлен на этой купчихе, как ее фамилия...

— На дочери покойного Изосимова. Полмиллиона приданого возьмет! пояснил третий собеседник.

— Ах, это того самого Изосимова, которого...

— Которого задушили прошлой зимой!

— Сержу это на руку: если бы был жив старик, свадьба вряд ли бы состоялась. Репутация Загорского была хорошо известна покойному.

26. Печальная весть

Прислушиваясь к разговору в соседней ложе, Катя решительно заявила:

— Я играю на Ястреба! Ступай, возьми билет. Посмотрим, что это за новый рысак!

Иван Семенович отправился к кассе тотализатора и приобрел два билета: Кате на лошадь Загорского, а себе на Вахтеневского Бурана.

— Ну, дорогая моя, если Ястреб придет первым, то ты выиграешь порядочную сумму, — сказал Кочеров, возвратившись с билетами. — Почти все ставят на Бурана я и себе взял на него билет. Посмотрим, чья возьмет!

— Посмотрим!

К удивлению не только Кочерова, но и всех почти завсегдатаев ипподрома, первым пришел Ястреб.

Катя радостно аплодировала победителю наезднику.

— Ну, вот видишь, чья взяла! — торжествующе воскликнула она, обращаясь к Кочерову. — Я играла на счастье, и выиграла! Отправляйтесь, милостивый государь, и получите мой выигрыш. Сегодня я вас буду угощать шампанским!

На билет пришлось 132 рубля.

Катя была в восторге. Ее радовала не столько сумма выигрыша, сколько вообще удача. До конца бегов она ставила еще на двух лошадей и также выиграла.

— Тебе сегодня необыкновенно везет! — даже удивился Кочеров. Сам он уже проиграл около пятидесяти рублей.

— Должно быть, я в любви несчастна! — с притворным вздохом ответила Катя, обжигая своего поклонника кокетливым взглядом.

После второго отделения Катя предложила ехать домой.

— Дольше оставаться незачем: программа не обещает больше ничего хорошего. К тому же я проголодалась, пора обедать!

Иван Семенович изъявил готовность. Они вышли из ложи. В буфете теснилось много публики и путь к выходу был сопряжен с трудностями: приходилось продвигаться медленно. Катя шла за Кочеровым, рассеянно поглядывая на окружающих, как вдруг взгляд ее упал на лицо, показавшееся ей знакомым. Катя остановилась и посмотрела внимательнее. В человеке, стоявшем за в двух шагах от нее и закуривающим папиросу, она узнала приятеля своего сердечного друга — Сеньку Козыря.

В былые дни оба они, Пройди-свет и Сенька, часто бывали у Орлихи и Катя запомнила лицо Сеньки.

— Вот встреча кстати! — обрадовалась она. — Спрошу его про Александра. Наверное он

знает: они ведь товарищи с ним! — И она решительным шагом подошла к Козырю, не заботясь о том, что ей, такой изящной и нарядной, неудобно разговаривать среди любопытных с каким-то подозрительным типом...

— Здравствуйте, — тихо произнесла она, подходя к Козырю и дружелюбно протягивая к нему руку. — Вы не узнаете меня? Помните, приходили к нам с Александром...

Сенька Козырь галантно приподнял фуражку и осторожно пожал маленькую ручку Кати.

— Помилуйте-с! Очень даже хорошо помню! Нечто, увидавши вашу милость, возможно забыть!

Катя не обратив внимания на этот комплимент, бросила быстрый взгляд вокруг себя и прошептала:

— Пойдемте отсюда, мне поговорить надо с вами!

— С нашим полным удовольствием! — поспешил согласиться Козырь и кинув недокуренную папиросу, пошел за Катей к выходу.

В дверях стоял Иван Семенович.

— Что это ты? — обратился он к Кате. — С кем заговорила?

Девушка подняла на него глаза и тоном, не допускающим возражения, сказала:

— Ты подожди меня у экипажа. Мне надо поговорить со своим знакомым по делу... понял?

Последнее было произнесено так выразительно, что Иван Семенович не вступая в дальнейшие расспросы, поспешил ретироваться.

— О чем говорить желаете? — осведомился Козырь, проводив Кочерова насмешливым взглядом.

Катя, не желая прямо приступить к делу, предварительно спросила своего собеседника о его личных делах.

— Как вы поживаете. Где это вас так долго не видно было.

— Немудрено, что не видно! — Козырь усмехнулся и понизил голос. — В «сушилоне» находился. Казенный паек глотал!

— В тюрьме!

— В ней самой! Как пословица говорит: «От сумы, да от тюрьмы не отказывайся!»! Всего вторую неделю на «воле» хожу.

— Хочу я спросить вас, где теперь Александр? Что с ним такое случилось? Я не видела его с половины зимы...

— А вы разве не слышали?

Предчувствие недоброго сжало сердце Кати.

— Что такое?

— Да ведь он давно на том свете грехи отмаливает!

— Как! Умер, умер, говорите вы? Когда же? Отчего?!!

Лицо Кати покрылось смертельной бледностью. Глаза отразили выражение ужаса перед роковой вестью. Она зашаталась.

— «Пришили» его! — мрачно пояснил Козырь... — До пасхи еще дело было... А как и что — не знаю... В тюрьме я тогда сидел... Говорили, между прочим, знакомые ребята, что будто из-за бабы вышло! Из ревности будто его кто «похерил». За что купил, за то и продаю!

— Убит! Мертв! Все теперь кончено! — вихрем налетело страшное сознание невозвратимой утраты... Не было слез — сильные натуры не плачут, но глубокое отчаяние овладело душой Кати. Она не взглянула больше на Козыря, не сказала ему ни одного слова и молча, опустив голову, пошла вниз по лестнице.

Когда в душе женщины, подобной Кате, вспыхивает искренняя любовь, то это чувство становится для нее единственной отрадой в жизни, единственным и дорогим, и самым светлым из всего, что осталось на долю той, у которой нет ни семьи, ни друзей, которая всеми презираема и отвергнута... Такая любовь чаще всего кончается трагически. Женщины, продающие свое тело, душу свою отдают раз и навсегда...

— Что с тобой, Катя? — испугался даже Кочеров, увидя ее бледную и странно молчаливую...

— Ничего... молчи... скорее домой... Будем пить... пить...

27. Гнездышко опустело

После событий, описанных в предыдущих главах, прошло три месяца...

Стояла глубокая поздняя осень... Город превратился в одну сплошную лужу грязи. Круглые сутки моросил дождь. Общественная жизнь замерла: зимний сезон еще не начался, клубы пустовали, ибо томичи, умудренные горьким опытом, не решались пускаться в путешествие по улицам, тонущим в грязи и мраке. После восьми часов вечера улицы погружались в глубокий сон, нарушаемый лишь колотушками сторожей, да шальными револьверными выстрелами, производимыми осторожными обывателями с целью запугать любителей чужой собственности, которые с наступлением темноты все чаще и чаще дают о себе знать.

Итак, повторяем, скучное время наступило для томичей и многие из них совершенно основательно роптали на затянувшуюся осень.

— Хотя бы холода поскорее наступили... Давно такой гнилой осени не было, — говорили старожилы.

Но морозы не наступали и близкий покров не обещал принести с собой первый свежий снежок.

Город тонул в грязи и тумане дождливых дней, также пасмурно было в розовом тумане приюта любви и наслаждения. Сама хозяйка этого гнездышка, после полученного печального известия о трагической кончине своего возлюбленного, опустила руки и на все окружающее смотрела безучастно и равнодушно. Стала запивать чаще, чем прежде, и в размерах, пугающих Ивана Семеновича. Тщетно он старался добиться у Кати, что за причина такого неудержимого, мрачного настроения и молчаливого пьянства. Она молчала, замкнувшись в себе и продолжала топить тоску в вине. Кочеров терял голову.

С одной стороны скверные денежные дела, задолженность, запутанность в делах, с другой — непонятная ему перемена в характере и поведении любовницы, — все это вышибло его из колеи. Как человек со слабой инертной волей, Кочеров, не отдавая себе отчета в своих поступках, быстро и неуклонно двигался по роковому пути к гибели. Окончательный разрыв с семьей и со своим прошлым был для него ничто, по сравнению с боязнью потерять Катю. А чувство это за последнее время все чаще и чаще пробуждалось в душе его. Жизнь, сопряженная с большими расходами на покрытие всех требований любовницы, не могла продолжаться долго. Денег достать было негде. Возможный кредит был весь исчерпан. Точно предчувствуя возможную близость разрыва, Катя в последнее время возобновила знакомство с Орлихой, принимая ее у себя и сама пропадала у нее по целым дням. Все это очень не нравилось Кочерову, но он был совершенно бессилён предпринять что-либо против этого... Так обстояли дела, когда в один темный вечер, после дня, проведенного в безуспешных поисках денег, Кочеров усталый, весь забрызганный грязью, подъехал к воротам Кати. Нижний этаж этого дома, в котором помещался трактир, был ярко освещен. Полосы мутного света падали из окон на грязный тротуар. Рассчитавшись с извозчиками, Кочеров с горечью убедился, что весь его капитал не превышает теперь пяти рублей.

— Скверное дело! — подумал он, поднимаясь на скользкие ступеньки грязного крыльца. — Если завтра не найду денег, дело дрянь.

Он прошел через трактир и поднялся по лестнице наверх.

— Дома Александр Иванович? — спросил он мимоходом у встретившегося полового.

— Дома... Никак у себя, чай пьют!

— Гм, хорошо... Ты подашь нам шашлыка и водки. В комнату Екатерины Михайловны. Понял?

— Как не понять, — тряхнул головой официант. — А только хозяин...

— Ну чего там хозяин, — сердито перебил его Кочеров. — Делай, что тебе говорят.

Иван Семенович прошел по коридору, слабо освещенному чадающей лампочкой к дверям Катиной комнаты. Двери были полуоткрыты и в темной комнате царила глубокая тишина.

— Ты спишь, Катя? — вполголоса спросил он, входя в комнату.

— Нет, — кратко ответила Катя.

Она сидела на подоконнике одного из окон, выходящих на улицу. Слабый свет уличного фонаря проникал в комнату. В его слабом отблеске неподвижно чернел силуэт Кати.

— Чего это ты впотьмах сидишь? Постой, я сейчас зажгу лампу... Ты обедала уже?

— Не зажигай огня... не надо... — медленно и устало выговорила Катя.

— Почему это? — удивился Иван Семенович.

— Так... опротивело мне смотреть на эту комнату... Эти стены душат меня...

В слабом надломленном голосе девушки слышалась глубокая печаль, тоска и страстное желание покоя. Кочеров не на шутку испугался.

— Что с тобой, моя Катя! — нежно и тихо заговорил он, подвигая стул к окну и садясь у ее ног. — Здоровы ли ты, Катя, у тебя холодные руки... Дай мне их. Я согрею твои пальчики...

Девушка молча освободила руки и спрятала их под шаль, накинутую на плечи.

— На улице холодно... грязно?... — спросила она после некоторого молчания.

— Да, скверная погода!

— Я сегодня целый день сидела на окне и все смотрела на улицу... Даже не пила против обыкновения. Все это надоело...

— Какая ты сегодня странная: точно спишь с открытыми глазами!

— Все надоело, — продолжала она, прижимаясь лицом к холодному стеклу окна. — Внизу весь день шумели... Орала песни, а я сидела... смотрела на улицу... и думала...

— О чем ты думала, моя радость? — попробовал пошутить Иван Семенович.

— О многом... тебе это незачем знать... У тебя и своих забот довольно! — оборвала она, поднимаясь с места. — А вот что я надумала скажу. Жила я шумно, весело, так и дальше хочу жить. А не придется — не надо... лягу и усну... — В ее последних словах прозвучала твердая решимость человека, призывающего смерть. — Довольно! Не говори мне больше ничего! Можешь зажечь лампу и делать, что тебе заблагорассудится. Ты ведь еще хозяин в этой комнате!

На другой день Кочеров вновь пустился в поиски кредита. Когда он уходил, Катя уже не спала. Она, молча, курила папиросы и смотрела усталым равнодушным взглядом. Поздно вечером Кочеров вернулся. На этот раз старания его увенчались успехом: ему удалось достать, правда, под чудовищные проценты, некоторую сумму. Веселый и оживленный вошел он к Кате, торопясь поделиться приятным известием... Кати в комнате не было.

Когда он зажег лампу, то первое, что бросилось ему в глаза, был конверт, написанный ею, лежащий на столе. Она писала ему: «Прощай! Я уехала из Томска! Забудь меня — наши дороги разошлись...»

Глухой стон вырвался из груди Кочерова и он бессильно опустился на стул...

28. Свидание с человеком в маске

Говорят, что время лучший целитель ран. Так было и с Кочеровым. После взрыва безумного отчаяния, овладевшего им на первых порах разлуки с Катей, наступил кризис. Глубокое горе сменилось тихой затаенной тоской... Время, между тем, шло и шло... Зима сменила осень, миновали святки. Кочеров круто изменил образ жизни: принес повинную голову своим старикам и жене, бросил кутить, принялся за дело. Жена его, обрадованная и удивленная такой переменой в муже, охотно помогала ему при уплате наиболее срочных долгов. Казалось, Иван Семенович окончательно порвал с бурным бесшабашным прошлым и превратился в мирного семьянина. На самом же деле в глубине его души продолжало жить крепкое, неумирающее чувство любви к бросившей его любовнице. Он знал, что она живет в Красноярске на содержании у одного местного золотопромышленника, человека, уже немолодого, грубого и невежественного. Кочерову удалось завязать переписку с Катей, и из ее писем он мог видеть, что настоящая связь не особенно ей приятна, несмотря на всю роскошь, которой окружил ее старый волокита...

В голове Кочерова созрел один план, который он и приводил в исполнение. Он решил так или иначе заручиться полным доверием со стороны жены, уговорить ее перевести дома на его

имя, а затем, тем или иным путем избавиться от нелюбимой жены и, сделавшись свободным человеком, жениться на Кате. Вот какие стремления имел в душе Иван Семенович, играя роль делового человека и образцового семьянина. Этот тонко обдуманый план делал честь достойному ученику Егорина, выработавшему свои взгляды в атмосфере убийств и разврата, насилия и лжи.

— Остепенился парень, перебесился, — думали про него родные.

Один только Кондратий Петрович догадывался об истинных намерениях Кочерова, но до поры до времени молчал.

Однажды вечером, на последние дни масленицы, Кондратий Петрович решил немножко повеселиться на холостяцкий манер. Он отправился в общественное собрание, где в этот вечер был последний маскарад: на святках — 4 января, и перед закрытием зимнего сезона — на масленице, проводят обыкновенно их весело и оживленно. Народа бывает — ступа не протолчет.

Так было и на этот раз. Когда Егорин поднялся по лестнице в фойе собрания, его сразу охватила сутолока густой медленно движущейся толпы масок, мужчин в сюртуках и фраках, военных и студентов. Вся эта разношерстная публика смеялась, разговаривала, перебрасывалась конфетти, и от шарканья ног, шелеста шелковых юбок, смеха и перекрестного разговора, стоял неясный, неумолкаемый шум. Спиртозные запахи буфета смешивались с крепкими духами, запахом человеческого тела, пота и дешевой пудры. Было тесно, душно, но весело.

Кондратий Петрович остановился около дверей в столовую и занялся наблюдением проходящих масок. Каких тут только костюмов не было: начиная с дорогих и изящных и кончая жалкими попытками создать при помощи дешевого миткаля и цветной бумаги каких-нибудь «испанцев» или «рыбочек». В самый разгар маскарада, когда Кондратий Петрович основательно подогрев себя коньяком, уже намеревался зацепить какую-нибудь из масок и отправиться ужинать, на его плечо опустилась чья-то рука. Кондратий Петрович вздрогнул от этого прикосновения и обернулся. Сзади его стояло черное изящное домино.

— Что тебе, маска, — пробормотал Егорин, невольно делая шаг назад, пораженный холодным блеском глаз таинственного домино.

— Идем со мной! — тихо и властно произнесло домино, повертываясь к выходу на лестницу.

— Он, — промелькнуло в голове у Егорина. — Он, человек в маске!

— Одевайтесь и подождите меня у выхода, — шепнуло домино, когда они спустились в вестибюль.

Егорин молча кивнул головой и поспешил к вешалкам... Посмотрим, что новенького скажет мне он. Наверное, что-нибудь предстоит...

— Я готов, следуйте за мной... — произнес спокойным тоном незнакомец в пальто с поднятым воротником, совершенно закрывшим лицо, появляясь перед Егориным. Они вышли из собрания. — Извозчика не будем брать. Пойдем в «Россию», — заметил спутник Егорина.

В отдельном кабинете «России», куда они прошли, не снимая верхней одежды, незнакомец потребовал подать бутылку шампанского и дождавшись, когда его приказание было выполнено, плотно запер за собой дверь. Теперь только он снял пальто и Егорин, по его дорогому прекрасно сшитому костюму, по бриллиантовым запонкам манишки и белым выхоленным рукам, мог еще раз убедиться, что таинственный человек в маске принадлежит к высшему обществу.

— Выпьем, Кондратий Петрович! — поднял свой бокал незнакомец. — Давно мы не имели удовольствия встречаться.

— Да, давненько, таки, — отозвался Егорин, подходя к столу...

Теперь, когда незнакомец протянул руку, чтобы чокнуться с Еgorиным, их отделял друг от друга всего лишь какой-нибудь аршин расстояния, так что Кондратий Петрович мог хорошо рассмотреть своего загадочного собеседника, тем более, что свет электрической люстры падал как раз на голову последнего. Таким счастливым положением Кондратий Петрович, конечно, поспешил воспользоваться, но ничего нового не открыл: черная шелковая маска плотно облегалa лицо незнакомца, так что казалось что оно отлито из черного гипса. Егорин на мгновение встретился с глазами мрачного неподвижного взгляда незнакомца, так что бокал даже задрожал в его руке.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся резким ироничным смехом человек в маске. — Вы, Кондратий Петрович, все еще не покидаете надежду открыть мне мое инкогнито. Напрасно стараетесь! Человек, который хотя бы раз на одну секунду увидевший мое лицо, долго не живет! Это запомните!

Невольный трепет пробежал по членам Еgorина при этих словах, полных страшного значения.

— Я позвал вас, чтобы поговорить об очень важном деле, — начал человек в маске, разваливаясь в кресле и спокойно глотая шампанское.

Егорин подобоострастно подался вперед, весь превратившись во внимание.

— По донесениям моих агентов, приблизительно через месяц мы можем взять около трехсот тысяч рублей. Сумма, как видите, большая, но и риск немалый! Хотя план действий будет разработан мной всесторонне. Но рисковать все же придется. От вас я требую быть готовым на все, вполне подчиняться моим указаниям и в известную минуту явиться к моим услугам с двумя лошадьми в отдельных экипажах, и двумя надежными помощниками. За это вы можете получить одну треть взятой суммы... Согласны ли вы.

— Под вашим руководством — на все согласен! — решительно ответил Егорин.

Сто тысяч рублей уже рисовались в его воображении и заставляли забыть о грозящих опасностях.

29. Кандидаты на виселицу

Изъявив согласие на участие в предприятии, хотя и опасном, но заманчивым по выгодности, Егорин задумался над тем, кого взять себе в помощники. Требовалось двое. И оба должны были быть люди смелые, решительные.

Разве Ваньку взять, — думал Егорин. — Он хоть и прикидывается теперь тихоней, а от форта не откажется.

Предположение Еgorина оправдалось: когда он в дружеской беседе с глазу на глаз, рассказал Кочерову о готовившемся предприятии. Не передавая, впрочем, подробностей его, то Иван Семенович хотя и колебался видимо, но решительного отказа не высказал...

— Ты-то подумай, — уговаривал его Егорин, — сейчас, промежду нас сказано, ладишь ты

бабу свою околпачить. Это я давно заметил уже. Скоро тебе жену не провести: хитра шельма! Не гляди, что смиренницей прикидывается... Скажем так даже: обделаешь ты дельце, хотя тоже хлопот много будет, переведет она дома на тебя. Много ли тебе отчислится! А ждать надо да камедь ломать! Нет, если ты уж хочешь деньгу иметь, да вольной волей жить, то бей с налета. Ты рассуди: в один, может, час какую фортуна составить можно. На худой конец тысяч двадцать на твой пай придется.

Перспектива положить в карман двадцать тысяч была заманчивой и Иван Семенович, отбросив колебания, решил примкнуть к Егорину.

Была, не была! — мысленно успокаивал себя он. — По крайней мере, сразу могу на ноги встать. И Катю опять взять... Правду говорит Кондратий: нечего, у моря сидя, погоды ждать...

Заручившись согласием Кочерова, Егорин посоветовался с ним относительно выбора второго помощника.

— Стой, брат! Я знаю! — ответил после некоторого размышления Кочеров.

— Есть подходящий человек!

— Кто такой.

— Видишь ли, в трактире у Чебукидзе я познакомился с одним молодым человеком, тоже из грузин, Гришкой Махаладзе зовут... В Томск он приехал места искать и сейчас без дела шатается. Парень отчаянный, на что хочешь пойдет. Товарищ хороший — не выдаст!

— Это такой черненький, невысокого роста. Тот самый с которым мы тогда у Орлихи гуляли... осенью, помнишь.

— Этот, самый...

— Ладно, поговори с ним. Где он теперь живет.

— У Чебукидзе. Земляки ведь.

После этого разговора прошло более трех недель. От инициатора дела человека в маске — никаких еще распоряжений не поступало. Егорин начал уже сомневаться, не расстроилось ли дело, как однажды утром почтальон принес ему письмо с городским штемпелем. Это было приглашение от человека в маске явиться на собрание. Мы не останавливаемся на подробностях этого свидания, потому что результаты переговоров Егорина с человеком в маске будут выяснены позже. Получив подробную инструкцию, Кондратий Петрович оповестил своих помощников о необходимости собраться и потолковать между собой.

Был конец марта. В воздухе уже чувствовалась весна, которая в этом году обещала быть ранней. Ездили уже на колесах. В один из этих дней, поздно вечером, Кондратий Петрович выехал на собственных лошадях без кучера. Он отправился на свидание с Кочеровым и Махаладзе. Свидание это, имеющее целью объяснить план действий, было назначено у Махаладзе, занимающего маленькую комнату в верхних этажах трактира Чебукидзе.

Последний не был посвящен в этот заговор и поэтому предполагаемое свидание должно было происходить в строгой тайне.

Сдав лошадь на попечение дворника, Егорин поднялся на верхний этаж. В небольшой комнате, куда вошел Кондратий Петрович, было жарко и сильно накурено. На столе горела свеча, воткнутая в пустую пивную бутылку. Тут же стояла водка и неизменный шашлык, блюдо, приготовлением которого особенно славился трактир Чебукидзе. Хозяин комнаты,

безусый юноша, стройный и сухощавый, со смуглым лицом, поднялся навстречу Егорину. Они обменялись рукопожатием.

— Давно пришел. — Спросил Кондратий Петрович Кочерова, лежащего на кровати.

— Засветло еще. Мы уже графин водки успели раздавить.

Кондратий Петрович присел к столу и, помолчав немного, обратился к Махаладзе:

— Нас здесь никто не подслушает.

Тот отрицательно покачал головой.

— В соседней комнате никто не живет, а эта стена капитальная, так что можно говорить смело.

Но Егорин, тем не менее, понизил голос до шепота.

— Садитесь поближе к столу и слушайте хорошенько, — начал он.

Те двое подвинули стулья и приготовились слушать. Кочеров нервно пощипывал свои усики и смотрел куда-то в угол. Махаладзе был серьезен, но очень спокоен.

— Дело, за которое мы беремся, — продолжал Егорин, — предстоит скоро.

Послезавтра. В этот день, в десять часов утра, поедут на томский вокзал железнодорожные артельщики — жалованье на линию повезут. Сумма большая десятками тысяч пахнет! Действовать мы будем так: ты, Ваня, запряги часов в девять свою лошадь и приезжай сюда. Выедете отсюда вы вместе. Махаладзе поедет на томский вокзал, а ты сам около обрuba слезай и иди к главной бухгалтерии, где касса помещается.

— Это — на Ямском переулке.

— Там мы встретимся с тобой и будем следить за артельщиками. А ты Махаладзе, поезжай шагом и обязательно надевай белую шапку. Это сигнал. Так доедешь до кладбища, тебе встретятся двое и спросят: «не видал ли белого зайца». Ты говори: «собаки сзади». Смотри не перепутай. Это наши ребята будут.

Махаладзе аккуратно записал условный пароль.

— С ними поезжай вперед, проедете кладбище, сверните с дороги — будто тяж лопнул. Смотрите в оба на дорогу и как увидите меня, я за артельщиками следом поеду, то вертайтесь на дорогу навстречу. Ну, а уж там само дело подскажет.

30. Роли распределены

Махаладзе сосредоточенно нахмурился и переспросил:

— Нет уж вы, Кондратий Петрович, говорите так, чтобы все ясно было, чтобы все роли распределены были.

— Да, конечно, чтобы все было на виду, — поддержал Кочеров.

— Ну, да теперь нечего толковать вам, ты со мной будешь. — Бросил Кочерову Егорин. — А

вот ты, Махаладзе, слушай. Править лошадью ты умеешь!

Махаладзе утвердительно кивнул головой.

— Когда ты будешь подъезжать к нам, смотри в оба — не выпуская вожжей. Тут ребята перебросят тебе на телегу чемодан, заскочит к тебе на телегу еще один человек из наших же и дуйте вы с ними, куда он укажет. В этом все твое дело.

Махаладзе внимательно выслушал объяснение Егорина, молча кивнул головой, отодвинул свой стул и прошелся по комнате.

— Видите ли, Кондратий Петрович, — заговорил он, — я на это дело согласен. Трусу праздновать не буду. Не знаю как кто, а по мне все равно.

Черные глаза Махаладзе блеснули и весь он точно вырос.

— Ну, этот назад не попятится! — невольно залюбовался им Егорин.

Иван Семенович в продолжение всего разговора, молча, сидел на кровати и нервно вздрагивал при каждом слабом стуке, доносившемся из коридора.

Теперь, когда он увидел, что всякое отступление уже поздно, и что ему не удалось не далее как послезавтра, придется рисковать собой, в его душе зашевелилось позднее опасение. Егорин сразу обратил внимание на побледневшее лицо Кочерова, поймал его смущенный, виноватый взгляд и резко заметил:

— Ну, Ванька, теперь танцевать поздно. Взялся за гуж — не говори, что не дуж!

— С чего ты взял! — обиженным тоном отозвался Кочеров.

— Так, между прочим, — прикоснулся к его плечу Егорин — дело это не мной начато и не одному мне с вами всей этой каши не расхлебать! От кого начало пошло, тот человек серьезный. Ежели, кто из вас сдрейфит, тут тому и карачун будет.

— Больно уж стращаешь ты, Кондратий Петрович, — слегка улыбнулся Махаладзе, расхаживая по комнате. — Ты ли этому делу зачинщик, или другой кто, по мне все равно.

— Секим башка! — некстати рассмеялся Кочеров.

Махаладзе даже не удостоил его взглядом и продолжал, обращаясь к Егорину.

— Ну, так вот, я говорил: ты ли будешь верховодить, или другой кто, меня это не касается. Помни! Хоть молод я, усов еще себе не нажил, а уж на что пошел, так пойду да конца. Не в нашей породе пятки показывать.

Горячий и возбужденный тон молодого грузина, уверенного в себе и в своих силах, подбодрил и Кочерова.

— Что тут толковать, — вставил он, протягиваясь за гитарой, висящей на стене. — Сказано: дело, или пан, или пропал, какие тут могут быть разговоры.

Кондратий Петрович подкрутил усы и, обращаясь к Махаладзе предусмотрительно добавил.

— Ты дорогу-то на томский вокзал знаешь.

Тот утвердительно ответил.

— Ну, теперь вот что, парнюги, — поднялся Егорин, — засиживаться мне долго не

приходится. С Ванькой-то я еще увижусь. А вот тебе... Есть у тебя револьвер.

Махаладзе вместо ответа подошел к кровати и вынул из-под подушки блеснувшее никелем оружие.

— Да ладно, — пробормотал Егорин, берясь за фуражку. — Теперь я и домой могу пойти. Ну, ты, Иван, завтра зайди ко мне утром.

— Погоди, Кондратий Петрович, мы вместе пойдем, — отозвался Кочеров, надевая пальто.

— Ну ладно, пойдем вместе, найдем двести, разделим пополам! Мне две Катеньки — тебе остальное!

Рассмеявшись своей шутке, Кондратий Петрович пожал руку Махаладзе и вышел вместе с Кочеровым из комнаты.

— Пойдем через трактир, — предложил Кочеров.

Егорин недоверчиво покосился на него.

— Что ты — за галстук опять хочешь заложить?

Иван Семенович смущенно улыбнулся и, застегивая пуговицы пальто, тихо пояснил:

— Видишь ли, мне не хочется проходить мимо той комнаты.

— Где жила она! — грубо подхватил Егорин. — Эх ты, Ваня, мало тебя маленького пороли. Господи, бог приведет, не на кобыле полежишь, как отпустят тебе сто горяченьких, так всякая любовь из головы выскочит.

Иван Семенович ничем не отозвался на этот циничный возглас.

— Идем! — кратко сказал он.

В трактире, куда они спустились, несмотря на поздний час, было много народу.

Александр Иванович Чебукидзе сумел завоевать себе популярность среди известных слоев общества. Его постоянными посетителями были люди, в большинстве случаев хорошо осведомленные о том, что несет за собой та или другая статья уголовного уложения. Здесь были или только вышедшие из тюрьмы или кандидаты в нее. Мелкие карманные мазурики чередовались здесь с крупными рыцарями осенних ночей. В общем это был народ, все безродный, не жалеющий свои легко нажитый деньги и поэтому дающий хороший доход заведению.

Когда Кочеров и Егорин спустились в трактир, их сразу охватила атмосфера близкой кухни, чадного дымного воздуха, пьяного беспорядка.

— Здорово торгует твой твой квартирант, — вполголоса уронил Егорин, сторонясь, чтобы дать дорогу официанту, который спешил из кухни с блюдом горячего шашлыка.

— Да, — неопределенно отозвался Кочеров, втягивая носом приятный, щекочущий обоняние аромат мяса с поджаренным луком.

— Ага, Ивану Семеновичу, дорогому гостю, наше почтение! Какими это ветрами вас сюда занесло. — Приветствовал их хозяин трактира, выходя из-за угла стойки. — Да куда же это вы спешите, — продолжал он, видя, что неожиданные посетители направляются к дверям.

— Иван Семенович, дорогой, куда ты так скоро собрался! Посидели бы, шашлычку поели!

— Спасибо, Александр Иванович, некогда, домой надо. Жена ждет!

Кочеров и Егорин вышли на улицу. Теплый влажный воздух мартовской ночи, говорящий о близости весны, охватил их, лишь только они спустились с грязного трактирного крыльца.

— Скоро, гляди, река пойдет! — вздохнул полной грудью Кочеров.

Егорин ничего не ответил на это.

— Помни же... послезавтра! — многозначительно подчеркнул он Кочерову, прощаясь с ним.

31. Роковое утро

Утром, в тот достопамятный день, когда разыгралась кровавая драма на вокзальном шоссе, Егорин проснулся раньше обыкновенного. Накануне вечером он получил дополнительную инструкцию от человека в маске, вносящую некоторые изменения в первоначально выработанный план. Поэтому Кондратию Петровичу необходимо было увидеть Кочерова раньше, чем он выйдет из дома.

— Куда это ты собрался в такую рань? — спросила его жена, видя, что Егорин, наскоро одевшись, собирается уходить.

— Дело есть, с человеком одним нужно увидаться.

— Ты бы хотя стакан чая выпил. Самовар уже подан.

— Некогда! В гостях напьюсь...

Кондратий Егорович поспешил к Кочерову, которого застал сидящим за чайным столом в обществе своей супруги. Старики Кочерова помещались в другой половине дома, предоставляя сыну жить совершенно самостоятельно...

— Ну, Иван, запрягай скорее лошадь, да поедем! — заговорил Кондратий Петрович, еще из прихожей, где он задержался несколько, снимая пальто.

— Куда это вы ехать собрались? — любопытствовала молодая женщина, здороваясь с Егориним.

Тот ответил, не моргнув глазом.

— Иноходца я у одного прасола торгую, так вот надо съездить посмотреть. Муженек-то ваш в лошадях толк знает, поэтому я и беру его с собой.

— Если бы молодая женщина была более наблюдательнее, то она наверное обратила бы внимание на взволнованный вид мужа. Иван Семенович, оставив недопитый чай, начал одеваться. Руки его заметно дрожали.

— В телегу вели запрячь-то! — крикнул Кочерову Кондратий Петрович. — Да рогожу надо бросить — ноги закрыть, а то больно грязи на улице много.

— Ладно! — отозвался Кочеров, выходя, чтобы сделать работнику нужные распоряжения.

Полчаса спустя, друзья направились к центру города. Грязь за ночь подстыла и образовала кочки. Телега немилосердно тряслась и потряхивала наших спутников. Несмотря на такое

неудобство езды. Они подгоняли лошадь, обмениваясь краткими замечаниями.

— Больно вчера только, вечером, известно стало, что артельщики раньше на вокзал поедут,
— объяснил Егорин.

— А точно ли известно, что они без конвоя поедут.

— Они поедут двое, как всегда.

— Риску-то все-таки много!

— Без риска-то какой фарт найдешь! На печи сидя, денег не наживешь.

— Главное то, что среди бела дня...

— Эх, Ванька, что после время скулишь! Было б тебе раньше соглашаться.

— Ладно уж... Чего там...

Кочеров сердито передернул вожжи.

— Стой! Тут я слезу, а ты поезжай к Махаладзе. Торопи его, чтоб сейчас же собрался!

Они остановились на углу Никитской и монастырской улиц. Егорин слез с телеги.

— Поезжай... Дальше все делайте, как и раньше было говорено. А встречу тебя около магазина Щепкина и Сквородина.

Иван Семенович молча кивнул головой и стеганул лошадей.

— Ну, приведет ли бог завтрашний день увидеть, — думал он, рисуя себе опасность близкого дела.

— Дернула меня нелегкая впутаться в эту чащу! Куш-то положили можно взять... Хорошие деньги... Только и влопаться хорошо можно!

Терзаясь такими сомнениями, Кочеров подъехал к трактиру Чебукидзе. По случаю праздничного дня трактир был закрыт. Кочеров привязал лошадь около калитки и зашел на двор.

— А, Иван Семенович! С праздником! — окликнул его Чебукидзе, попавший ему навстречу.

Кочеров сухо кивнул головой и, не отвечая на слова, стал подниматься по лестнице. Он застал Махаладзе занятым чем-то около стола.

— Готов ты? — спросил Кочеров.

Не бросая своего дела и не повертывая головы, Махаладзе весело ответил:

— Сейчас буду готов; револьвер вот только заряджу! Садись пока покури.

— Поскорее шевелись! — угрюмо пробормотал Кочеров. — Как бы не опоздать!

— Зачем опаздывать! Поспеем на тот свет, там кабаков нет! — небрежно заметил Махаладзе, пряча револьвер в карман.

Слова эти не понравились Кочерову. Он неодобрительно покосился на Махаладзе.

— Каркаешь на свою голову!

— Ну, ну, чего ты, как старая баба, ворчишь себе под нос... Чему быть, того не миновать!

Махаладзе сдвинул тонко очерченные брови. На его красивом лице отразилась слепая вера в судьбу — выражение чисто восточного фатализма.

Серьезно, сохраняя полное спокойствие, он подтянул ремень черкески, сунул за пазуху револьвер и надел белую папаху.

— Идем!

Они быстро спустились вниз и вышли за ворота. Пока Кочеров отвязывал лошадь, Махаладзе посмотрел на грязную, еще пустынную улицу, на серое облачное небо и повел плечами от тянувшего холодного ветра.

— Ну и сторона, Сибирь проклятая! — обратился он к Кочерову, садясь рядом с ним в телегу. — Апрель месяц на дворе, а еще снег лежит и холодно чертовски! А у нас уже цветут цветы... айва... тепло... солнце...

Кочеров ничего не ответил на эти слова. Он подстегнул вожжами лошадь и мельком сердито взглянул на красивый смуглый профиль своего спутника. А тот, точно угадывая мысли Кочерова, продолжал:

— Ты скажешь, зачем дескать, в Сибирь приехал, если на родине так хорошо... Деньги нажить, вот зачем, друг любезный! Если удастся нам сегодня хорошо заработать только вы меня и видели: сейчас же домой уеду... Женюсь на родине... Торговлю открою, ресторан сниму...

Ишь ты, какой прыткий, — подумал Кочеров. — Смотри, брат, как бы вместо родины в могиле не очутиться или в тюрьму не попасть! Эх, рискованное дело!

Он не высказал Махаладзе своих опасений и только вздохнул.

— Ну, поезжай теперь один, а я пойду к Егорину навстречу, — остановил лошадь Иван Семенович, когда они доехали до обруба. Он передал вожжи и соскочил с телеги.

Махаладзе повернул лошадь направо по взвозу на воскресенскую гору, а Иван Семенович быстро зашагал по большой улице, торопясь встретить Егорина. Неопределенные, быстро сменяющиеся ощущения страха и беспечности, опасений и надежд, охватили его душу, как в ту памятную июньскую ночь, перед его дебютом на опасном поприще легкой наживы. Иван Семенович торопливо шагал по скользким обледенелым тротуарам, рассеянно пробегал глазами по вывескам запертых магазинов и думал:

— Скоро 9 часов! Если все хорошо сойдет, уж и напьюсь я сегодня на радостях. А завтра в Красноярск покачу с Катей повидаться... Нет, впрочем, завтра-то уехать нельзя будет, дома, пожалуй, заподозрят. Надо будет выждать время! Письмо Кате напишу: так и так, мол, приготавлийся. Скоро приеду за тобой!

Погрузившись в эти воспоминания приятные мысли, Кочеров не заметил, как дошел до условленного места. Его вывел из задумчивости оклик Егорина.

— Иван Семенович! Постой.

Кочеров вздрогнул, остановился и только сейчас увидел своего сообщника, сидящего на лавочке около магазина Щепкина и Сквородина.

Они пошли дальше вместе, разговаривая вполголоса. Егорин осведомился о Махаладзе и, получив успокоительный ответ, что все обстоит благополучно, в свою очередь сообщил

Кочерову о результатах своих наблюдений. Артельщики еще не выезжали.

— Извозчик под них уже приехал, на дворе стоит. Сейчас должны отправляться!

Проходя мимо дома, в котором помещалась главная касса Сибирской железной дороги, они заглянули во двор. Около кассы стояла извозчичья пролетка.

— Видишь! — шепнул Егорин.

Они заняли наблюдательный пост на лавочке, около одного дома, находящегося на противоположной стороне улицы. Егорин посмотрел на часы.

— Ого, уже 12 минут десятого... Что они там копаются.

В это время из кассы выехала пролетка, с двумя седоками.

— Это они — артельщики! Идем скорее!

32. Убийство на вокзальном шоссе

— Куда идем? — не понял Кочеров.

— Иди за мной... поедem сейчас. Тут у меня лошадь приготовлена! — торопливо на ходу пояснил Егорин.

Они завернули за угол переулкa. Здесь около крыльца одного из домов стоял извозчик. Они обменялись с Егориным взглядами и Кочеров спросил:

— Подавать, что ли?

— Подавай. Садись, Иван! — торопил своего спутника Егорин, быстро заскакивая на пролетку, шепотом добавил: — Это из наших ребят, переодет только извозчиком. Погоняй, брат, живее!

Последнее восклицание относилось к вознице, который не спрашивал указаний, действуя, очевидно, по заранее выработанному плану, свернул на большую улицу, по которой поехали артельщики.

В описываемое нами утро, приблизительно за час до выезда артельщиков из города, вышли двое пешеходов и направились к томскому вокзалу. В одном из них, высоком крепко сложенном парне, одетом в короткую шведскую куртку и сапоги с длинными голенищами, наши читатели узнали бы старого знакомого Сеньку Козыря. Его спутник, стройный, сухощавый брюнет, с мрачным и решительным выражением смуглого лица, был одет в малиновую черкеску с нашитыми на груди патронами. На голове у него была мохнатая черная папахa.

На его поясе сбоку болтался небольшой кинжал в металлической оправе.

— Верст пять до вокзала будет, — спросил черкес у своего спутника, легко и уверенно ступая по кочкам замерзшей грязи. Говорил он по-русски вполне правильно без всякого акцента и только в своеобразном тембре его гортанного голоса сквозило что-то нерусское, что-то жестокое и властное.

— Три версты, не больше, — ответил Козырь, на ходу закуривая папиросу. Помолчав

немного, он спросил:

— Разве ты никогда не ходил по этой дороге, Асан?

Тот отрицательно покачал головой.

— Сам атаман ходил осматривать местность... Я же здесь еще не бывал.

Надо справиться с планом, далеко ли идти.

При этих словах Асана вынул из карман листок бумаги и внимательно осмотрел окружающую местность, обратился к заметкам, сделанным на плане.

— Вот как пройдем кладбище, то можно назад повернуть — дальше идти незачем! — поделился он с Козырем своими соображениями.

Сенька сплюнул в сторону и поправил шапку.

— Можно и на дороге подождать, — нерешительно заметил он, — зачем зря ноги ломать.

— Асан ничего не ответил на это и молча пошагал дальше. В шайке «мертвой головы» он занимал такое же место, которое раньше занимал Пройди-свет, то есть был помощником, правой рукой атамана, посредником между ним и остальными членами организации. Козырь недолюбливал нового товарища. Ему было обидно, что этот неизвестно откуда взявшийся черкес, занял важный пост есаула, на что он, Козырь, имел большее право. Кроме того, Козырь при выходе из тюрьмы, он сложил в себе убеждение, что виновником в убийстве Пройди-света, является никто иной, как этот черкес. Но так как прямых улик, подтверждающих это подозрение не было, то Козырь решил молчать, исподтишка наблюдая за черкесом. Сегодня в предстоящем деле, Асан должен был играть роль руководителя и дисциплина в шайке требовала от Козыря полного подчинения ему.

— Садись, отдохнем немного, да покурим, — предложил Асан, опускаясь на землю около кладбищенской ограды. — Недолго уже ждать осталось: девять часов утра.

Козырь не замедлил последовать его примеру и в свою очередь присел на корточки, прислонясь к стене. Они закурили.

— Вот если засыплемся сегодня, так ночевать, пожалуй, там будем! нарушил молчание Козырь, кивнув головой на видневшиеся постройки пересыльной тюрьмы.

— Ну так что же, кому тюрьма, а нам с тобой — добрый дом, — рассмеялся Асан коротким сухим смехом.

По дороге мимо наших героев, изредка проезжали экипажи с седоками, спешащими на вокзал к утреннему поезду. Прошел какой-то мужик с мешком за плечами.

— Пассажир первого класса. — Сострил на его счет Козырь.

В это время до их слуха со стороны города долетел протяжный гул благовеста.

— К обеду ударили, должно 9 часов.

Асан поднялся на ноги. Его зоркие глаза усмотрели вдали медленно движущуюся телегу, запряженную серой лошадью.

— Никак наш, — пробормотал он, пристально всматриваясь. — Так и есть наш, в белой папахе. Идем навстречу.

Они, поравнявшись с телегой, остановились.

— Не видал ли, земляк, белого зайца? — уверенно крикнул Асан, подходя к телеге.

Махаладзе натянул вожжи и торопливо ответил:

— Собаки сзади.

Обменявшись этим паролем, сообщники уселись в телегу и тронулись далее... Махаладзе искоса поглядывал на своих новых товарищей, но не решался заговорить с ними.

— Стой, земляк, — слегка дотронулся до его плеча Асан, — сверни с дороги, ждуть будем.

Долго ждать им не пришлось, почти сейчас же Махаладзе обратил их внимание на две пролетки, показавшиеся на шоссе.

— Это они, артельщики. Вон сзади наши едут! — взволнованно прошептал он, заворачивая лошадь.

Роковая минута приближалась.

33. Жертва долга

— Поезжай им навстречу, — тихо, но решительно сказал черкес.

Телега медленно двинулась вперед.

— Вот оно, сейчас начнется! — подумал Махаладзе, нервно передергивая вожжами.

Расстояние между телегой и первой пролеткой все уменьшалось.

— Право держи! — крикнул извозчик, видя, что телега с тремя незнакомцами преграждает ему путь.

— Стой, земляк, — живо заговорил черкес, соскакивая с телеги, — погоди маленько. Нет ли у вас огонька прикурить. — говоря это, он быстро подошел к пролетке и вытащив из-за пазухи револьвер, направил его на опешивших седоков.

В тот же момент Козырь, выскочив на дорогу, схватил под уздцы лошадь извозчика. Все это произошло так быстро и неожиданно, что Махаладзе не успел даже моргнуть глазом. Он замотал вожжи на облучок телеги и нерешительно замялся на месте, не зная, что ему делать.

Артельщики соскочили с пролетки в противоположную сторону.

— Держи коня! — крикнул Козырь, бросаясь вперед и на ходу вытаскивая револьвер.

Махаладзе сильно дернул за вожжи. Лошадь сделала неловкое движение и пролетка перевернулась.

— Бросай револьвер, тебе говорят, ты, — ухватился Козырь за руку одного из артельщиков, попробовавшего сопротивляться.

После короткой борьбы Козырю удалось обезоружить своего противника и сильным толчком

бросить его на землю.

Второй артельщик, соскочив с пролетки, отбежал немного в сторону и как-то странно топтался на месте, прижимая левой рукой объемистый кожаный портфель, а правой шаря в кармане оружие.

Черкес медленно приближался к нему, спокойно наводя револьвер.

Махаладзе все еще держал за вожжи испуганную лошадь. Из-за перевернутой пролетки перед ним промелькнуло бледное растерянное лицо Кочерова.

В то же мгновение раздался резкий револьверный выстрел. Другой, третий.

Артельщик, в которого стрелял черкес, грузно повалился в снег своим туловищем, как-то нелепо взмахнув руками. При падении фуражка соскочила с его головы и откатилась в сторону к ногам лошади.

Первый из артельщиков, пользуясь тем, что никто не обращает на него внимания отполз в сторону, вскочил на ноги и пустился бежать по направлению к пересыльной тюрьме.

— Убежал, ну черт с ним, догонять не стоит, посмотрел ему вслед Асан, заряжая револьвер.

— Кладите чемодан в телегу. Живее! — крикнул он, обращаясь в сторону своих сообщников.

Кочеров и Егорин торопливо принялись исполнять это приказание.

Лошадь Кочерова, запряженная в телегу, напуганная звуками выстрелов, начала биться. С уст черкеса сорвалось злобное ругательство. Время было дорого, нельзя было терять ни одной минуты. Со стороны города к месту происшествия приближался извозчик, — кто-то, очевидно, ехал на вокзал.

— Ну, скорее, вы шевелитесь! Возьми ее, Сенька, под уздцы!

Лошадь фыркала и пятилась назад, пугаясь чужого человека.

— Караул, грабят! Убивают! — донеслось со стороны остановившегося экипажа.

Неожиданные свидетели разыгравшегося злодеяния не осмеливаясь активно вмешаться, ограничились только криками о помощи.

Иван Семенович, после того, как чемодан был положен на телегу, распутал вожжи и, уже не отдавая отчета в своих поступках, забыв о выработанном плане и об участии своих товарищей, вскочил на телегу, ударил коня, закричал...

Егорин последовал его примеру.

Лошадь, послушная голосу своего хозяина, понеслась с места в карьер.

Лицо Асана исказилось судорогой и бешенством.

— Собаки, — прокричал он, увидев измену своих сообщников. — Беги, парень, уноси ноги!

Последнее восклицание относилось к Махаладзе. Тот не заставил повторять это приказание и, как молодой олень уходящий от своих преследователей, бросился бежать.

— Садись, Семен! — крикнул черкес товарищу, прыгая в пролетку, на которой приехали Кочеров и Егорин. — Портфельхвати, может, деньги там! вспомнил он.

Молчавший возница, беспристрастно наблюдавший все время за происходящим, повернул лошадь к городу, шевельнул вожжами и свистнул.

На месте разыгравшейся драмы остались перевернутая пролетка, извозчик, онемевший от страха, и неподвижный труп убитого артельщика.

Все выше описанное нами произошло за десять минут времени, но, когда пролетка с Асаном и Козырем приблизилась к черте города, из домов уже высыпал народ. Образовалась погоня... Но, к счастью, для наших героев преследователи были пешие и не были в состоянии преградить путь беглецам.

Пролетка нырнула в один из узеньких переулков и скрылась из глаз толпы.

Посмотрим, как удалось скрыться Кочерову и Егорину.

Свернув с дороги на пустырь, отделяющий городские постройки от кладбищенской ограды, они долго колесили по городским окраинам, пока не попали в переулок, в котором им не встретилось ни души.

— Куда поедет-то, — спросил Кочеров, начиная оправляться от пережитого волнения. — Домой ехать нельзя, живо сцапают.

— Чемодан-то больно велик, с ним надо разделаться, — добавил Егорин.

И тут же накинулся на Кочерова.

— Ремни из тебя резать надо, сволочь! Пошто коня зря угнал! Весь план перепутал. Место было приготовлено, куда ехать. Теперь туда не попадешь. Одно разве к Орлихе поехать!

— И то правда! — согласился Кочеров. Он шевельнул вожжами.

— Ну, Ванька, не сносить нам своей головы, ежели да засыплемся!

— Одно слово — петля! — беззвучно уронил Кочеров, вновь поддаваясь чувству страха, нахлынувшему на него при словах Егорина.

Тот, очевидно, понял настроение Кочерова и, хлопнув рукой по чемодану, вызывающим тоном произнес:

— Была, не была! По крайности денег-то куча.

Перспектива сделаться обладателем двадцатитысячного состояния и не далее как сегодня приободрила Кочерова.

— Ну, бог не выдаст, свинья не съест! — пробормотал он, погоняя лошадь.

На дворе Орлихи их ожидало новое разочарование: хозяйки квартиры не было дома. На их звонок вышла какая-то девочка в засаленном платье и пропищала, кутаясь в рваный платок:

— Тетеньки нету дома. Оне в гости ушедши.

Сообщники обменялись взглядами.

— Вот всегда так, — с отчаянием в голосе произнес Кочеров, заворачивая лошадь. — Куда мы теперь поедет.

Егорин пропустил мимо ушей негодующее замечание Кочерова. Сознывая всю опасность создавшегося положения, он старался найти какой-нибудь выход.

— К тебе попрём, — наконец решил он.

— Куда ко мне, — недоуменно отозвался Кочеров.

— Да в женины дома, в трактир. Ну, шевели руками! Чего замерз, что ли!

Девчонка все еще вертелась на крыльце. Ее детское воображение было заинтересовано этими двумя прилично одетыми людьми с такими испуганными лицами и растерянными движениями.

— Ай-ай, поклажу-то выронили, — крикнула она тоненьким голоском, увидев, как от неловкого положения Кочерова телега зацепилась за крыльцо и опрокинулась.

— О, чтоб тебя, черт! — выругался Егорин, поднимая чемодан.

— Да куда мы его там спрячем? — растерянно шептал Кочеров, выезжая за ворота.

— А вот к Андросихе заедем. У нее ведь каретники пустые, биржи она теперь не держит, у ней и спрячемся в каретнике. Ты уж молчи только, да мне поддакивай, а я уж знаю, что говорить.

— Чего говорить ты будешь! И деньгам не рад. Влопались мы с тобой, брат, — тоскливо покачал головой Иван Семенович.

— Молчи! Скажем, что тебя завтра описывать будут, что вот де некоторые вещи от описи уберечь хотим. Только делов. Что она, дура-баба, понимает!

Последний план был выполнен нашими героями без затруднения.

Андросиха, увидав Кочерова и Егорина, всех забрызганных грязью, и не доверяясь их сбивчивым объяснениям, наотрез отказалась дать им свой каретник.

— Ну, чего тут обращать на бабу внимание. Кто хозяин дома. Ты или кто. Ты, старая кочерга, молчи у меня. Будешь ежели что болтать — на свою голову.

Они спрятали злополучный чемодан в углу каретника, прикрыв его рогожей.

— Вечером вернемся, тогда возьмем.

Разделавшись таким образом с вещественными следами рокового утра, сообщники поспешили домой. Проезжая по улицам города, Кочеров испуганно озирался направо и налево, точно ожидая, что вот-вот кто-нибудь из встречных закричит: «Держи их! Убийцы!..»

Это болезненное состояние не прошло даже и тогда, когда Кочеров, простившись с Егориным, въехал к себе во двор.

На лице работника, который вышел принять лошадь, он усмотрел выражение скрытого злорадства. Точно вялый, сонный парень будто хотел сказать своему хозяину: «Доплясался, голубчик, въехал в петлю.»

34. Последний дуван

— Ну, ребята, кажись, на этот раз счастливо отделались. — Облегченно вздохнул Козырь, когда пролетка остановилась. Сообщники оставили далеко позади себя своих

преследователей.

Они ехали в это время по пустынной, малозаселенной улице. Редкие прохожие не обращали внимания на них.

Весть о совершившемся нападении еще не успела распространиться по городу.

— Куда ехать-то, — спросил вполоборота через плечо угрюмый возница.

Он теперь, когда опасность осталась далеко позади был также хладнокровен и молчалив, как и в то то время, когда на его глазах разыгрывалась кровавая драма.

— Что еще спрашивает, чудак! Поезжай, куда было говорено.

Асан нетерпеливо толкнул его в спину и полушутливо, полусерьезно добавил:

— Гони живей! На чай получишь!

— Одно только у меня на уме беспокойно: засыпят нас те собаки, попадутся.

— Не посмеют, не бойся! — отрывисто проворчал черкес, хмуря брови при воспоминании о трусливом бегстве сообщников.

— А Кондратий-то меня не узнал, — заметил Козырь. — А, положим, давно и не виделись мы с ним.

— Когда ему было узнавать: душа в пятки ушла. Ты не о том толкуй, что засыпят они нас, когда попадутся, а вот беда: деньги зря пропадут.

Разговаривая таким образом, наши герои подъехали к старому двухэтажному дому, в котором помещалась пивная Голубка, уже знакомая читателям.

Около запертых ворот Асан и Козырь слезли с пролетки и, захватив, портфель, прошли во двор.

Обедня еще не кончилась, поэтому наружные двери пивной и окна были еще заперты.

На крыльце их встретил Голубок в калошах на босую ногу и в азыме, накинутом на плечи. Лицо его было опухшим, как от многодневного пьянства.

Под глазом красовался синяк, очевидно, недавнего происхождения.

— Приехали, значит, — медленно заговорил он, прибегая к своему любимому жесту — почесывая поясницу, — ну, ступайте, сам-то наверху сидит. Должно сердает шибко, вас поджидаячи.

Козырь, давно не видевший Голубка, заметил новое архитектурное украшение на лице этого почтенного мужа, дружески похлопал его по плечу.

— Кто это тебя так разукрасил, дядя!

— Свои ребята. Маленько не в аккурате расчет вывел, — флегматичным тоном отозвался Голубок, сторонясь чтобы пропустить своих посетителей в сени.

Пройдя по полутемным сеням, заставленным разной рухлядью и пустыми корзинами из-под вина, они поднялись по ветхой скрипящей лестнице наверх.

В небольшой комнатке с окном, выходящим во двор, весьма скудно меблированной и

отделенной от соседнего помещения дощатой перегородкой, их встретил таинственный человек в маске.

— Ну что, орлы, целыми явились! Не пришлось на «вдове» жениться.

Эта мрачная шутка профессионального жаргона напомнила Асану опасность грозящей им петли. Он нервно передернул плечами и сердито сплюнул.

— Мы-то пришли, а вот те-то названные товарищи чтоб им ни дна, ни покрывки, пришили нам бороду...

— Как так, — удивленно и негодуя поднялся атаман.

— Да так. Взвалили чемодан на телегу, да и были таковы! Трусу праздновали оба, и Егорин, и другой, как его фамилия...

Глаза таинственного незнакомца блеснули из-под маски зловещим огнем.

Он прошептал какое-то проклятие и так сильно сжал спинку стула, что она разлетелась вдребезги.

— Тот, третий, молодой грузин! Он где, — резко отрывистым тоном, видимо пересиливая овладевший им гнев, спросил человек в маске.

— Тот убежал. Не знаю, как удалось ему скрыться, — ответил Асан, кладя на стол портфель.

— Это что такое, — обратил на него внимание человек в маске.

— Это мы захватили у артельщика, которого «похерили». — Спокойно отозвался Асан.

— А чемодан-то, говоришь, Егорин увез? — оживленно переспросил атаман.

— В телегу я велел его положить, как было условлено, разве я думал, что они пятки покажут, — начал было оправдываться Асан.

Но человек в маске успокоил его, хлопнув ладонью по плечу:

— Черт с ним, с чемоданом! Не в нем дело!

— Как нет! — в один голос воскликнули удивленно громилы.

— Ошибка неприятная произошла. Неверные сведения агенты мне доставили. Триста-то тысяч, о которых мы думали, не эти артельщики должны были везти, а другие. Они, должно быть, на Межениновку поехали. Поздно уж сказали мне. Предупредить я вас не успел! Ну не беда! Авось, на наше счастье, в портфеле деньги-то найдутся...

С этими словами человек в маске раскрыл объемистый портфель черной кожи, застегнутый двумя ремнями... Сообщники жадно следили за его движениями. Какова была их радость, когда они увидели толстые пачки кредитных билетов. Трофеем победы на вокзальном шоссе оказался ценным для них приобретением.

— Ах, ешь тебя волки! А ведь мы чуть не забыли его на дороге, вырвалось у Козыря невольное восклицание.

— Вот бы дурака сваяли!

Глаза Асана заискрились мрачным огнем алчности. Ноздри его широко раздувались.

— Ну, атаман, теперь крышка! — не спускал он глаз с заманчивых пестрых кучек. — Как получу с дувана свою долю — сейчас же на родину махну! Гори весь Томск огнем!

Деньги были тщательно пересчитаны.

— Семьдесят девять тысяч! — медленно произнес атаман, обводя глазами присутствующих.

Эффект этих слов был поразительным. Ни Козырю, ни Асану никогда еще не приходилось видеть такой большой суммы.

— Вот это... денежки! — даже головой покачал Сенька.

Черкес сделал нетерпеливое движение в сторону стола.

— Ну, дувань, хозяин! Чего еще ждать! — глухо спросил он, видя, что атаман не торопится приступить к дележке.

— Подожди маленько, успеешь еще! — остановил его человек в маске. Должен я вам сказать, товарищи, на прощанье несколько слов... Я говорю на «прощанье» потому, что вряд ли мы когда-нибудь увидимся. Ты, Асан, можешь ехать сегодня же, ночным поездом. В Сибирь, наверное по доброй воле вернуться не захочешь. Тебе, Козырь, тоже здесь делать нечего. Паспорт у тебя хороший... Поезжай в Россию — живи себе барином! Подфартило нам на сегодня, хотя и не так рассчитывали, а все же не с пустыми руками находимся. Другого такого случая долго ждать приходится!.. Последние мои слова вам: не попадайтесь, а попадетесь — не выдавайте! Ты вот, Асан, парень молодой еще, характер у тебя горячий, смелый... Хвалю я тебя за это, недаром и к себе приблизил, своей правой рукой сделал. Смотри же, и в остальном будь тверд, товарищей не выдавай, тюрьмы не бойся...

— Что ты говоришь, атаман! — обиженно прервал молодой человек. — Разве я баба, что зря языком болтаешь. Что мне тюрьма, если я петли не боюсь! Сделано дело, значит — могила!

— Да уж, понятное дело! — поддакнул Козырь.

— Пятьдесят тысяч я беру себе. Из этих и остальным всем выделим, а эти ваши! Берите каждый свою долю и уходите... Теперь вы вольные казаки!

Отсчитав пятьдесят тысяч рублей, атаман сунул их в портфель и протянул остальные деньги Козырю и Асану.

— Прощайте, товарищи! Желаю вам счастья. В Сибирь не возвращайтесь.

Они обменялись рукопожатием.

— Эх, атаман, век бы с тобой жить! — вырвалось у Асана. — На родину тянет, вот беда...

— Ну, уходите теперь поскорее: чем быстрее мы разойдемся, тем лучше. Задним крыльцом ступайте: через пивную идти неудобно. Могут быть чужие.

Обменявшись последними приветствиями, Козырь и Асан вышли из комнаты.

— Теперь вы мне больше не нужны! — проводил их задумчивым взглядом человек в маске.

35. Путь приближается к концу

Сенсационное известие о кровавом деле, разыгравшемся среди белого дня, на глазах ехавшей на вокзал публики, быстро разнеслось по городу и дало обильную пищу для разных толков и пересудов. Не обошлось, конечно, и без преувеличений. Рассказывали, что нападающих была целая шайка вооруженная винтовками. Сумма похищенных денег, пока это не было выяснено точно, возрастала на языке досужих болтунов до чудовищных размеров — чуть ли не до миллиона...

Всем лицам, замешанным в это дело, удалось благополучно скрыться с места преступления, за исключением одного Махаладзе. Он во время бегства был задержан солдатами пехотного полка, расквартированного в городе, патруль которых преградил ему путь.

Юноша, не сопротивляясь, отдался в руки своих преследователей и был заключен под стражу. Мрачные двери тюрьмы гостеприимно открылись перед ним и навсегда похоронили молодые мечты о родине и счастье...

Не счастливее его были и наши герои: на другой же день они были арестованы и заключены в тюрьму. Их выдал злополучный чемодан, спрятанный ими в каретном сарае, у Андросихи. В первую же ночь после убийства Кочеров и Егорин поспешили туда с целью воспользоваться содержимым чемодана.

Каково же было их огорчение и изумление, когда вместо ожидаемых денег в чемодане оказались одни бумаги, платежные ведомости и тому подобные документы. Огорчение, обманувшихся в своих надеждах сообщников было так велико, что они не позаботились даже уничтожить эти вещественные доказательства: чемодан и бумаги. Чемодан попал в руки полиции и дознание установило их прикосновенность к этому делу. Оба были арестованы.

Арест этот увеличил в публике сенсацию и повысил интерес к дуле. Многим томичам Кочеров и Егорин были знакомы лично.

— Помилуйте, домовладельцы, денежные люди, и вдруг на такое дело пошли! — удивлялись и негодовали в публике.

— Не миновать им теперь петли, потому что город на военном положении! предсказывали другие...

Дня через два после убийства артельщика, в общей зале гостиницы «Европа» за одним из угловых столиков сидело двое из наших старых знакомых.

Это были Асан и Козырь, но никто бы не узнал в этих прилично одетых людях, мирно беседующих за ужином наших героев недавнего нападения на вокзальном шоссе. Крупная сумма денег, полученная с дувана и дерзкая удача вскружили им голову. Они пренебрегли прощальными советами атамана и не только не уехали тот час же из города, но рискнули показаться в общественных местах. Это была большая ошибка с их стороны, которая чуть не стоила им жизни.

В эту ночь Асан был намерен уехать из Томска и теперь они зашли в «Европу», чтобы чинно, по благородному распить на прощание бутылочку, другую «настоящей шипучки».

— Сроду не пивал! — откровенно заявил Козырь своему товарищу с любопытством осматривая засмоленную бутылку.

— Не пивал, говоришь. Ну зато теперь вволю можно пить, благо деньги есть! — весело улыбнулся Асан.

Они чокнулись и залпом осушили свои бокалы.

— За благополучное возвращение домой! — прошептал Асан.

— Дай бог счастливого! — отозвался ему в тон Сенька.

— Теперь, как на родину вернусь, совсем мне другая цена будет, самодовольно заговорил Асан, вновь разливая вино и любуясь его игрой. — Был когда-то и беден и неизвестен, а теперь при деньгах-то все переменится.

— Понятное дело... Что-то я, брат, замечаю, никакого толку в этом шампанском нету. На вкус правда сладкое, а крепости настоящей нету.

Асан только улыбнулся на эти слова.

— Подожди: вступит в голову — ног не понесешь. Такое уж это вино незаметно действует.

— Дорогое, сволочь... Двенадцать рублей бутылка!

— Чего ж ты хочешь! На то и Сибирь! Здесь вон виноградное вино столовое дешевле, как рубль бутылка, хорошего нельзя достать, а наших местах его нипочем. Там у нас свои виноградники.

— Да, уж одно слово — Сибирь! Это как у нас в партии по первому разу я тогда шел, был один «обратник» бродяга, так тот, бывало начнет сибирскую сторону ругать: «Эх, говорит, ну и климат! Две копейки игла».

Козырь громко рассмеялся, вспомнив этот эпизод из своего прошлого.

Асан последовал его примеру. Оба преступника держали себя совершенно спокойно, непринужденно. Опасность каждую минуту быть узанным и взятыми, казалось, не существовала для них. Ничего похожего на угрызения совести не отражалось на лицах этих недавних убийц. Точно новые, надетые на них костюмы, раз и навсегда отделили их от прошлого...

— Сам то ты, Семен, когда думаешь из Томска выбраться? — спросил Асан.

— На этих днях уеду.

— В Россию тоже думаешь вернуться?

— Нет... на восток махну. Там у меня в Чите благоприятели есть. С ними надо повидаться. Паспорт у меня хороший, чистый...

Разговаривая таким образом, наши приятели допили шампанское и спросили еще. С непривычки к такому напитку, голова Козыря порядочно закружилась. Он стал клевать носом, то и дело наваливаясь на стол. Асан, как более трезвый, понял, что необходимо уходить. Он вынул свой туго набитый бумажник и достал сторублевую ассигнацию.

— Ах, черт его возьми! — пробормотал Асан, внимательно рассматривая билет. — Остались все-таки пятна.

— Какие пятна! О чем говоришь? — навалился к нему через стол Козырь.

— Да вот на деньгах-то... Видишь ли, деньги у меня первое время были в воде спрятаны... Хотя и хорошо были завязаны, но сырость проникла. Потом уж над печкой пришлось сушить их — на некоторых билетах остались, смотри вот, точно вылиняли они... Пожалуй, еще за фальшивую сочтут...

— Ну так другую достань.

— Неловко много денег-то показывать. Публика заметить может... Ну, да пустяки, сойдет!

Асан решительно позвонил в колокольчик.

Моментально явившийся лакей подобострастно изогнулся в ожидании хорошо получит на чай.

— Сколько с нас? — отрывисто спросил Асан.

36. Таинственный спаситель

Лакей перекинул салфетку из одной руки в другую, пересчитал глазами пустые бутылки и посуду, стоящие на столе и, в свою очередь спросил:

— Прикажете счетец подавать?

— Говори, сколько следует. Зачем нам счет. Когда прискакали приискатели гулять, то уж в копейках не считаются — деланно беспечным тоном возразил Асан.

Последние слова им были сказаны для того, чтобы не возбуждать никаких подозрений ни в лакее, ни в сидящей публике. Природная находчивость и ум подсказали Асану, по явление неизвестных лиц, кутящих в ресторане, может вызвать неприятные для них предположения, связанные с событиями на вокзальном шоссе, и что лучше всего выдать себя за приискателей, возвратившихся откуда-нибудь из тайги, с хорошими деньгами.

Лакей вынул из кармана бумажку, где был записан заказ этого столика, вооружился карандашом и быстро подвел итог.

— Тридцать шесть рублей ровно-с! — без запинки ответил он.

— Получай, братец! — равнодушно протянул ему Асан сторублевую ассигнацию.

— Сию минуту, разменяю-с! — бросился со всех ног лакей.

— Ну, товарищ, что ты раскис! — обратился черкес к Козырю. — Крепости, говоришь, настоящей в шампанском нет!

Семен пьяно улыбнулся, пытаясь закурить папиросу.

— Крепкое, сволочь! Аж в голову ступило...

— То-то и оно-то! Это, брат, винцо не гляди, что сладкое, а в лоск кладет!..

В ожидании, пока лакей принесет сдачу, Асан осмотрелся, тревожимый каким-то непонятым волнением. В публике, сидящей за ближайшими к ним столиками, никого подозрительного он не заметил. Рядом с их столиком сидела какая-то большая, шумная и веселая компания, очевидно, представителей золотой молодежи. Они пили крюшон, курили тонкие сигары и были заняты оживленным разговором. На своих соседей не обращали никакого внимания. С правой стороны от наших приятелей, за угловым столиком, сидел какой-то солидный господин, с рыжеватой бородкой, в золотых очках. Он скромно проводил время за чтением газеты, изредка отрываясь от нее затем, чтобы налить пива.

— Что это он так долго копается! — подумал Асан про лакея, с досадой наблюдая за своим товарищем, который все больше и больше раскисал в душной атмосфере зала.

Наконец, лакей появился. У него был смущенный и несколько недовольный вид. В руках он

держал злополучную сторублевку.

— Простите, господин, — начал он, переминаясь с ноги на ногу, — хозяин не хочет менять эту бумажку... Так что сумлеваются... Пятна на ней какие-то...

Минута была решительная и всякое колебание со стороны Асана могло повредить им. Но он нашелся.

— Что ж он, хозяин твой, думает, что фальшивая это бумажка, а! — высокомерным тоном заговорил Асан, откидываясь на спинку стула и бросая на лакея уничтожающий взгляд — скажи твоему хозяину, что пятна эти от воды... Когда мы с приисков ехали, попали в наледь! Ну и вымокли все и деньги замочили... Понял! Сегодня утром я в казначействе такую же менял, на пятна никакого внимания не обратили! Да, впрочем, чего с тобой толковать! Давай сюда эти сто рублей... Кажется, у меня наберется, заплатить сколько следует. Тридцать шесть рублей, говоришь!

— Так точно-с!

Асан порылся в карманах, делая вид, что ищет деньги.

— Ну, конечно, найдется! Только вот на чай тебе мало придется...

Последние слова возымели на лакея надлежащее действие. Он решительно тряхнул головой.

— Позвольте-с, господин, я еще раз схожу к хозяину, пусть он посмотрит как следует еще раз...

— Поскорее только ходи! — крикнул ему вслед Асан, внутренне радуясь своей выдумке.

— Ну, Асан, ходим, брат, домой... чего сидеть! — совсем пьяным голосом заговорил Козырь и довольно недвусмысленно замурлыкал, обнаруживая желание петь.

— Тише ты! С ума спятил! — остановил его товарищ. — Сейчас домой пойдем, вот только сдачу принесут.

— А то, брат, к девочкам махнем... Чего нам! Деньги — во-о они! — и Козырь хлопнул себя по карману.

Сцена эта начала привлекать внимание посетителей, но к счастью, для наших героев явился лакей со сдачей.

— Разменял-с! — скромно доложил он, — извольте-с получить!

Асан, не считая, сунул деньги в карман, оставив лакею три рубля. Тот отвесил ему низкий поклон.

— Ну, идем! — сказал Асан, отодвигая свой стул.

Козырь поднялся, и слегка пошатываясь, направился вслед за своим товарищем к выходу.

— Аж, в голову вступило... — бурчал он себе под нос, тупо смотря вперед осоловелым взглядом сильно пьяного человека.

В коридоре Асан остановился и обратился к Козырю:

— Ты подожди меня на площадке. Я зайду в бильярдную. Там мой один знакомый играет, надо ему два слова сказать.

Козырь молча кивнул головой и прислонился к перилам площадки. В это время, кто-то над его ухом прошептал:

— Берегись... за вами следят.

Козырь вздрогнул и повернул голову. Как ни сильно он был пьян, но эти зловещие слова заставили его вспомнить опасность своего положения.

Он молча и тяжело дыша смотрел на человека, предупредившего его об опасности. Последний, заметив, что Козырь совершенно растерялся, энергичным шепотом приказал ему:

— Ступай вниз! Одевайся! Выйдешь, подожди меня на улице. Смотри же, скорей! Каждая минута дорога!

Козырь машинально, плохо сознавая, что он делает, спустился вниз, придерживаясь за перила, кое-как оделся при помощи швейцара и вышел на улицу.

На свежем воздухе хмель с прежней силой ударил ему в голову. Мысль о грозящей опасности, на минуту осветившая пьяный мозг, погасла... Как сквозь сон помнит он, что кто-то подхватил его под руки, повел куда-то, помог сесть в экипаж... Чей-то незнакомый голос громко крикнул:

— Пошел! Живее!

37. В участке

Асан несколько задержался в бильярдной и, выйдя в коридор, уже не застал Козыря.

Предполагая, что тот спяна или вернулся в общий зал или отправился разыскивать его, Асан решил не уходить из гостиницы, пока не разыщет пьяного товарища. Он заглядывал и в общее зало и в бильярдное и в уборную, расспрашивал лакея.

Козыря нигде не было.

Убедившись, наконец, что Сенька, не дождавшись его ушел домой, Асан, в свою очередь направился к выходу, не замечая, что за ним неотступно следит тот самый господин, который сидел за соседним столиком и пил пиво.

— Ах, нелегкая его задави, — думал черкес про Козыря, выходя из гостиницы, — куда это он, пьяный, направился. Заберется с пьяных глаз куда-нибудь в знатное место и влетит! Там теперь переодетых «крючков» (полицейских) сколько хочешь... Поджидают, не подвернется ли кто из «блатных».

Размышления Асана были прерваны громким окликом очередного извозчика, стоящего у подъезда «Европы»:

— Прикажете подать, барин?

— Давай.

Пролетка застучала по мерзлым кочкам дороги... Электрические фонари большой улицы сменились теперь мраком глухих переулков, куда приказывал ехать извозчику Асан. Прежде, чем отправиться на вокзал к ночному поезду, ему необходимо было заехать на квартиру:

взять вещи и спрятанные там деньги. При при себе у него было около трех тысяч рублей... Асан был далек от всякой мысли об опасности и поэтому не обращал внимания на ехавшую сзади на некотором расстоянии пролетку с двумя седоками, которые были, как казалось, сильно выпившими. Они орала на все улицу, и то и дело, пытались затянуть какую-то пьяную песню.

— Эх-х! Да возле речки... — выкрикивал один из них, и в то же время шептал своему спутнику: — Первое дело, оглушить его надо сразу, а то, черт его знает, ножом пырнет.

— Да уж знаю, ваше благородие, не впервой!

— Прямо кастетом по башке... извозчик! Дуй в хвост и в гриву! Сы-ыпь!! Вези прямо к «квартирным»!

Извозчик торопливо передергивал вожжами и погонял лошаденку.

— Эко их разбирает! — подумал с досадой Асан, оглядываясь на шумливых гуляк.

В это время он поровнялся со своей квартирой и велел извозчику остановиться.

Ворота были заперты и Асану пришлось постучаться в одно из окошек нижнего этажа.

— Ты меня подожди, я сейчас на вокзал поеду! — крикнул он извозчику.

Задняя пролетка тоже остановилась и ночные гуляки, быстро соскочив с нее, бросились к Асану. Тот в это время стоял, нагнувшись к ставне окна и не заметил их приближения. Между преследователем и Асаном оставалось всего не более двух шагов, когда последний повернулся к воротам и увидел перед собой две темные фигуры. Поняв, в чем дело, молодой черкес сделал быстрый прыжок в сторону выхватывая револьвер. Но к его несчастью, нога подвернулась на обледенелом тротуаре: он потерял равновесие и упал почти в тот же момент один из нападающих со всего размаха ударил Асана по голове и лишил возможности сопротивляться далее. Извозчик, привезший Асана, увидев происшедшее, закричал было во все горло о помощи, но его остановили.

— Молчи! Мы — полиция!

Асан был обезоружен; руки ему связали ремнем и посадили на пролетку.

Один из полицейских, крепко обхватив арестованного, а другой полицейский поехал сзади... Весь этот кортеж тронулся к ближайшему участку... У ворот участка извозчики были отпущены.

— Ну, выходи, што-ли, — грубо толкнул Асана в плечо его конвоир. — Не пробуй бежать — сейчас же пристрелим, как собаку.

Морозный ночной воздух совершенно освежил Асана. Несмотря на сильную боль в плече и в голове от полученного удара кастетом, он довольно бодро сошел с пролетки и поднялся на крыльцо.

Тяжелая дверь со скрипом ржавых петель отворилась и пропустила Асана.

Первая комната, небольшая, в одно окно, с грязным заплыванным полом, служила приемной. Здесь по утрам толпилось обыкновенно много народу: просители разного рода, лица, приходившие за справками. Спинки скамей, стоящих около стен, хранили на себе, в виде темных лоснящихся пятен, красноречивые следы долгих часов скуки и ожидания, которые выпадают на долю мелкого обывателя, когда он приходит за чем-нибудь в участок. Грязные стены комнаты, с обвалившейся кое-где штукатуркой, украшены разного рода объявлениями,

начиная с последнего номера губернских новостей со списком разыскиваемых лиц и, кончая предостережением, писанным красивым канцелярским почерком: «шапок в передней не оставлять»! На самом видно месте стены была прилеплена кнопками небольшая фотографическая карточка — снимок с обнаженного трупа, выставленного для «опознания». Приемная освещалась маленькой лампочкой, стоящей на подоконнике. Воздух был скверным и тяжелым: пахло махоркой, сыростью... На одной из скамеек лежала неподвижная фигура, покрытая шинелью. Фигура эта испускала неистовые носовые рулады, к которым примешивались однообразные звуки часового маятника и храп дежурного околоточного, доносящийся из соседней комнаты, дверь в которую была полуоткрыта.

— Эй, ты, чучело, вставай! Ишь разоспался точно дома на печке! — довольно бесцеремонно ткнул один из конвоиров Асана спящую фигуру. Тот зашевелился, фыркнул, из-под шинели показалась заспанная взлохмаченная голова.

Узнав в одном из вошедших начальство, городской моментально вскочил со скамейки и захлопал сонными глазами.

— Ты, тетеря сонная! Спать у меня! Смотри!

— Так что, виноват, ваше благородие, вздремнувши малость.

— Обыскать! — последовало краткое распоряжение.

Асан был тщательно обыскан с ног до головы и все содержимое его карманов выложено на стол...

— Спустить его вниз!

38. Дверь открыта

— В общую, прикажете?

— Запереть в женскую камеру! Там ведь у нас сегодня никого нет?

— Так точно...

Асану развязали руки, и еще раз погрозив смертью, если он попытается бежать, повели вниз.

Из сеней узенькая дверь вела в подвал, где помещалась каталажная камера. Нужно было спуститься по лестнице ступенек пятнадцать. Заспанный городской вооружился лампой и шел впереди. Шестивие замыкал другой городской. Последний, прежде, чем вывести Асана из приемной, красноречивым жестом показал ему револьвер.

— Влопался! — внутренне бесился черкес, проклиная свою неосторожность, — как кур в оцип влопался! Выследили проклятые! Эх, надо бы мне тогда же из Томска уехать...

Они спустились по лестнице и стояли теперь на площадке, на которую выходили двери каталажных камер.

— Отворяй поживее! Чего ты копаешься, словно три дня не ел! — сердито проворчал один из конвоиров.

Обладатель взлохмаченной головы, видимо, не совсем проспавшись, долго возился над замком, прежде чем отворил дверь. Наконец, старания его увенчались успехом: замок был

отперт, прибор снят и дверь, уныло скрипя ржавыми петлями, распахнула свою черную смрадную пасть.

— Ну, проходи, что-ли! — слегка толкнул Асана в плечо его строгий конвоир.

Асан нервно повел плечом от грубого прикосновения, весь выпрямился в одно мгновение и был готов достойным образом ответить на насилие, но сдержался и молча перешагнул через порог камеры.

Здесь было темно, душно и сильно пахло сыростью. Маленькое окошечко над дверью, запыленное и засиженное мухами, давало слабый мутный отблеск от лампы, которую полицейские зажгли на площадке...

Тяжелая дверь еще раз проскрипела петлями и крепко захлопнулась за арестованным.

Когда глаза Асана привыкли к полумраку, царящему в камере, он произвел тщательный осмотр последней. Ничего утешительного для себя заключенный увидеть не смог. Голые стены с сырыми пятнами в углах и с бесчисленными следами убитых клопов, грязные покатые нары во всю стену, в углу около дверей, неизменная «параша», — вот все, что встретил наш злополучный герой под «гостеприимной» кровлей полицейского участка.

Асан в волнении принялся расхаживать по камере, проклиная и себя, и судьбу, и все окружающее... Наконец, утомившись этим бесцельным хождением из угла в угол, он подошел к нарам, разостлал на них свое пальто и улегся, намереваясь уснуть.

Утро вечера мудренее! — уже спокойно думал он. — Что раньше смерти умирать! Аось, еще как-нибудь вывернусь! Да и с участка убежать немудрено. Эх, если бы можно было дать знать о себе атаману — наверняка выручил бы. Да как сделать это!

Асан повернулся на другой бок и подпер голову рукой.

— Как-то Сенька выпутался? Не иначе, что и его забрали. Вот тебе и съездил на родину! Эх, дурак, дурак...

Вскоре арестованный понял, что уснуть ему немедленно не придется.

Необходимая принадлежность всех каталажных камер — клопы, и здесь давали себя знать. Кроме того, из-за перегородки в общую камеру доносились какие-то неясные дикие звуки, какой-то прерывистый хрип.

— Пьяный должно быть какой-нибудь во сне мается, — подумал Асан, внимательно прислушиваясь к этим звукам, режущим нервы.

Асан с головой закутался в пальто и напрягал всю силу воли, чтобы уснуть поскорее. Глаза его уже смыкались и легкая дремота окутывала уже сознание, когда он услышал, что кто-то отворяет дверь в его камеру.

Асан откинул пальто и удивленно поднялся на локоть.

Дверь отворилась и на пороге ее показалась фигура того самого полицейского, который участвовал в поимке Асана.

— Вставай! Одевайся, пойдем наверх, — обратился он к Асану.

Страшная мысль промелькнула в голове молодого черкеса и заставила содрогнуться. — Бить будут! Иначе, зачем бы стали звать.

Ему вспомнились слышанные ранее рассказы о жестоких побоях, которым подвергались, будто бы, арестованные в полицейских участках. Глухая полночь, зловещая тишина камеры и мрачный вид городского, неподвижно стоявшего в дверях, как нельзя более гармонировал с этими воспоминаниями.

Коли бить будут — живым в руки не дамся! — решил Асан, выходя из камеры.

Когда они поднялись наверх, провожатый указал на дверь, над которой виднелась надпись: «Кабинет пристава» и сказал:

— Иди туда! Шапку-то сними...

Асан нерешительно взялся за ручку двери.

В кабинете, за письменным столом, сидел полицейский чиновник, в котором Асан, к крайнему своему удивлению узнал господина, пившего пиво в «Европе», за соседним столиком. Теперь тот иронически улыбался, заметив удивление Асана.

— Стань вот здесь, около стола... Да смотри, не вздумай шутить — видишь револьвер.

Асан встал на указанное место и молча кивнул головой.

— Слушай, парень. Много ли тебе денег досталось от того артельщика.

— Какого артельщика? Знать я ничего не знаю.

— Ну, ладно, ладно! А эти деньги, в бумажнике твоём.

— Собственные мои...

Допрашивающий выразительно свистнул.

— Полно, брат, дурака валять. Будем говорить лучше начистоту! Ты совсем из Томска собираешься уехать.

— На родину собрался.

— И паспорт чистый и все в порядке.

— Да, уж как водится.

— Гм, воля-то, парень, дороже денег... А как думаешь.

Смутная надежда зашевелилась в душе Асана. Он поспешил ответить утвердительно.

— Поезд в шесть утра отходит... Чай с ним бы поехал, если бы не арест.

— Ни минуты не стал бы ждать, ваше благородие.

— Гм, ну ступай себе!

Допрос был окончен, и Асан вышел из кабинета. В приемной, к его удивлению, не было ни души. Мысль о возможности побега молнией озарила мозг Асана. Он осторожно вышел в сени, и, никем не замеченный, прошел к наружной двери. Дверь эта была заперта. Еще один шаг и он будет на свободе.

39. Смерть Голубка

Все еще плохо понимая, в чем дело, Асан нерешительно потянул к себе дверь. Она свободно подалась в его сторону и он вышел на крыльцо.

Свободен! — мелькнула в его сознании радостная мысль. — Теперь только удрать поскорее!

Ночь приближалась к концу. На востоке уже белела полоса близкого рассвета... Спящая улица тонула в неясном сумеречном полумраке. Час для бегства был самый благоприятный. И Асан не замедлил, конечно, воспользоваться этим. Он бросился бежать по пустынной улице со всех ног.

Завернув за угол, он миновал один глухой переулок, выбежал на другую улицу и тут только почувствовал себя в безопасности. Тяжело дыша, весь еще полный пережитыми впечатлениями неожиданного ареста и еще более неожиданного спасения, Асан быстро зашагал к своей квартире, обдумывая в то же время план дальнейших действий.

— Уехать мне теперь в шесть часов не удастся: извозчиков не найдешь, а на себе багаж не потащишь! Придется еще продневать... Но где. У себя на квартире опасно — полиция может с обыском нагряться! Пойти разве к Голубку, у него спрятаться. Да, так, пожалуй, будет лучше!

Приняв такое решение, Асан тем не менее зашел на квартиру. Ему нужно было взять остальные деньги и условиться с хозяином относительно вещей.

Ворота все еще были закрыты, но на этот раз Асану пришлось недолго стучать: хозяин квартиры, старик еврей, «варшавский портной», как это гласила его вывеска, ловкий и весьма популярный среди «блатных», скупщик краденого, разбуженный стуком в окно, торопливо выбежал к воротам.

Асан послал по его адресу энергичное приветствие.

— Отворяй скорей, старый черт! Не узнал!

Еврей засуетился около калитки.

— Все ли хорошо, дружище. — Первым делом спросил он Асана, когда тот вошел во двор. Маленькие хитрые глазки еврея пытливо окинули фигуру квартиранта появившегося в столь неурочный час.

— Не больно, брат, хорошо. Было попал на «крючок», да убежать удалось! — махнул рукой черкес, направляясь в квартиру.

— Ах, я уж думал, пропала твоя голова! — быстро с нервной ажитацией говорил еврей, сильно размахивая руками.

— Почему ты это думал, Янкель? — удивился черкес.

— Как почему? Разве я не знал? Как вы только вчера утром ушли себе пить, приходит этот старый мошенник Голубь, и зараз говорит мне: «Ох, душа моя, Янкель, беда!» И что за беда? — спрашиваю я. «Твоего, говорит, квартиранта забрали! Очень худое дело вышло! Смотри, придут до тебя, будет большой шухер!»

Асан с большим изумлением выслушал тот рассказ. Его поразило то обстоятельство, как мог Голубок узнать об аресте. Ведь его взяли ночью, а Голубок приходил днем.

— Что-то очень странно это и подозрительно! — невольно подумалось Асану. — Уж не

Голубок ли и подвел меня? С него, пожалуй, станется. Гляди, еще обделили его на дуване, вот он и вздумал «пришить нам бороду» (выдать товарищей).

Узнав далее от Янкеля, что Голубок, под благовидным предлогом спрятать от могущего быть обыска вещи Асана, увез к себе его чемодан, черкес окончательно убедился в измене сообщника.

— Вот рыжая сволочь! Продал нас, собака! Чемодан к себе увез, поди думал, что деньги в нем спрятаны! Ах, псиное мясо, глотку ему перерезать! внутренне бесновался Асан, пытаюсь скрыть свое бешенство от Янкеля.

К великому своему удовольствию и успокоению, Асан убедился, что спрятанные деньги лежат на месте. Взяв их и положив в карман пальто свой черкесский кинжал, Асан простился с хозяином квартиры и вышел, напутствуемый его добрыми пожеланиями. Остальную часть багажа: одеяло, подушку, корзинку все это Асан оставил Янкелю, так как багаж мог помешать исполнению задуманного им плана мести.

Горячая, южная кровь Асана пылала теперь неутолимой жаждой отмщения предателю. Он решил снова рискнуть свободой, но не уезжать из Томска, прежде чем не разделается с Голубком.

— Из-за него, подлеца, три тысячи в участке остались! Сенька, наверное, тоже попался! Надо его, собаку, пришить!

От квартиры Янкеля до пивной Голубка было не особенно далеко, и Асан минут через пятнадцать быстрой ходьбы стоял около цели своего путешествия.

Время было часов пять утра. Асан перемахнул через забор и принялся стучать в заднюю дверь пивной.

— Кто там, — послышался голос самого Голубка.

— Свой, отворяй живее!

— Кто свой.

— Это я, Асан. Отвори живее. Из участка я бежал из-под стражи. Спрячь меня до ночи где-нибудь.

— Чего на квартиру к себе не шел. — Спросил, не отворяя дверь, осторожный Голубок.

— Да разве можно мне на квартиру идти: там теперь наверное полиция караулит! — ни на минутку не задумываясь, ответил Асан.

Ответ этот, видимо, успокоил подозрения Голубка. Он отворил дверь.

— Проходи что-ли! Только куда я тебя спрячу. У меня самого, того и гляди обыск будет. Ишь время-то какое: все «крючки» на ноги стали...

— Ну ничего, дядя, не бойся! — успокоил его Асан, входя в сени.

— Иди в горницу, а я уж умом раскину — куда тебя получше спрятать! продолжал Голубок, вполне убежденный, что Асан не подозревает о его предательстве.

В прошлом у Голубка был не один уже случай подобной измены тем, которые делились с ним воровскими планами и пропивали в его же пивной барыши своих кровавых дел. Но все это как-то сходило с рук. Били Голубка, правда, часто и жестоко, но за недостатком улик,

на смерть не убивали.

Теперь вышло не так.

Асан, убедившись, что никто не может помешать его намерению разделаться с Голубком, нащупал в кармане кинжал.

— Нет... зачем идти в горницу... Мы с тобой здесь поговорим.

В тоне его слов было что-то ужасное, неумолимое. Голубок испуганно отшатнулся в сторону, но было уже поздно. Холодная сталь мстительного кинжала сделала свое дело.

— Вот тебе, собака, за измену! — торжествующе прошептал Асан.

40. Свидание с Катей

Совершив кровавое дело мести, Асан благополучно успел скрыться. В то же утро он уехал из Томска с намерением никогда более не возвращаться сюда. Насколько оправдались эти надежды, покажет нам будущее, а теперь скажем несколько слов о Козыре. Таинственный незнакомец, предупредивший его об опасности, доставил Козыря в такое место, где розыски полиции были уже не страшны нашему герою. Кто был этот спаситель, какую роль он играл в судьбе Козыря и что заставило его спасти последнего от неизбежного ареста, — все это наши читатели узнают впоследствии.

Сейчас перед нами открывается новая картина.

Раннее весеннее утро. Небо раскинулось голубым шатром над обновленной дыханием весны землею. Суровая сибирская природа, освободившись от оков зимнего сна, сыплет щедрым весенним солнцем. Люди, вынужденные безвыездно жить в городе, не могут конечно, иметь точного представления о своеобразной прелести сибирской весны, но те, кому хотя бы однажды привелось встретить эту весну на лоне природы, в глуши тайги, — те никогда не забудут, как обаятельно красива лесная глушь в светлые весенние дни.

Вот почему с первыми весенними цветами, с первым весенним теплом, песнью кукушки и говорливыми ручейками, учащаются побег из тюрем. в душе каждого заключенного живет тоска по воле, а весной она становится особенно ощутимой.

В описываемое нами теплое майское утро, двор пересыльной тюрьмы, находящейся за чертой города, был полон арестантами, на уголовных, отбывающих сроки наказания. Все они рады были подышать свежим чистым воздухом, погреться на солнышке, полюбоваться весной, насколько это было возможно в пределах тюремного двора. Яркое весеннее солнце золотило крыши тюремных построек и играло огненными бликами на окнах верхнего этажа, обращенных к востоку. В верхнем этаже тюрьмы, вдоль длинного темного коридора, помещались одиночные камеры.

Заглянем в одну из них. Сквозь запыленные стекла маленького окна с железными перелетами решетки, золотой солнечный луч прорезывает мутный полумрак камеры и падает на бледное истомленное лицо заключенного, который лежит в углу на своей койке. Он кажется спящим: глаза его закрыты и вся фигура застыла в неподвижном покое. На самом же деле узник не спал. Он был погружен только в глубокую задумчивость и лежал с закрытыми глазами, чтобы не видеть мрачных стен своей тюрьмы.

Это был Иван Семенович Кочеров. Но едва ли кто-либо из его прежних знакомых узнал бы в

этом худом бледном арестанте, цветущего здоровьем и молодостью, весельчака и разбитного малого, которым был когда-то Иван Семенович. Арест, одиночное заключение, ожидание военного суда и, в будущем, грозная тень виселицы, — все это сильно подействовало на здоровье Кочерова и его душевное состояние. Следствие по делу об убийстве на вокзальном шоссе было закончено и теперь ему приходилось ждать очередной сессии военного суда. Ему были разрешены свидания с родными, но он не особенно радовался этому обстоятельству. За последнее время он все чаще и сильнее ощущал в себе потребность быть наедине с самим собой.

Долгие бессонные ночи, полумрак тюремных стен и постоянная неотгонимая мысль о роковом конце, изгнали из его памяти все, что было в ней грязного и преступного. Но, не сожаление о прошлых светлых днях юности, не страх перед близкой казнью, наполняли теперь смягченное сердце узника. Одни воспоминания о своей любви к Кате, ее дорогой горячо любимый образ, — только это, одно только это, жило и властвовало в душе Ивана Семеновича. Сон сделался для него желательным источником забвения, кратковременным возвратом к прошлому... Во сне ему по-прежнему улыбались любимые уста и звучала знакомая грустная песня... А по утрам, когда оклик дежурного надзирателя разгонял эти дивные грезы, Иван Семенович взбирался на стол и подолгу простаивал, прижавшись лицом к холодному железу оконной решетки.

Так шли дни за днями... За стенами тюрьмы все дышало весенним обновлением, а здесь в сырой и тесной одиночке веяло холодом могилы.

Солнце поднялось уже высоко и его теплый дрожащий луч заполнил уже самый отдаленный угол камеры, когда дверь одиночки отворилась и на пороге показался надзиратель.

— Вставайте, Кочеров, в контору вас требуют, на свидание.

Иван Семенович повернул к нему голову, не поднимаясь с койки.

— На свидание. Жена, ведь, была у меня в воскресенье...

— Не знаю кто, только требуют. Идите скорее!

Потому ли, что сегодня ему приснился особенно хороший сон, оттого ли, что солнечные лучи, врывающиеся в камеру, были особенно теплы и говорили о весне, в душе Кочерова зашевелилось какое-то смутное ощущение чего-то нового, хорошего и неожиданного. Слабая надежда на что-то, о чем он и мечтать боялся, затрепетала в его сердце.

И надежда его не обманула. Едва он переступил порог комнаты, отведенной для свиданий, его глаза усмотрели за густой проволочной сеткой ту, которая была неотступно в его мыслях, чей образ улыбался ему из мрака тюремной ночи. Это была она, его Катя, прекрасная, как майский день и вся дышащая ароматом духов, как живое олицетворение весны.

— Катя! Катя! — бросился он к решетке, протягивая сквозь ее переплет свои исхудалые руки.

— Как ты попала сюда? Как ты вспомнила обо мне?

Катя ласково улыбнулась и крепко пожала протянутые ей руки.

— Пришла проведать тебя, Ваня! — просто ответила она. В голосе ее звучало неподдельное сожаление.

— Ты вспоминала обо мне? Ты не забыла меня? — шептал он, не выпуская рук Кати. Слезы текли по исхудалому лицу, но он не замечал их.

— Почему ты не написал мне об аресте?

— Катя! Как я мог писать тебе! Я боялся и повредить тебе этим письмом и боялся, что ты... не захочешь читать его. Ведь я теперь конченный человек: либо петля, либо каторга.

— Я только из газет узнала о твоём деле. Раньше ещё хотела приехать, да никак нельзя было.

— Спасибо тебе, спасибо, что не забыла, пришла!

Катя близко придвинулась к решетке и тихо подозрительно косясь в сторону присутствовавшего при свидании надзирателя, шепнула:

— Побег устроить нельзя!

Кочеров покачал головой.

— Трудно это сделать, Катя, очень трудно!

41. Последнее «прости»

— Хотя трудно, но, все-таки возможно.

Кочеров махнул рукой.

— Не знаю. Не думал я об этом.

— Если тебе нужны деньги скажи. Я могу дать тебе... — предложила Катя.

Иван Семенович отрицательно покачал головой.

— Нет, зачем же. Деньги мне не нужны... Если понадобится, то жена может дать... Надолго ты в Томск приехала?

— К сожалению, я не располагаю временем. Завтра же утром я должна ехать обратно. Ведь я сюда тайным образом приехала.

— Как так? — удивился Кочеров.

— Воспользовавшись отсутствием моего старика, он отлучился по делам на прииски, я и покатила сюда. Долго мне жить здесь нельзя, надо вернуться домой до приезда старика.

Иван Семенович тяжело вздохнул и уныло опустил голову.

— Да, Катя, — прошептал он. — Не привелось нам с тобой по-старому зажить. Не судьба, значит! Я ведь только и надежды питал... Богатым думал стать, тебя счастливой сделать. Вместо того в тюрьму попал! Эх! — В голосе его послышалось крайнее отчаяние.

— Ну, не унывай, Ваня! Может быть, все устроится. Приговорят тебя в ссылку, с дороги можно убежать легко, а там уж от тебя зависеть будет. Не падай только духом! — ободряющим тоном говорила Катя, с грустью и сожалением смотря на бледное лицо заключенного.

При последних словах оно озарилось счастливой улыбкой безумно влюбленного человека. Глаза Ивана Семеновича блеснули надеждой.

— Зачем унывать. Будем надеяться на лучшее! Одна у меня к тебе просьба, Катя, пиши мне, если не поленишься. Чаше и больше пиши!

Катя выразила живейшую готовность поддержать переписку, насколько это будет возможным. Они условились адресами.

Свидание подходило к концу.

— Вот что, Ваня, хотела я тебя спросить, — нерешительно начала она, нервно вертя ручку своего кружевного зонтика. — Я имела основания думать, что ты так или иначе виновен в смерти... того человека, к которому ты меня постоянно ревновал.

Напоминание это болью отозвалось в душе Кочерова, но он сдержал себя.

— Теперь, когда все прошло, пережито нами, — продолжала Катя, — я хотела бы успокоить себя, убедиться, насколько верны были мои подозрения.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу знать и ты скажешь мне это... Скажешь правду, во имя любви ко мне, скажешь... Кто убил Александра...

Катя кончила и выжидательно смотрела на Кочерова. Тот прижался лицом к разделявшей их решетке и твердо выговорил:

— Только не я! Только не я! Катя, говорю тебе святую правду!

Торжественный тон этих слов не оставил в душе Кати места сомнениям и Катя больше не переспрашивала.

— Я тебе верю! — просто ответила она. Ее красивое лицо слегка затуманилось, старая, не вполне закрывшаяся рана сердца, дала о себе знать при воспоминании о безвестной смерти Пройди-света.

— Все еще ты любишь его! До сих пор не забыла! — с горечью заметил Кочеров.

Катя в ответ на это весело улыбнулась, блеснув своими жемчужными зубами.

— А ты уж и приревновал. Опять по-старому! Ах! Какой же ты чудак, Ваня... Спросила я тебя для того только, что бы между нами не осталось никаких тайн. Вот и все. Понял!

Объяснение это не совсем успокоило Ивана Семеновича, но он, боясь рассердить Катю, прекратил этот разговор... Они обменялись еще несколькими фразами, как к ним подошел надзиратель.

— Свидание кончено. Прошу вас удалиться! — заявил он, эффектно щелкая крышкой часов.

— Ну, друг мой, до лучших дней! — крепко сжала руки заключенного взволнованная Катя.

— Прощай, радость моя, прощай! — грустно повторил он, отвечая на этот последнее пожатие дорогих рук.

— Не падай духом! Надейся!..

— Пиши мне, Катя, — ради всего святого пиши! — горячим, страстным шепотом умолял он, судорожно хватаясь за ее маленькие изящные пальчики.

Глаза его были полны слез и выражали глубокую тоску.

— Прошу прекратить свидание! — резко и неумолимо произнес страж закона.

— Пора, Ваня, прощай! — осторожно освободила она свои руки. — Не тоскуй, голубь мой, свидимся!

Эти прощальные слова влили в истомленную душу узника давно не испытанную отраду. В них ему слышался голос искренней любви, вера в светлое грядущее...

В сильном душевном волнении прислонился он к решетке, провожая Катю тоскующим взглядом и повторяя мысленно ее последнее прости...

Снова стены одиночной камеры неприветливо взглянули на узника, лишь только он перешагнул порог.

Отчаяние и горе, наполнявшие его душу, были безнадежно темны, как мрак спустившийся в углах камеры.

Когда тяжелая дверь камеры захлопнулась за ним, он бессильно повалился на койку... Судорожные рыдания потрясли весь его организм...

Немые бесстрастные стены тюрьмы были единственными свидетелями этого взрыва глубокой скорби...

Мало-по-малому Иван Семенович успокоился... Он лежал неподвижно, уставившись взглядом на темно-голубой квадрат окна, пересеченной черными полосами решетки.

Форточка была открыта и в нее, вместе со свежим теплым воздухом, лилась отголоски широкой хоровой песни, грустной как осень...

Пели это в соседнем корпусе, у «политиков».

42. Суд

Медленно и скучно потянулись дни для Ивана Семеновича. Единственными радостными проблесками в этом мраке одиночества и тоски были письма от Кати. Она сдерживала свое слово и аккуратно раз в неделю писала ему. О, с каким страстным нетерпением ожидал он эти письма, как читал и перечитывал их, как бережно хранил! Под влиянием бодрого успокаивающего тона Катиных писем, он стал и сам смотреть на свое положение с более оптимистической точки зрения. Мысль о возможности быть повешенным казалось теперь нелепой. Ведь я не грабил, можно сказать, только присутствовал при этом... За что же меня вешать! — мысленно успокаивал он себя. — Ну, положим, сошлют меня на каторгу, разве оттуда бежать нельзя! А уж на воле-то я не пропаду! Катя, как видно, стала ко мне относиться со всей душой, полюбила меня может еще и заживем мы с ней!

...Хотя все время Кочеров содержался в строгом одиночном заключении, все же ему удавалось иногда получать сведения о своих сообщниках: Егорине и Махаладзе.

Так он узнал о сумасшествии Егорина и затем о его смерти в тюремной больнице. Последнее известие очень удивило Кочерова и заставило его задуматься.

...Между тем, время шло, миновало лето и дождливая осень, выпал первый снег...

Кочеров, выходя в определенные часы на «прогулку» с какой-то страшной, почти детской

радостью любовался этим первым пухлым снегом...

Где-то в глубине души, смутно шевелились воспоминания далекого детства, связанные с этой порой года — с наступлением зимы!..

Письма от Кати получались все также аккуратно, как и прежде...

Она обещала приехать в Томск ко дню разбора дела. Наконец настал и этот столь долгожданный день.

Было это в первых числах декабря... Утром, во время проверки, Кочерову объявили, что сегодня будет слушаться его дело. Торопливо одеваясь, он старался показать себя спокойным, но это плохо ему удавалось: руки его дрожали, глаза беспокойно впивались в лицо тюремной стражи, точно он хотел прочесть на них свою ближайшую участь. Бесконечно длинным показался ему путь от тюрьмы до места, где нашел себе временное помещение военно-окружной суд.

Махаладзе был раньше него выведен из тюрьмы и они встретились с ним только в приемной суда. Черные глаза грузина ласково блеснули при виде Кочерова. Он дружелюбно кивнул ему головой. Разговаривать было нельзя, их разделял конвой. Помещение суда было полно народа. Сотни глаз устремились на фигуры наших героев, когда они заняли места на скамье подсудимых.

Кочеров избегал смотреть в сторону публики. Он боялся встретится с знакомыми лицами; но в то же время надежна повидать милые черты той, кто была для него дороже всего на свете, заставляла Ивана Семеновича изредка пробегать глазами по передним рядам публики.

Надежда эта была напрасной: Кати в зале не было.

Поглощенный мыслью о том, что могло помешать любимой женщине сдержать свое слово, явиться в суд, Кочеров пропустил содержание обвинительного акта. Несколько внимательнее стал он прислушиваться к речам обвинителя и защитников...

Уже поздно вечером, когда в зале сгустились сумерки и на судейском столе были зажжены канделябры, подсудимым прочитали приговор.

Длинные, страшные и непонятные для растерянного сознания, слова приговора прозвучали, казалось, где-то далеко, но глухо и больно отзывались каждой своей буквой в истомившихся сердцах.

«Приговариваются к лишению всех прав состояния», — отчетливо донеслось до слуха Кочерова. Радостная мысль молнией пронеслась в его сознании. «Значит, ссылка с лишением прав!»

— «И к смертной казни через повешенье!» — громко прозвучали слова приговора.

Кочеров невольно приподнялся на месте, схватился руками за скамейку, чтобы не упасть. Странная, точно лихорадочная дрожь, охватила всего его.

Крупные частые слезы неудержимо потекли из глаз. В этот момент он был действительно жалок.

Махаладзе, тоже побледневший, но наружно спокойный, молча выслушал приговор и презрительно покосился на слезы Кочерова.

— Все теперь кончено! Прощай, Катя! — с глубоким вздохом прошептал он, еле находя в себе силы следовать за конвойным.

Машинально, точно автомат, шагал он по спящему городу. Тесная стена солдат окружала его и Махаладзе. Конвойные, утомленные долгим ожиданием в стенах суда голодные и озлобленные, торопливо шагали, побуждая к тому же и арестованных. На углу какого-то переулочка им встретился одинокий ночной извозчик. Он не успел свернуть в сторону и конвой осыпал его градом злобной брани.

— Разинул рот-то, черт старый! — сердито крикнул старший из конвоиров. — Прикладом бы тебя! Эй, Сидоров, сомкни цепь! Шевелите ногами, что ли.

Последнее восклицание относилось к арестантам. Кочеров даже не расслышал его, а возмущенный Махаладзе ответил солдату:

— Ни к месту нам торопиться, в могилу ведь идем!

— Но-но, поговори еще! — смутился конвоир.

43. Накануне казни

Зимний морозный день близился к концу. Глухо и пустынно в тюремных коридорах после вечерней проверки.

Тюрьма, окутанная сизыми сумерками быстро наступающего вечера, хранит зловещее молчание.

Скучно и холодно одиноким часовым, мерзнувшим на своих вышках, по углам тюрьмы. Сегодня они должны быть особенно бдительны. Каждый слабый шорох около тюремной ограды, каждая неясная тень на сумеречном фоне снежного поля, заставляет их вздрагивать и напрягать внимание.

— Поглядыва-ай! — то и дело раздается унылый крик часовых. В общих камерах тюрьмы сегодня против обыкновения тихо: нет ни брани, ни смеха... Точно что-то гнетущее и страшное придавило всех.

Роковое известие, тщательно сохраняемое тюремной администрацией втайне, облетело тюрьму.

Вместе с серыми тенями вечера, в душные полутемные камеры незаметно вполз холодный призрачный призрак смерти.

— Завтра, на рассвете... — пронесся по тюрьме пугливый шепот.

Дежурный надзиратель, отставной унтер-офицер, с тщательно выбритым, сухим, бесстрастным лицом, приняв дежурство, молча и сосредоточенно обошел коридор. Шагал он осторожно на цыпочках, как в церкви, сердито шевелил нафабранными усами, и, то и дело поправлял перевязь шашки, точно узкий ремень давил ему плечо.

Посмотрев в «глазок» общей камеры, надзиратель покачал головой.

— Притихла «кобылка». Знают, должно быть... — подумал он, отходя от двери.

В общей между тем шли сдержанные разговоры полусшепотом, так говорят в домах, где есть покойники.

— Кто их только вешать будет. Неужто из арестантов кто? — негодуяше шептал своему

соседу по нарам молодой парень с более бледным испитым лицом.

Старый бывалый арестант затянулся махоркой, сплюнул и медленно ответил:

— Бывают такие суки... При мне в харьковском центре троих повешали. Свой же уголовный вешал. Из хохлов был такой мозглявый мужичонка.

— Ах, он, в замок, в веру... — не выдержал молодой парень.

— Опосля уж дознались мы, — равнодушно продолжал рассказчик, подпирая голову рукой и сосредоточенно выпуская клубы дыма. — Пришили. На том же кругу темную дали.

— Так ему, собаке, и надо!

— А вот, когда я в Одессе содержался, — вмешался третий собеседник, так у нас был один... зазнамый палач. Так в отдельной камере сидел... Ежели на прогулку, так и то отдельно выпускали. Идет, бывало, а два «масаяки» (солдаты), сзади!

— Иначе нельзя — пришьют в одночасье!

— А что, дядя, больно знать смерть тяжела-то, ежели вешают? — спросил после некоторого молчания молодой арестант.

Сосед неодобрительно посмотрел на него, покачал головой и потушил папиросу.

— А вот заслужи, дурень... Тогда узнаешь!

— Сказано, братцы мои, — веревка крепка и смерть легка! — отозвался кто-то из арестантов.

Тишина тюремного коридора была нарушена шагами...